

ДЕТСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ДЕТСКИЙ
ЮНГИАНСКИЙ
ПСИХОАНАЛИЗ

Дениз Лиар

КОГНИТИВ

Дениз Лиар

Denyse Lyard

Les analyses d'enfants

Une clinique jungienne

Albin Michel

Печатается с разрешения издательства Albin Michel.

Перевод – *С.А. Бикина, О.Я. Журавлева*

© Editions Albin Michel S.A., 1998

© «Когито-Центр», перевод на русский язык, оформление, 2008

Введение

Аналитическая психология и детский анализ должны были пройти длинный путь, прежде чем объединиться. В настоящее время появляется все больше и больше аналитиков, занимающихся детским юнгианским анализом во всех уголках мира. Поначалу, следуя путем психиатра и аналитика из Цюриха Карла Густава Юнга (1875–1961), они ограничивались лишь аналитическим «пониманием», базируясь на воспитательном аспекте и просветительской работе среди родителей, не проводя анализа маленьких пациентов.

Сдержанность и колебания Юнга понятны, если принять во внимание его собственный опыт влияния бессознательного, с которыми он столкнулся ребенком прежде, чем стал способен противостоять этому сознательно. Из его автобиографии «Воспоминания, сновидения, размышления»¹ мы узнаем, что эти ощущения у него появились с четырех лет. Они нашли свое выражение в ужасных нуминозных снах, которые ставили под сомнение жизненные ценности родителей и их ближайшего окружения. Разочарование, так рано появившееся у маленького мальчика, лишило его ощущения безопасности, которое обычно обеспечивают родительские ценности. Именно этот ранний мучительный опыт может объяснить недоверие Юнга ко всему, что может акцентировать бессознательные влияния у ребенка. Он считал, что родители и воспитатели должны помочь ребенку освободиться от этих бессознательных влияний, чтобы он мог построить собственное Я, в дальнейшем способное на конфронтацию. Поэтому анализу ребенка он предпочитал анализ

родителей, выстраивая линию поведения воспитателя по отношению к ребенку. Отсюда и родилась семейная психотерапия.

Желая покончить с мифом о том, что якобы Юнг никогда не проявлял интерес к детству и к развитию, я обратилась к его письмам на эту тему. Должна констатировать, что в начале своей карьеры его наблюдения за детьми и его мысли о психологии детей были связаны с изменением его отношения к идеям Фрейда, что подтверждает их переписка 1907–1912 гг.² Этот переломный этап в жизни и творчестве Юнга мы рассмотрим в первой части книги.

Обратимся к понятиям *анализ* и *аналитическое отношение*. Надо дать им определения потому, что их понимание различно у юнгианцев, фрейдистов и лаканистов. В одной из своих лучших книг «Психология переноса»³ Юнг дал определение этих понятий.

Анализ – это сложное переживание в отношениях двух бессознательных и двух сознаний в неравноправной позиции, где аналитик предвосхищает своего анализируемого в осознании происходящего процесса. В этом динамическом поле может появиться множество структур, образующих Я, – тех, которые составляют личное бессознательное, – и организующих структур личности любого человека (сознательное и бессознательное), то есть человеческих схем, которые составляют коллективное бессознательное. Активизация бессознательных содержаний при переносе позволяет анализанду их осознать и противостоять им благодаря отношениям с аналитиком, отношениям, порождающим различие: «Да, это действительно мое, а это мне не принадлежит; я выбираю больше не быть таким». Способ стать самим собой, актуализировать, осуществить реализацию проекта становления себя, своей самости, себя абсолютно целого. Способен ли на это ребенок? Есть ли в нем Я достаточно выстроенное, чтобы пережить противостояние? И особенно важно – имеет ли он возможность войти в отношение со своей самостью? Последняя уже существует?

Первые теории, касающиеся психотерапии и юнгианского психоанализа детей, были созданы благодаря Майклу Фордхаму, лондонскому детскому психиатру и ученику Юнга. Он был вынужден выковать свое собственное оружие в период Второй мировой войны, находясь в изоляции на острове, вдали от учителя, но рядом и в сотрудничестве с аналитиками-фрейдистами, в частности, с Мелани Кляйн.

Хотелось бы заметить, что дети организуют свои отношения с миром, с другими людьми и с самими собой по схемам, в которых главную роль играет тело и бессознательное во взаимодействии с островками Я, которые, хотя и существуют с самого начала, но выстраиваются в целостное Я постепенно. Именно с этой соматопсихической целостностью анализ вступает в отношение, тем самым помогая ребенку развиваться в новом качестве.

Фордхаму принадлежит разработка понятия «первичная Самость»⁴, эта биопсихическая целостность, которую я называю также «центральный организатором». Он описывает модель функционирования, из которой вытекает терапевтическое отношение, так любимое англичанами, и к которой я обращаюсь во второй части моей книги.

Эрих Нойманн, другой юнгианец второго поколения, был аналитиком в Тель-Авиве с 1934 по 1960 годы, он оставил богатое наследие, в котором отразились его разнообразные интересы. В конце жизни Нойманн стремился обозначить структуру и динамику рождающейся личности ребенка. Его подход отличается от подхода Фордхама, он исключительно полезен тем, кто сталкивается с самыми архаичными зонами психики. Еще в своей работе «Происхождение и развитие сознания»⁵, представляющей широкую этно-мифологическую картину, он углубился в изучение Феминности, а в «Великой Матери»⁶, истории Эроса и Психеи⁷, продолжил изучение Феминности в супружестве⁸. В «Ребенке»⁹ он затронул клинический аспект человеческого развития; к сожалению, это произведение осталось незаконченным. Сегодня многие концепции, созданные Нойманном, используются большинством юнгианцев, среди которых – и детские, и взрослые аналитики. Я рассмотрю эти концепции во второй части моей книги, они включают в себя понятия, которые я обычно использую.

Этот краткий исторический экскурс позволяет понять, почему детский психоанализ так поздно нашел свое место в рядах юнгианских обществ аналитической психологии. Его официальное признание произошло на девятом конгрессе международной Ассоциации аналитической психологии, который состоялся в Иерусалиме в 1983 году. С тех пор детские аналитики прокладывают свой путь и помогают аналитикам взрослых найти первопричину конфликта. Я ставлю перед собой такую же цель, обобщая свой клинический опыт в последних частях своей книги.

Часть первая

К.Г. Юнг и ребенок

Глава первая

Диалог с Фрейдом

Читая переписку Фрейда и Юнга (1906–1910), я поняла, какую важную роль в жизни и творчестве Юнга сыграли его встречи с юными пациентами, а также возможность наблюдать за реакциями старшей дочери на появление на свет младшего брата в конце 1908 года. Из этих писем становится ясно, как Юнг меняет свою точку зрения на детство и отношение к детям. Это подтверждается биографией Фрейда, написанной Петером Геєм¹.

Гумберт, точка зрения которого совершенно отличается от моей, в своей книге, посвященной Юнгу², обратил внимание на эту смену взглядов. Им соответствуют, пишет Гумберт, два различных подхода: один, когда наблюдатель психических феноменов работает в лаборатории, и другой, когда он вступает в конфронтацию с бессознательным. С этого момента Юнг нацелен не на выработку психологической теории, а на осознание динамизма опыта, будет ли он интрапсихическим или пережитым в переносе. Это процесс, в котором аналитик является не только наблюдателем, но и активным участником.

Гумберт определяет перелом во взглядах Юнга как следствие его разрыва с Фрейдом и тягот, пережитых с 1912 года, во время одинокого противостояния натиску бессознательных сил.

Мое собственное чтение навело меня на мысль, что этот разрыв был подготовлен уже в 1907 году в связи с расхождением точек зрения не только на психотических больных, но и на детство. Расхождением, в котором чувство (оценочная функция) играло большую роль. Анима – векторная инстанция феминности у мужчины – обеспечивает зарождение оценочной функции. Конечно, именно отношения с «одаренной пациенткой», в которой биографы хотели бы признать Сабину Шпильрейн, привели Юнга к осознанию существования этой женской составляющей в нем самом. В любом случае, я считаю, что «маленькая Анна», выражаясь высокопарно, была психопомпом для своего отца. Проще говоря, процесс взросления и интеграции сексуальности у

девочки, чей отец, отметим это, был ее защитником и гарантом, позволил Юнгу следовать своим путем: настолько взаимодействие было плодотворным.

Я еще вернусь к этому, а теперь передо мной стоит задача дать хронологию работ Юнга о детстве.

С 1900 по 1909 годы, будучи ассистентом Блейлера в цюрихской психиатрической больнице Бургхёльцли, вместе со своими коллегами по работе Юнг проводит важное лабораторное исследование на тему «ассоциации слов». Тогда он занимает позицию психолога и наблюдателя психических феноменов. Это исследование было напечатано во втором томе его «Полного собрания сочинений»³, вышедшего как на немецком, так и на английском языках. Оно привело его к выявлению «аффективной тональности комплексов», которые нарушают ассоциативные цепочки мыслей. «Психология Dementia Praecox»⁴, появившаяся в 1907 году, принесла в психиатрическую клинику новое понимание комплексов, которые введены в употребление с 1885 года Фрейдом и Брейером в «Этюдах истерии».

Две публикации Юнга привлекают внимание Фрейда, который видит в них «научное» подтверждение его теорий (письмо 1F от 11.04.1906). Между ними завязывается оживленная и очень поучительная переписка, они впервые встречаются в Вене в 1907 году. Со своей стороны, Юнг был очарован «Этюдами истерии» и особенно – «Толкованием сновидений». В любом случае и письма, и публикации Юнга показывают внутренний конфликт между его восхищением, его желанием примкнуть к учению мэтра и силой собственных убеждений, подкрепляемых клиническим опытом и работой с психозами, в отличие от Фрейда, который больше занимался неврозами.

Например, свое письмо от 13.05.1907 г. (24J), после долгой дискуссии о динамике проекции при паранойе и при Dementia Praecox, о правильном употреблении терминов «аутоэротизм» и «аутизм» (первый из которых часто использовался Фрейдом), Юнг заканчивает рассказом о шестилетней девочке, находящейся у него на лечении (в начальном периоде появления подавленных воспоминаний). Ему не удастся, несмотря на «хороший глубокий гипноз», выявить реальную сексуальную травму. «Откуда ребенку известны все эти сексуальные истории?» – спрашивает он. Таким

образом, фрейдистская теория оболъщения терпит фиаско, и в то же время незнакомый таинственный внутренний голос говорит Юнгу о возможности существования некоего врожденного знания.

Следующие 1908–1909 годы богаты важнейшими личными событиями. В конце 1908 года, после двух дочерей, рождается его третий ребенок – сын Франц-Карл. «Жалко, что мы не крестьяне», – пишет он Фрейду 3 декабря 1908 г. (117J), «а то я мог бы сказать, что теперь я могу покинуть этот мир в полном спокойствии, так как у меня есть сын».

Фрейд отвечает ему уже 11 декабря (118F), принося свои поздравления в связи с новой карьерой, открывающейся перед Юнгом. «Вы скоро поймете, какое это благословение – не иметь начальника над собой». Какое странное смешение предвидения и слепоты: действительно, Юнг покидает Блейлера и Бургхельцли, чтобы поселиться «в городе» Куснахте. Фрейд продолжает: «слияние социального освобождения, рождения сына и работы над комплексом отца, мне кажется, указывает, что вы – на перекрестке вашей жизни и двигаетесь в правильном направлении».

В этом же письме Фрейд первый раз упоминает «ядерный комплекс невроза», то есть эдипов комплекс, замеченный им при наблюдении маленького Герберта, ребенка из его окружения, к которому он тепло относился и считал «кем-то вроде внучатого племянника». Эти наблюдения и размышления конкретизировались в «Анализ фобии у мальчика пяти лет»: знаменитом анализе маленького Ганса.

Юнг продолжает обмен мнениями на эту тему, и в письме от 19.01.1909 г. (126J) приводит реакцию и вопросы своей старшей дочери по поводу рождения Франца-Карла. «Моя Агатли вносит свой вклад...» Здесь начинается диалог с той, которая станет «маленькой Анной» в работах своего отца.

Этому заявлению предшествуют очень точные заметки Юнга по клиническому наблюдению грудных детей. Он описывает здесь «эти так называемые детские гримаски, эти маленькие обмороки с легкой эклампсией во время и после сосания». Это едва начинающаяся конвульсия, иногда с закатыванием глазок наверх, и легкое подрагивание подбородка. «Впечатление – что это оргазм сосания», – комментирует он. Затем дает описание мимики, появляющейся в первые месяцы жизни, которая вырабатывается из этих «детских рефлекторных судорог». Нойманн в «Ребенке» также

опишет «пищевой оргазм», демонстрацию сытости и благополучия после сосания, приносящего удовольствие и символизирующий обмен любовью.

Таким образом, материал для первых работ о детстве был почерпнут из:

– лабораторных работ, а также из его личного и клинического опыта (появились комментарии, сопровождающие его этюд «Семейной констелляции», а также первая версия «Значение отца в судьбе отдельного человека»);

– из наблюдения за старшей дочерью и собственного опыта отцовства: «Конфликты детской души»;

– из опыта эксперта-психиатра психоаналитической ориентации: «Слухи»;

– из супервизий и работ своих учеников: «Психоанализ ребенка», который будет иллюстрировать его работу «Попытка представить теорию психоанализа».

В статистическом исследовании своей ученицы доктора Эммы Фюрст в «Семейной констелляции»⁵, где сравниваются реакции разных членов семьи на слова-стимулы, Юнг особо отмечает два клинических случая. Первый описывает аналогичные реакции сорокапятилетней матери и ее шестнадцатилетней дочери, и создается впечатление, что девушка заражена материнским восприятием жизни. Второй случай – молодая женщина разрушает свой брак, который мог бы быть счастливым, из-за гипнотической привязанности к отцу – властному и психически неуравновешенному. Вот как Юнг развивает эту тему: «Мать передает своему ребенку не постулаты морали, не прописные истины, которые формировали бы характер ребенка в процессе развития; решающее влияние оказывают личные аффективные состояния и бессознательное родителей и учителей. Скрытые конфликты родителей и тайные переживания, подавленные желания, все это влияет на эмоциональное состояние ребенка (...), которое мягко, но уверенно, хотя и неосознанно, проникает в его душу»⁶.

Несмотря на то, что Юнг пока еще не употреблял этого термина, он описывает здесь действие *родительского комплекса* с идео-аффективными сознательными и бессознательными составляющими, которые характеризуют отношение к родителям и

учителям. Комплекс Матери, комплекс Отца, Родительский комплекс организуются вокруг человеческой личности и ее отношений с окружающими. Межличностные взаимодействия определяют отношение к матери, к отцу, к родительской паре и окружению. Эта организация, в свою очередь, влияет на поведение ребенка, который вынужден реагировать и адаптироваться к окружающему миру тем же способом, что и его родители. Но в пубертатный период все может измениться.

«Отсюда депрессии периода полового созревания, частые и глубокие, симптомы трудностей в выработке новой модели поведения»⁷.

Здесь намечается *теория невротизации*, которую Юнг ясно выразит позднее: невозможность вынести *переживаемый конфликт*, вытекающий из новых требований жизни, с которыми сталкивается субъект.

В заключение статьи ставится следующий вопрос:

«Самая важная цель воспитания подрастающего ребенка, кажется, – освободить его от бессознательной привязанности к воздействию его первого окружения таким образом, чтобы он мог взять оттуда все ценное и отбросить все ненужное»⁸.

Напомнив о только что опубликованном наблюдении Фрейда за маленьким Гансом, Юнг делает вывод:

«Наше знание о тонкостях детской души настолько неадекватно, что сложно сказать, чья это ошибка – родителей, ребенка или окружения»⁹.

На протяжении более двадцати лет детские специалисты стараются осознать процесс с помощью понятий интеракции (взаимная реакция двух феноменов) и систем. Это не «ошибка», а реакции друг на друга.

Забегая немного вперед, мы должны констатировать, что именно благодаря понятиям *комплекс* и *имаго*, выработанным в эти годы, Юнг смог сам себе это объяснить. *Юнгианская психология комплексов*, действительно, выявляет в динамической перспективе способ построения Я, которое достигает восприятия и осознания других и всего мира благодаря многоуровневой системе, каковыми являются комплексы. И это не противоречит отсутствию всякой организации при психозе. Что касается *родительских имажо*, в них отражается то, каким образом воспринимаются и признаются как таковые отец, мать и их заместители с помощью основных схем

внутреннего психического поля ребенка. Позднее это разовьется в понятие *архетип*, выработанное в 1914–1919 годах.

Но сейчас мы с вами все еще в 1909 году. Основываясь на исследованиях словесных ассоциаций доктором Эммой Фюрст, Юнг пишет работу «Значение отца в судьбе отдельного человека»¹⁰, на этот раз обратив особое внимание на влияние отца. Первая версия появляется в 1910 г. в первом томе Ежегодника психоанализа и психопатологических исследований (*Jahrbuch für psycho-analytische und psycho-pathologische Forschungen*)¹¹, который издавался под руководством Блейлера и Фрейда. Юнг был главным редактором. Именно здесь мы находим первые формулировки, касающиеся архетипов, которые появятся после переработки текста в третьем издании в 1948 г. В 1926 году в предисловии ко второму изданию, представляя неизменный текст, Юнг заметил: «корни души и судьбы простираются гораздо дальше “семейного романа”, и не только дети, но и родители являются ветками одного большого дерева»¹².

Позднее он будет настаивать, что его работа над материнским комплексом, описанным в «Метаморфозах и символах либидо», ставит на один уровень роль матери и роль отца, у Фрейда же роль последнего преобладает.

«Случаю угодно, чтобы они (отец и мать) были первыми человеческими существами, которые передают чувствительности ребенка мощные и смутные законы, (...) вовсе не (...) выдуманные разумом людей, но силы и законы природы, во власти которых человек как будто подвешен за веревочку»¹³.

Как бы то ни было, какова же собственная точка зрения Юнга на лабораторное исследование, проведенное его ученицей Эммой Фюрст в 1909 году? Изучив ее клинические случаи и учитывая свой клинический опыт, Юнг расширяет понятие *регрессия либидо* до «инфантильного канала» (старое русло реки). Он говорит о либидо, которое

«ведет к тому, что снова оживают давным-давно забытые сновидения времен детства (...) если такой разочарованный человек сверх того и невротик, то он идет еще дальше назад, он возвращается к тем своим связям времен детства, которых он никогда не покидал совсем и целиком и к которым и нормальный человек привязан столькими нитями: к отношениям с отцом и матерью»¹⁴.

Он настаивает:

«Каждый сколько-нибудь основательно проведенный психоанализ обнаруживает более-менее ясно эту регрессию»¹⁵.

Как и в предыдущей статье, Юнг напоминает, что «исконная причина инфантильного приспособления к родителям лежит, конечно, в аффективном отношении обеих сторон, то есть в психосексуальности родителей, с одной стороны, и ребенка, с другой. Это своего рода психическая зараза, а мы знаем, что движущие пружины такой заразы – не истины логики, а аффекты и их телесные проявления»¹⁶.

Юнг констатирует, что в возрасте от одного до пяти лет появляются «борьба инфантильной констелляции и индивидуальности, родительское влияние, связанное с доисторическим (детским. – ДЛ.) периодом, вытесняется, попадает в бессознательное, вместе с тем оно не элиминируется, но с помощью невидимых нитей управляет индивидуальными (как это кажется) творениями созревающего духа»¹⁷.

Английское издание демонстрирует нам более ранний очень интересный вариант: в первой версии Юнг не использует слово «конфликт» – понятие, принадлежащее исключительно юнгианской терминологии, – а говорит о «борьбе между вытеснением и либидо». Фрейдистское понятие «вытеснение» не устраивало Юнга. Конфликт относит нас к областям более широким, чем просто подавленное сексуальное либидо, он требует адаптации, превосходящей силы субъекта, который при столкновении с такими серьезными трудностями регрессирует.

Юнг приводит в качестве примера клинический случай мальчика восьми лет, которого родители привели на консультацию. Ему снятся ночные кошмары – черная змея и злой черный человек, стремящийся убить мальчика или его мать, находящуюся в соседней комнате. Мальчик, конечно же, страдает ночным энурезом, который является поводом позвать мать. В 1909 г. Юнг интерпретирует это состояние мальчика как начавшуюся под давлением полового созревания «борьбу между его инфантильным отношением и растущим сознанием. Родительское влияние, которое является для ребенка доисторической эпохой (инфантильной), вытесняется и попадает в бессознательное, но вместе с тем оно не исключается, а с помощью

невидимых нитей управляет, казалось бы, индивидуальными творениями созревающего духа»¹⁸.

В своей интерпретации 1948 года он идет дальше, появляется термин «архетип».

«Ребенок наследует систему отношений, которая предвосхищает появление родителей и возможность их действия (...) за отцом стоит архетип Отца (...) и секрет родительской власти»¹⁹.

Работа «Конфликты детской души»²⁰, напротив, никогда не пересматривалась и не исправлялась. Это был доклад на одной из конференций в университете Кларка (Ворчестер, штат Массачусетс) во время первого путешествия Юнга вместе с Фрейдом и Ференци в Америку в сентябре 1909 г. От Петера Гея мы узнаем о том, что Юнг рассказал «о психологии ребенка и опыте вербальных ассоциаций». В июне 1915 г. в предисловии к четвертому изданию Юнг отмечает²¹, что он оставил этот доклад неизменным «верстовым столбом», хотя некоторые его воззрения, конечно, изменились. Это сочинение – продукт, который нельзя отделить от времени и условий его возникновения. Мне кажется, что для него этот маленький труд, прелюдия к «Метаморфозам и символам либидо», был результатом свободных и уважительных отношений между родителями и детьми. В работе речь идет о двух сестрах, но героиней является старшая, которую Юнг называет – случайность ли это? – Анной. Так же звали и дочь Фрейда, которой на тот момент было четырнадцать лет.

Начиная с трех лет, «Анна» посредством слов и, если их не хватает, действий задает те главные человеческие вопросы, которые появляются в этом возрасте. Они касаются жизни, смерти и того, откуда мы пришли? куда мы идем? На своем жизненном пути она поневоле сталкивается с сексуальностью. Это как серия мгновенных снимков, которую Юнг предоставляет нам и которая позволяет судить о постоянной работе, происходящей внутри девочки. «Анна», когда ей это нужно, противопоставляет свои теории и мнение взрослых, откуда и происходит конфликт между мифом и принципом реальности.

Сначала Анна напрямик задает вопрос бабушке о том, как стареют и умирают люди. Это тот год, когда мать беременна братиком, чего она, кажется, абсолютно не замечает, хотя однажды задает вопрос, не получит ли она «живую куклу, младенца». Ответ бабушки: «Потом я буду ангелом», – полностью удовлетворяет

Анну, такое решение «зараз убивает двух зайцев»²². В ее расследовании по поводу появления детей взрослые, забавляясь, отвечали ей, что аист приносит детей с неба, где они были ангелами. В глубине ее души уже живет миф о реинкарнации, который убаюкивает тревоги и переживания девочки.

Но в то утро, когда отец ласково будит ее, чтобы сообщить о рождении маленького Фрица, этот мир уже не успокаивает девочку. Ей четыре года. Он сажает ее к себе на колени и спрашивает, обрадует ли ее появление маленького брата. «Я бы его убила», – резко реагирует она. Позднее Юнг объясняет:

«Выражение “убить” выглядит очень опасным, но оно, в сущности говоря, совершенно невинно, потому что “убить” и “умереть” в детском смысле означает лишь удаление (пассивное или активное)»²³.

Это объяснение касается также и девочки-подростка, которая мечтает о смерти своей матери, чтобы стать «маленькой супругой» своего отца. Что касается меня, я менее лирична: *порыв убить* – это нечто, что проживается в глубине человеческого существа, это порыв, который должен гуманизироваться в подростковый период, в период оживления и подготовки перехода к действию. Юнг резюмирует этот инцидент:

«“убить” в устах ребенка – вещь невинная, особенно если знать, что малышка употребляет слово “убить” совершенно *promiscue* (без разбору – лат.) для всевозможных видов разрушения, удаления, уничтожения и т. д. Но все же тенденция, которая здесь выявляется, заслуживает внимания (см. анализ “маленького Ганса”)»²⁴.

Этот миф цикла жизнь-смерть беспокоит Анну в связи с ее матерью, а родители, со своей стороны, очень удивлены и озабочены некоей стесненностью Анны, когда она входит в комнату недавно родившей матери: показное безразличие к младенцу и исключительная сдержанность по отношению к матери. В общем, в этой новой ситуации она проявляет осторожность. Юнг сожалеет, что пребывание у бабушки, любящей рассказывать о том, как детей приносит аист, оставляет миф без объективного элемента.

После возвращения Анна испытывает желание, как это обычно бывает, заботиться о новорожденном, быть ему маленькой матерью. Это делает ее ревнивой и агрессивной по отношению к няне, которая заботится о новорожденном, а недоверие к матери по-прежнему остается. Анна начинает играть в няню со своими

куклами: хороший способ овладеть ситуацией. В период интенсивного погружения в себя она прячется под столом, чтобы рассказывать себе истории. Это «мечтательное и лирическое состояние» часто возникает, как указывает Юнг, «именно в то время, когда человек (в юношеском возрасте) склоняется к тому, чтобы разорвать узы семьи и самостоятельно вступить в жизнь, но внутренне он все еще осторожничает и удерживается ностальгическим чувством по теплу родительского стойла»²⁵.

Итак, сейчас Анна оплакивает утрату определенных отношений с родителями, особенно с матерью. Не характерное для нее непослушание показывает, что она ищет свое новое место «в аффективных отношениях с матерью»²⁶.

«К детям обычно прислушиваются очень мало и обращаются с ними (на всех возрастных ступенях) во всех существенных вопросах как с неменяемыми, но во всем несущественном их дрессируют до автоматического совершенства. За сопротивлением всегда лежит какой-то вопрос, какой-то конфликт, и мы знаем об этом в другое время и при других обстоятельствах. Но мы обычно забываем увязать услышанное с сопротивлением»²⁷.

Что касается интроверсии, то, несмотря на то, что пока еще Юнг воспринимает ее скорее как психиатр, а не аналитик, имеется две страницы, где он набрасывает то, что будет основным стержнем его теории²⁸ метаморфозы либидо и вытеснит его фрейдистские воззрения о вытеснении.

В 1912 году он опубликует книгу «Метаморфозы и символы либидо»²⁹, которая станет причиной его разрыва с Фрейдом.

Но вернемся к Анне. Каков же конфликт, запускающий этот мотивирующий механизм, который, по моему мнению, является скорее ассимиляцией, чем защитой?

Анна все еще стремится узнать, откуда появляются дети и как ее мать, а не няня, смогла заиметь ребенка, и что, если однажды она?.. В какой-то момент мадам Юнг вдруг инстинктивно поняла: она может рассказать дочери, что, когда она была маленькой, ей тоже хотелось быть няней, но потом она стала мамой: «вот я и должна воспитывать детей». Юнг добавляет: «Ответ матери опять показывает, куда, собственно, метит ребенок»³⁰.

Далее следует длинный отрывок, в котором Юнг признает, что величайшая заслуга Фрейда в области психологии состоит в его утверждении о том, что мотивы поведения лежат далеко за пределами сознательного.

«В качестве критерия для психологии поступков Фрейд установил не сознательные мотивы, а *результат* (последний, однако, не в его физическом, а в психологическом смысле). Это понимание позволяет увидеть поступок в каком-то новом, биологически значимом свете»³¹.

Для Юнга это первый шаг в поисках *смысла*, а не причины, этот подход становится для него все более и более характерным.

Гумберт формулирует этот подход в виде вопроса: «Зачем это нужно?»

Как бы то ни было, разговоры Анны с матерью только усилили ее интерес к вопросу о том, как у мамы появляются дети.

Отсутствие прямого ответа на ее явно не выраженные вопросы, заданные исподволь, только еще раз убеждают ее, что родители лгут и здесь есть какая-то волнующая тайна. Анна прибегает к уже использованному способу регрессивной защиты:

«Поэтому чувство обращается к другой компенсации, а именно к оставленным уже инфантильным формам принуждения к любви, из которых самым излюбленным является ночной рев и призывание матери»³².

В это время происходит землетрясение в Мессине, оно становится темой беседы за семейным столом, которая вызывает интерес у Анны и помогает обосновать ей свою тревогу: «Дом скоро рухнет». Это становится настоящим ночным кошмаром, и в то же время днем ребенок проявляет высокую интеллектуальную активность, изучая родительские книги о вулканах и землетрясениях.

Комментарий Юнга:

«Здесь перед нами очень энергичная попытка сублимации страха во “влечение к науке”, однако это совершенно преждевременно (...) поощрение сублимации в этом возрасте ведет только к закреплению элементов невроза. Корнем научного влечения является страх, а страх – это выражение *конвертированного либидо*, т. е. *интроверсии*, ставшей теперь *невропатической*»³³, которая может только помешать развитию. Юнг советует своей жене дать Анне необходимые объяснения. Этот разговор происходит в присутствии ее младшей сестры, у которой это

вызывает скорее непристойный интерес. Так сестры узнают, что ребенок развивается как растение в животе у матери, потом выходит оттуда сам. Но через какое отверстие? Через рот или другой выход? Прямой вопрос не был задан, и внутренняя работа происходит в молчании. Слишком большое любопытство маленькой сестры к отверстиям в нижней части тела было пресечено запретом матери говорить об этом – по крайней мере, за столом.

«Тогда-то она в первый раз и узнала о существовании исключительных законов для этих частей тела и, как впечатлительный ребенок, вскоре поняла, что там находится какое-то “табу”. Поэтому эту область следует исключить из расчетов...»³⁴. Юнг понимает, что Анна слишком покорно реагировала на родительский запрет, в то время как ее младшая сестра не скрывала своего негативизма; но если Анна ничего не говорит, это не означает, что она меньше думает об этом. Вопрос о выходном отверстии отложен на время, а вот роль отца, старательно замаскированного под *большого брата*, очень интересуется сестер, каждую по-своему:

«у него дом (...) и *он не рушится* (...) он все знает, все может и все имеет, он ходит туда, куда дети не могут пойти (...), ему позволяют делать все то, что дети делать не смеют (...) он обладает большими животными: коровами, овцами, лошадьми и собаками»³⁵.

Это «примитивное определение божественности», объясняет Юнг, в своей основе имеет отца, который определяется девочками, из-за их незнания других вариантов, на роль старшего маминого брата. Сегодня я охотно поговорила бы о первом появлении фигуры Анимуса – представляющей маскулинность женщины, которая действительно опирается на образ отца и несет в себе защиту, знание и признание девочки как личности.

«Тем самым реализуется важное для ребенка желание: *землетрясение уже не опасно*. Поэтому страх и фобия должны отпасть, и вот *они проходят*. С этого момента боязнь землетрясений совершенно исчезла»³⁶,

и вместе с нею исчез интерес к научным знаниям. Но, как и всем детям ее возраста, Анне необходимо обобщать все получаемые знания и она задает одни и те же вопросы разным людям. «Неужели все рождаются из тела матери?» Получая многочисленные подтверждения, Анна перестает сомневаться, хотя несвоевременная

простуда, заставившая Юнга оставаться в постели, чуть не спровоцировала появление прежних сомнений. Категорическое утверждение отца: «мужчины не рожают детей, а только женщины»³⁷ – кажется, убедило ее полностью, но вызвало новый вопрос: «Что может делать отец? Для чего он нужен?» С другой стороны, рассказанный Анной сон раскрывает ее упорный интерес к способу появления ребенка.

«Сегодня ночью мне приснился Ноев Ковчег, и внутри там было много зверушек, и внизу там была крышечка, которая отворяется, и зверушки вываливаются»³⁸.

Тонкий намек на то, что она точно знает, что дети выходят из живота матери через нижнюю часть ее тела, говорит Юнг.

Следующий сон затрагивает другую проблему:

«Я видела во сне маму и папу, они долго были в кабинете, и дети были там же»³⁹,

иначе говоря: «Что же вы можете там делать вдвоем, когда нас там нет?» Юнг обращает наше внимание на то, что место происшествия во сне – библиотека – место получения знаний, там Анна пыталась успокоить свои волнения по поводу землетрясения. Но давление настолько сильно, что ночные кошмары появляются снова; во время одного из них Анна пылко рассказывает матери:

«Я хочу увидеть весну, как на лугу распускаются цветочки... я хочу сейчас посмотреть на Фрицика, у него такое милое личико; что делает папа? Что он говорит?»⁴⁰.

Это важнейший вопрос, на который мадам Юнг по сути не отвечает. Утром Анна просто рассказывает свой сон:

«Мне приснилось, что я могу делать лето; потом кто-то спустил Полишинеля в ватерклозет»⁴¹.

Анна хочет родить ребенка, предполагает Юнг, соединяя свои интерпретации сна и наблюдение за поведением дочерей: они играют в беременных с подушкой под юбкой. Эта гипотеза подтвердилась маленькой сценкой, однажды сыгранной Анной перед матерью:

«она засунула себе под юбку куклу, потом медленно ее вытащила, головой вниз, приговаривая: “Смотри, вот сейчас появится ребеночек, он уже совсем вышел”»⁴².

Утверждение и одновременно просьба подтвердить правильность ее интерпретации родов.

Бессознательное продолжает свою работу. Следующий пункт: как ребенок попал в мать? Юнг рассказывает:

«Как-то раз на десерт были апельсины, и Анна, нетерпеливо глядя на один из них, сказала: “Я хочу его проглотить целиком, чтобы он попал в самый низ моего живота, и тогда у меня будет ребенок”»⁴³.

Юнг проводит интересную параллель со сказками и наводит нас на мысль об архаических оральных желаниях.

«Решение приходит в форме *аллегорий*, которые вообще свойственны архаичному мышлению ребенка»⁴⁴.

В это время «символ» для Юнга, как ученика Фрейда, имеет слегка пренебрежительный оттенок из-за использования его для обозначения мысли, называемой архаичной. Но в любом случае *размышление о мифе* смягчает пренебрежение и намечает одно из главных направлений поиска.

«Сказки, как представляется, это мифы детей и потому содержат в себе, помимо всего прочего, и мифологию, которая складывается у ребенка по поводу сексуальных процессов»⁴⁵.

То, что Юнг уделяет этому много внимания, свидетельствует о важности для него этой темы.

«Сказать, что сказка – это миф ребенка, означает дать слишком краткое определение. В действительности миф передается ребенку от матери, являющейся его хранительницей...»⁴⁶.

Работа бессознательного приводит Анну к тому, что она хочет понять роль отца. Юнг рассказывает эпизод, когда, войдя в комнату родителей, занятых своим туалетом, она

«прыгнула в кровать отца, улеглась на живот и стала сучить ногами.

При этом она кричала: “Правда, так делает папа?”»⁴⁷

Родители смеялись, но не отвечали. Юнг пишет, что довольно редко в четыре с половиной года ребенок идет дальше этого, так как

«ребенок ничего не знает о сперме и о половом акте. Возможно единственное объяснение: мать должна что-то съесть, потому что только так что-то может войти в ее тело»⁴⁸.

Через пять месяцев передышки вопросы бессознательного концентрируются вокруг мужчины. Анна выросла, изменилась. В ее отношении к отцу появился некий страх, возникла иная тональность:

«(...) ее интерес к отцу принял особый оттенок, который с трудом поддается описанию. В языке недостает слов, чтобы передать совершенно особый вид нежного любопытства, которое светилось в глазах ребенка»⁴⁹.

В то же время Анна с сестрой оставляют на ночь свои большие куклы, окрещенные в данном случае «бабушками», в домике в глубине сада.

«Кажется весьма вероятным, что бабушка просто замещает мать. Таким образом, малышка уже приступает к тому, чтобы убрать мать»⁵⁰,

и доходит даже до того, что говорит своей сестре: «Когда мама умрет, мы будем делать то, что захотим».

Отцу она задает вопрос, который ставит его в тупик: «Скажи, как глаза росли в голову?» Отец прекрасно видит, к чему она клонит, и пытается уклониться, но Анна настаивает:

«Но как же тогда Фрицик вошел в маму? И где он тогда вышел наружу?»

(...) Его вставили (посадили)? Значит, посадили семечко?»⁵¹

Тогда Юнг прибегает к теории семени, которую Анна сама создала, наблюдая за садовником, сеющим семена и возделывающим лужайку в саду.

«Он объяснил ребенку, который слушал его с величайшим вниманием, что мать – как земля, а отец – как садовник. Отец дает семена, и они растут в матери, и так появляется ребеночек. Этот ответ удовлетворил ее в высшей степени, она тотчас же бросилась к матери с криком: “Папа мне все рассказал; я теперь знаю все!”

Однако что такое это “все” – она никому не сказала»⁵².

На следующий день Анна хочет поддразнить мать, утверждая, что отец ей говорил об ангелах и аисте. Но мать не попадает в эту ловушку: «Этого папа тебе, конечно же, не мог сказать», – отец и мать полностью единодушны. Я считаю, что это *единение родителей* – главное в безопасности ребенка, а Юнг отмечает:

«Но куда большим преимуществом было то обстоятельство, что она получила доступ к более интимному отношению с отцом, и это отношение нисколько не угнетало ее интеллектуальную независимость. Отец, разумеется, был не спокоен, ему было не по себе при мысли, что он выдал тайну ребенку в возрасте четырех с половиной лет, тайну, которую другие родители тщательно скрывают»⁵³.

Между тем, история о садовнике была красивой, полной поэзии и давала возможность родителям не вдаваться в физиологические подробности. Что же касается бессознательного, то оно продолжало свой путь, отмеченный в течение нескольких недель двумя снами – трудными, по мнению Юнга, для интерпретации, несмотря на его понимание конечной цели снов:

«Она в саду, много садовников стоят возле деревьев и мочатся, и среди них также и ее отец (...)

Столяр обстругивает ей гениталии [накануне столяр приходил для починки плохо выдвигавшегося ящика, и Анна наблюдала за его работой]»⁵⁴.

Здесь у Анны обнаруживаются все элементы мозаики: ее отец «орошает» дерево своей уриной, и его гениталии должны «что-то испытывать, чтобы дело пошло, но что?»⁵⁵. Понадобится еще несколько месяцев общения с ее маленькой сестрой (живущей в своем внутреннем ритме), чтобы Анна смогла собрать все элементы воедино в чувственном и когнитивном аспектах. Мать и дети были на каникулах, и Юнг, которого удерживала в городе работа, вечером приехал их навестить. В шутку он предлагает Анне вернуться вместе с ним.

«“Да, и тогда я должна спать вместе с тобой?” Одновременно она нежно взяла его под руку, точно так же, как это обыкновенно делала мать. В ответ (о, какое разочарование!) отец спокойно сказал: «Ты должна спать в соседней комнате»⁵⁶.

Он устанавливает границу, запрещая инцест и смешение поколений. Именно тогда Анне приходит на память недавний сон, который, как казалось, помог ей преодолеть огромное разочарование из-за отсутствия двух юных кузенов, сильно ее интересовавших. Это был сон про старого малознакомого дядюшку, заместившего отца:

«Мне снилось, что я в спальне у дяди и тети. Они оба лежали в постели.

Я отдернула с дяди одеяло, уселась на его живот и стала подсакивать на нем вверх-вниз (как на лошади)»⁵⁷.

Этот сон имеет двойное значение, являясь демонстративной компенсацией неудовлетворенного желания и одновременно – носителем окончательного объяснения:

«... сновидение, наконец, дает существенное пояснение: это происходит в постели, путем ритмических движений, описанных выше (...). Наблюдения на этом заканчиваются»⁵⁸.

В заключение Юнг отмечает, что маленькая сестра Анны «тоже нуждается в определенном просвещении, и при том тогда, когда проблема сама собой явится перед ней. Если она еще не назрела, то пользы от разъяснения, похоже, никакой нет»⁵⁹.

С другой стороны, он яростно выражает свое несогласие с каким бы то ни было групповым сексуальным воспитанием в школе. Надо уважать индивидуальность каждого ребенка:

«Я не приверженец сексуального просвещения детей в школе и вообще какого-либо механического, общего для всех просвещения (...) надо видеть детей такими, какими они являются на самом деле, а не такими, какими мы желаем их видеть, а при воспитании надо следовать линии развития природы, а не мертвым предписаниям»⁶⁰. Это и есть основное правило, которому должен следовать детский аналитик при встрече со своим маленьким клиентом.

Дополнение, написанное в 1915 г., то есть после разрыва с Фрейдом, объясняется тем фактом, что его дочери, так же как и большинство детей, вплоть до поступления в школу, «предпочитали воображаемые решения реальности». Лишь в школе другие интересы стали занимать их ум.

«С тех пор я спрашиваю сам себя, не является ли фантастическое или мифологическое (...) объяснение, которое ребенок, несомненно, предпочитает, более подходящим для него, чем естественнонаучное мышление (хотя и более верное, но грозящее создать непреодолимое препятствие для фантазии). Как показывает настоящий случай, это препятствие не оказалось непреодолимым и фантазия отодвинула науку в сторону»⁶¹.

Юнг пишет:

«... мало полезным мне кажется навязывание гипотезы, дающей верное объяснение. Ведь ее тупая ограниченность просто подавляла бы свободу в развитии мышления и ребенок был бы втиснут в рамки конкретного понимания, что исключило бы дальнейшее развитие»⁶².

Это значит подрезать крылья духовной жизни, основе абстракции, всей культуре, которая не имеет ничего общего с вытеснением сексуальных инстинктов моралью.

«... закон, неизменно присущий функции мышления: закон самостийности и эмансипации от конкретизма чувственных восприятий. Это следует признать особым принципом функционирования мышления, принципом, который только в поливалентных инфантильных зачатках слит воедино с началами сексуальности»⁶³.

В конечном итоге Юнг отказывается считать сексуальность единственным двигателем умственной активности человека.

В мои намерения не входит сравнительный анализ двух наблюдений за детьми, происходивших почти одновременно: наблюдение Фрейдом фобии маленького Ганса и только что описанных наблюдений Юнга. Я остановлюсь на констатации, что отношение к ребенку, которое рекомендует Фрейд родителям Ганса, полностью отлично от отношения Юнга, проявляемого им к собственной дочери. Об этом пишет Фрейд в своем письме от 18.08.1910 г. (209F), там же он едва заметно упрекает Юнга в отсутствии выработки аналогий случаю маленького Ганса.

«С наслаждением я прочитал интересную историю детей (Анны и Софи), сожалея, что исследователь не перенес ее полностью на отца; это всего лишь тонкий рельеф, а между тем эта история могла бы быть полноводной, как река. Этот опыт будет потерян для большей части читателей из-за своей утонченности».

Для меня же, напротив, отношение Юнга и его жены к процессу развития их детей кажется более плодотворным и уважительным, они являются одновременно и наблюдателями, и действующими лицами. Родители дали свободу развитию психики – по мере того, как происходит осознание, обогащается Я, создавая воспитательные преграды, которые придают импульсам человечность. Они, не подгоняя природу, позволили естественно развиваться психике детей, но вовремя открыли им «научную» правду, проявив тем самым нежное уважение и к личности, и к процессу развития, а не буржуазное ханжество, как это иногда называют, на что намекает Фрейд.

Если бы передо мной стояла задача рассказать всю длинную историю Анны и ее родителей, то этот случай мог бы стать для нас, детских аналитиков, *примером нашей эвристики*, нашим способом действия. Родители или аналитик в психотерапевтическом процессе, являясь всего лишь носителем принципа реальности,

могут предложить широкое энергетическое поле слушания и отношения, где бессознательное могло бы выражаться и развиваться так, как ему удобно. Наша задача – найти смысл в двойном значении: то, что «это значит», и то, куда «это ведет», отношение, позволяющее развитию и взрослению найти естественные ориентиры без того, чтобы психическое завязло в расслабляющей игре воображения.

Наконец, возвращаясь к моей гипотезе о важности пережитого опыта взаимодействия Юнга и его дочери для жизни и творчества отца, я вижу здесь два момента, два разных направления: одно – это психическое отношение Юнга, второе – его все более и более личные интересы, все менее и менее обусловленные реакциями на мысли и работы Фрейда.

Психическое отношение теперь совсем другое: ребенок больше не является просто объектом научного наблюдения, он становится его субъектом, и Юнг понимает это. Для него существенны не только выводы, сделанные из клинических наблюдений, но и тот способ, которым они получены, – не в процессе подтверждения теоретических выкладок, а в самом процессе возникновения феномена. Он перестает быть психологом и становится аналитиком-практиком, феноменологом, вовлеченным в события и отдающим себе в этом отчет, специалистом, включенным в феномен и знающим об этом, т. е. осознающим свой контрперенос.

Что касается поворота, который начинается в жизни Юнга, то он является следствием эволюции его взглядов и убежденности в правильности своих выводов – как клинических, так и теоретических. Это новое воззрение Юнга неизбежно сталкивается с тем направлением, которое Фрейд дает своим сентиментальным привязанностям (если верить Петеру Гею). Эти разногласия проявились и в политике двух аналитических школ; назревало столкновение Венской фрейдистской школы и становившейся все более и более юнгианской Цюрихской школы.

Несмотря на то, что «светские» элементы имеют неоспоримое значение во внутреннем кризисе, который предстоит пережить Юнгу, я хотела бы здесь сосредоточиться на его отношениях с Анной и его описании этого опыта, что мне кажется основой будущего произведения. Я уже отмечала, что именно этот опыт и его толкование являются прелюдией к «Метаморфозам либидо».

Юнг уже считает, что происхождение либидо имеет в своей основе не только сексуальность, и придает ему индифферентный энергетический аспект и динамику. Механизм изменений описан лаконично, Юнг рассказывает о фобических эпизодах Анны, о регрессии на более архаические уровни, которую они навязывают, об интеллектуальных защитах, смягчающих взлеты и падения процесса взросления после преодоления порога на пути к новым энергетическим инвестициям. Здесь он впервые задает вопросы о роли мифов и разворачивает поиски скорее смысла, нежели причины. Отрывок о «больших братьях» является первой формулировкой того, что впоследствии он назовет Анимусом, и для нас, детских аналитиков, это бесценная иллюстрация появления Анимуса у маленькой девочки. Наконец, я уже отмечала значение для взросления запрета на инцест. Однако мы отлично знаем, что проблема психического инцеста есть центральная в юнгианской концептуализации психической энергии.

В этот же очень плодотворный период в своем письме к Фрейдю Юнг объявляет, что должен «подготовить этой зимой шесть лекций на тему умственных проблем периода детства». Он готовит их, а также составляет для публикации американские доклады. Записка издателя, сопровождающая его письмо от 30.01.1910 г. (175J nl), подтверждает, что они были прочитаны в январе и феврале 1910 г., но никогда не были опубликованы. Из воспоминаний одного из участников мы знаем, какие темы были затронуты: слабоумие, эпилепсия, истерия.

Также в 1910 г. Юнг публикует «Слухи»⁶⁴. В период, когда он уделяет пристальное внимание открытым конфликтам, спровоцированным сексуальностью в детской душе, руководство соседней школы приглашает его для объяснения случая одной тринадцатилетней ученицы. Скандал разразился из-за ее достаточно двусмысленного сна, касающегося ее учителя: после того, как девушка рассказала сон подругам, она была отправлена из школы домой, так как все, в первую очередь учитель, обвиняли ее в развращенности. Юная Мари, самая зрелая девочка из класса и до недавних пор – блистательная ученица, под большим секретом рассказала трем близким подругам свой сон. Подруги тут же разболтали об этом всему классу, поэтому и возник скандал. Вот

что рассказала Мари – варианты идентичны – своей матери, Юнгу и учителю по его просьбе:

«Класс пошел в баню; так как не было свободного места, я должна была пойти на половину мальчиков... Потом мы заплыли в озеро очень далеко. (Кто? – Мари говорит: “Мы, Лина [ее младшая сестра], учитель и я”.) В это время мимо проплывал пароход. Учитель нас спросил, не хотим ли мы сесть на пароход. Так мы приехали к К., у которого как раз была свадьба. (Кто? – “Друг учителя”.) Нам позволили участвовать в празднике. Потом мы отправились в путешествие. (Кто? – “Я, Лина и учитель”.) Это было свадебное путешествие. Мы приехали в Андермат; в отеле не было свободного места, и мы вынуждены были провести ночь в сарае. Там женщина родила ребенка, и учитель был крестным отцом»⁶⁵. Учителю, которому трудно было допустить, что это был не более чем сон, пришла в голову интересная мысль собрать весь класс и дать им задание написать каждому свой собственный рассказ. Комментарий данного анкетирования предоставляет нам Юнг.

Для начала он рассматривает рассказ Мари как «аналитик» и подчеркивает особенности, характерные для пересказа сна. В рассказе много «двузначности», но не хватает переходов, которые заменены «показательными пропусками». «Придуманная» история могла бы изобиловать сценами раздевания, переодевания, мытья в бане. Но ничего такого нет; наоборот, очень важно прикрыть наготу учителя. Переходя от истории с пароходом к теме свадьбы, Мари не вдаётся в подробности. В отеле снова «нехватка места, как и вначале, исключая разделением полов». Тема рождения абсолютно неожиданна, и роль учителя-крестного двузначна. И, наконец, последний – не по значению – аргумент: Мари является персонажем вторичным, полузрителем. Юнг заканчивает словами, что этот сон «настолько легок в интерпретации, что мы можем оставить ее для сотоварищей Мари»⁶⁶.

Далее следует комментарий по поводу рассказа трех сердечных подруг, а затем и версий остальных. Разница между ними значительна.

Три первых свидетельства очень близки к оригинальному рассказу, и все трое намекают на две составляющие, не упоминающиеся в рассказе самой Мари. Это история с судорогами ноги, из-за чего трудно было плыть и поэтому нужна была помощь

учителя, и факт получения фаты двумя девушками по прибытии к К. С другой стороны, рассказ каждой из близких подруг содержит персональные детали, соответствующие степени зрелости каждой. Например, одна из них добавляет гастрономические детали, свидетельствующие о детских оральных интересах. Другая девочка рассказывает о надколотых каштанах, украденных учителем, что Юнг интерпретирует как намек на известный женский генитальный орган.

Что касается свидетельств других участников анкетирования, они являют собой примеры безудержного буйства воображения, где каждый амплифицирует то, что его больше затронуло.

Какое же заключение делает Юнг из всей этой «болтовни»? Первое – то, что слухи, сопровождающие анализ сна, выразившего все то, что «витают в воздухе» среди этой группы детей допубертатного возраста, во главе с «большим и сильным» учителем, довольно впечатляющи.

Почему Мари – мечтательница? Она – лидер класса, самая зрелая, способная к установлению своих правил. Ее желания и побуждения могут воплотиться в образ, потому что он отвечает внутренней биологической реальности. Внешний мир предоставил этой внутренней реальности адекватный объект – учителя. Другие ученицы откликаются на ее сон, потому что он выражает именно то, что для них пока еще не может быть выражено словами: первые сексуальные смятения, которые вызывает учитель в девушках этого возраста. Менее зрелые подстегают свое воображение.

Но почему именно в этот момент? Примерная ученица Мари стала плохо учиться, что свидетельствовало, как и в отношении других учениц, о происходящем половом созревании. Накануне взбешенные девушки обдумывали план мести, предлагая различные исключительно садистские сценарии смерти учителя. Мари была не менее изобретательна, чем остальные. И следующей ночью вместе со сном появляется другой аспект ее инстинктивно-аффективной позиции: появление у нее одновременно страстного желания и страха мужчины, завуалированное всеми этими недомолвками девочки-подростка. Это так естественно в ее возрасте, делает вывод Юнг в медицинском заключении, реабилитируя юную Мари.

Тонкость и деликатность этого анализа показывают нам понимание Юнгом всех движений души ребенка, который

находится на пороге подросткового периода. Фрейд в своем письме от 3 декабря 1910 г. (223F) всего лишь вскользь упоминает о «вашей прелестной истории о школьной болтовне». Конечно, в это время это не та тема, которой он сильно заинтересован, и «маленькая Анна» затрагивает его куда больше. Здесь он критикует только что сделанный отчет Альфреда Адлера:

«Он хочет втиснуть всю красоту психологического разнообразия в узкое русло единственного течения Я “злого” и агрессивного, как если бы ребенок только и думал о том, чтобы “быть выше”, играя роль мужчины и изгоняя из себя женственность»⁶⁷.

А сам Фрейд, всегда ли он признавал «всю красоту психологического разнообразия»? Его сентиментальные разрывы заставляют нас в этом сомневаться.

В августе 1911 г. в Брюсселе на первом международном педагогическом конгрессе Юнг представляет «Психоанализ ребенка». Это комментарий нескольких аналитических сеансов, который войдет в немецкое издание 1913 г., появившееся в Германии. Это цикл его лекций «Теория психоанализа», прочитанных в 1912 г. в университете Фордхама в Нью-Йорке.

Речь идет об умной одиннадцатилетней девочке, родители которой обратились к Юнгу в связи с постоянными пищеварительными и респираторными болями, из-за которых ей приходилось пропускать много занятий и несколько дней оставаться в кровати. Иногда по утрам она отказывалась идти в школу, становилась хмурой, закрывалась, часто плакала и жаловалась, что больна.

Она доверилась матери, рассказав о своей влюбленности в преподавателя-мужчину и о своем страхе потерять его уважение потому, что сейчас она не может хорошо трудиться на уроке. Она переносит свои чувства на бедного мальчика, которому отдает свои полдники, деньги и который привязался к ней, а потом начал преследовать, поэтому она испытывает отчаяние. Диагноз Юнга – невроз, и он предписывает аналитический курс с одной из его ассистенток – мисс Мэри Молтзер⁶⁸. Имеются две интересные клинические записи:

«Мы не должны забывать о том, что, вопреки единообразию конфликтов и комплексов, каждый случай уникален, т. к. уникален каждый индивид. Каждый случай представляет индивидуальный

интерес для психоаналитика, и течение анализа каждый раз уникально»⁶⁹.

Из этого вытекает, что «научные» правила и категории неадекватны.

«Аналитик есть, напротив, наблюдатель, которому должно избегать формул и давать живой реальности воздействовать на него в полном изобилии, лишенном законов»⁷⁰.

Юнг комментирует первые десять аналитических сеансов этого ребенка, стоящего на пороге полового созревания, попутно высказывая свою точку зрения на динамику либидо.

Первая встреча выявляет реальный конфликт. В девочке сосуществуют два желания, одно – регрессивное: остаться в кровати и слушать, как мама рассказывает разные истории; и в то же время другая ее часть стремится идти погулять и играть с детьми на улице. История, которую ей нравится слушать перед сном – история заболевшего принца, к которому не пускают его бедного маленького друга. Так девочка осознает, что существует некая связь между ее болезнью и ее несчастной любовной историей.

Во время второго разговора выясняется, что девочка очень любит своего преподавателя. И когда терапевт говорит ей, что не надо бояться этой любви, что, напротив, она поможет ей учиться, это становится для нее большим облегчением: «Значит, я могу его любить?». Я, со своей стороны, вижу в этом начало переноса: «И вас я могу любить тоже?»

Юнг относит свой комментарий к превращениям либидо, которые ясно выражают динамику этого конфликта: «(...) ее либидо должно было привести ее к своему преподавателю, это выходит за рамки семейных инцестуальных связей (...) ее задача была адаптироваться к своему преподавателю»⁷¹. Ребенок отступил перед этим препятствием и предпочел разыграть для себя любовную историю с кем-то более доступным.

Юнг продолжает:

«Либидо, не использованное в нормальных целях, застывает и неизбежно регрессирует к более ранним объектам и способам адаптации. Как результат – драматическая активация инцестуальных комплексов»⁷².

Это может привести субъекта к фантазированию о реальном инцесте. Однако

«(...) инцестуальная фантазия имеет не причинное, а всего лишь второстепенное значение, в то время как причиной является сопротивление человеческой природы любой форме сознательного усилия (...) Говоря иначе, сопротивление сознательному усилию тождественно предпочтению инцестуальных отношений»⁷³.

Юнг дает нам ключ к пониманию этих школьных фобий, которые так трудно лечить. Регрессивные порывы появляются совершенно неожиданно:

«Как только либидо освобождается от выполнения необходимой задачи, оно становится автономным и, не обращая никакого внимания на протесты субъекта, выбирает свои собственные цели и упорно стремится к их осуществлению»⁷⁴.

И в качестве заключения:

«Нам очень трудно контролировать либидо: оно стремится к естественным целям, ибо именно для этого оно и предназначено. Если же эти цели не осуществляются должным образом, то даже самая продуктивная жизнь становится никчемной, т. к. мы должны принимать во внимание состояние человека»⁷⁵.

Для Юнга именно в этом и кроется одна из главнейших причин неврозов, как у детей, так и у взрослых.

В течение третьего сеанса девочка поведала свой сон, относящийся к пятилетнему возрасту, когда у нее появляется маленький брат.

«Я была в лесу с моим братом, который собирал землянику. Пришел волк и набросился на меня. Я стала убегать, поднимаясь по лестнице, волк бросился за мной. Он поймал меня и укусил за ногу. Я проснулась, смертельно напуганная».

Этот сон – без сомнения, напоминающий историю Красной Шапочки, – позволяет Юнгу дать краткое изложение своего подхода к мифам, как к неким снам человечества. Это – продукция бессознательного, которая у разных народов появляется в сходных формах, т. е. имеет универсальный характер. Ребенок использует на свой лад и в своих личных целях один из таких мотивов; его спонтанные ассоциации дают клиническую опору для интерпретаций и комментариев Юнга.

Как и аист, волк является символом рождения и сексуальности. Он напоминает девочке о том, как в пять лет (как у Анны) она столкнулась с тайной рождения и сексуальности. Образ волка напоминает ей о строгости ее отца к проявлениям ее «дурных

привычек», о переживаемом конфликте, усиленном половым созреванием. Возможность поделиться своей проблемой приносит ей значительное облегчение. «Может ли воспитание быть носителем невроза?» – вопрошает Юнг, делая заключение об *инстинктивном происхождении закона морали*.

«Мы никогда не поймем причин страха и подавления сексуальности у ребенка, если мы принимаем во внимание только моральное влияние воспитания. Реальные причины залегают гораздо глубже, в самой человеческой натуре, может быть, в этом трагическом конфликте между натурой и культурой, или между индивидуальным сознанием и коллективным чувством»⁷⁶.

Во время четвертого, пятого и шестого сеансов девочка рассказала и прокомментировала сны, которые указывали на ее отношение к отцу, к сексуальности и к своему желанию иметь детей. В ответ аналитик дает некоторые разъяснения о половом созревании, необходимом, чтобы иметь детей. Уточнения немного разочаровывают девочку.

Этот случай заинтересовал меня тем, что в нем впервые появляется краткий обзор того, что будет представлено Юнгом в Лондоне в июле 1914 г.⁷⁷ в качестве его метода *конструктивного анализа*, в отличие от метода Фрейда, который Юнг определяет как *редуктивный*. Что это значит? Отныне Юнг различает два подхода к аналитическому материалу: первый – фрейдистский, в том виде, в каком он существует на тот момент. Этот подход отыскивает причины и неосознанные стремления, определяющие сон, «имеет тенденцию чужать незначимое». Второй подход – цюрихской школы, юнгианский подход, называемый конструктивным или перспективным, нацелен на поиск во сне того, что может обогатить, расширить сознательное отношение, и того, к чему стремится психическое. При этом здоровая сторона личности усиливается, а больная – становится слабее.

Девочке снится, что «она такая высокая, как колокольня церкви», и что она может отрезать голову этому полицейскому, который напоминает ей отца. Юнг в своих интерпретациях считает более важным неосознанное стремление вырасти, развиваться и стать автономной, чем фаллические притязания переживающего инфляцию Я, проявившиеся в маниакальных защитах. Он настаивает на компенсирующем и телеологическом определении такого сна, эмоциональный эффект которого показывает скорее

интуитивное знание, чем сознательное понимание символов, которые он несет. Символы, считает Юнг, влияют на психическое через интуицию⁷⁸.

Это, по моему мнению, является *основой юнгианского анализа детей*, даже очень маленьких, и дает нам способ работы с архетипическим материалом, который они нам так часто предоставляют, – материалом, который не следует сводить до истории их отношений с мамой и папой. Задача терапевта – быть гостеприимным слушателем, понимающим символы, воспринимать их посредством своей интуиции, и это то, что он может дать ребенку.

На седьмой встрече девочка поняла, что детей иметь ей пока рано, но она в депрессии; ее регресс проявляется в том, что она не желает подчиняться требованиям учителя, адаптироваться к школе.

Восьмой сеанс показал решительный отказ от научных объяснений аналитика. Ребенок приводит в подтверждение школьный слух, что «девочка одиннадцати лет родила ребенка от ее ровесника», слух, который подрывает авторитет аналитика. Фантазию она предпочитает реальности, что говорит о сопротивлении.

Однако невозмутимое психическое продолжает свою работу по осознанию. Вот сон, рассказанный на девятой встрече: аист, дождь и гром говорят об оплодотворении. Это подтверждается и на десятом сеансе. Когда ребенок рассматривает различные теории о рождении, которые у него возникают, Юнг снова настаивает на параллелизме между мифологией и индивидуальной фантазией, равно как и на факте, что телесные ощущения учитывают фантазии, которыми сопровождаются неврозы. Тошнота, рвота, различные кишечные боли – это эхо фантазий об оплодотворении и рождении, осуществляемом через голову, рот или анус; эти фантазии готовы появиться всегда, каков бы ни был уровень информации или даже опыта.

Как бы то ни было, эволюция этой девочки идет своим чередом, а «хорошая ученица» снова занимает свое место за партой. «Либи́до, пленник в лабиринте фантазий, освобождается, как только ребенок осознает ошибочность своих представлений через объяснения»⁷⁹.

Последнее замечание Юнга вызывает особый интерес у тех, кто занимается детством.

Явное преобладание мифологических элементов в психическом ребенка ясно показывает способ, которым мало-помалу развивается индивидуальная душа, отталкиваясь от «коллективной души» раннего детства, что дало рождение старой теории состояния совершенного знания до и после индивидуального существования»⁸⁰.

Обидно, что он оставил нам только это указание и никогда больше не развивал свое предчувствие, даже имея такой мощный инструмент, как архетип. Фордхам и Нойманн займутся развитием данных идей Юнга в своем клиническом опыте. Что же касается Юнга, то он полностью поглощен другой проблемой.

Глава вторая

Разрыв

В августе 1911 г., после всех поисков и размышлений, выходит первая часть работы Юнга – той работы, которая резко изменила его жизнь и стала основной причиной его разрыва с Фрейдом: «Метаморфозы и символы либидо»¹. То, что он пишет в предисловии к четвертому изданию 1950 года, подтверждает написанное мною в начале этой главы. По его словам, в тридцать шесть лет он вступил в возраст метанойи – изменений, вызванных естественным жизненным процессом.

«Эта работа была написана в какой-то степени не по моей воле, в полной неуверенности и в горячке медицинской практики, без учета времени и средств (...) все это свалилось на меня, как лавина, которую невозможно было сдержать»².

Спустя сорок лет Юнг объясняет:

«(...) поспешность, с которой книга была написана, явилась взрывом всех психических составляющих, которые не могли найти себе место в узкой и удушающей психологии Фрейда и его “Мировоззрения (Weltanschauung)”»³.

Юнг не мог довольствоваться тем, что он называл фрейдистской «редуктивной причинностью». Он упрекал этот подход в «недостатке стремления к цели». Для него психическое – это процесс, который он стремится определить на протяжении всей книги.

Используя все богатство амплификаций, делая ссылки на мифы, легенды, религиозные сюжеты, используя лирическую работу

молодой американки мисс Миллер, Юнг демонстрирует свое представление о психическом, предлагая:

«воспринимать бессознательное, как объективное и коллективное психическое»⁴.

В книге он говорит о двух видах мышления: понятийном и образном. Он предлагает собственную концепцию происхождения, энергетики и динамики либидо. Изучение либидо на архаическом уровне привело Юнга к *пониманию инцеста*, абсолютно отличному от фрейдистского понимания.

Преодолев конкретность Фрейда, Юнг воспринимает фантазию инцеста как неизбежный возврат к Матери, то есть к бессознательному, откуда могут подняться новые формы либидо в борьбе Сына-героя против Матери-дракона. В любом случае изменения происходят только после принесения в жертву детских привязанностей и инфантильной ностальгии, признанных устаревшими самим Я, участвующим в процессе. На этом пути человеку необходима *поддержка мифа* — мифа, который связан с его происхождением и объединяет его с остальными людьми. При отсутствии мифа человек

«оказывается запертым в своем безумии (...), которое воспринимается им как реальность (...). Эта игра его рассудка не задевает его душу»⁵.

Вспомним, как часто встречаются сказочные мотивы в материале, собранном у детей.

«Эта работа стала перекрестком, где расходились две дороги (...) программа для следующих десятилетий моей жизни»⁶.

Именно в 1911 г. было положено начало всему творческому пути Юнга, в конце жизни он скажет:

«Моя жизнь – это история самореализации бессознательного»⁷.

В дополнение к этой большой работе Юнг составляет текст лекций, которые он читает в сентябре 1912 г. в Университете Фордхама в Нью-Йорке. Юнг настолько опасается того, какой прием будет оказан его трудам, что он не решается раскрыть их содержание в переписке с Фрейдом. Действительно, в «Попытке представить психоаналитическую теорию»⁸ Юнг решительно выступает против Фрейда, в частности, против его взглядов, касающихся детской сексуальности.

Первый ключевой момент критики относится к *самому понятию сексуальность*.

«Если мы понимаем сексуальность как полностью развитую функцию, мы должны ограничить этот феномен рамками полового созревания, и тогда мы не вправе говорить о детской сексуальности»⁹.

В понятие «сексуальность» входят как биологические феномены, так и многочисленные психологические функции, в которых фантазийная жизнь играет не последнюю роль. Необходимо различать два жизненно важных инстинкта. Один – сексуальный, цель которого – продолжение человеческого рода: он проявляется у индивида, достигшего полового созревания. Другой инстинкт направлен на самозащиту, он может вступать в конфликт с сексуальностью, функция питания играет в нем первостепенную роль.

«В царстве живой природы в течение долгого времени жизненный процесс есть лишь функции питания и роста»¹⁰.

Первостепенно то, что акт питания доставляет удовольствие, это аспект либидо, и Юнг яростно выступает против сексуального определения удовольствия у Фрейда.

«Получение удовольствия не идентично с сексуальностью, ни в коем случае»¹¹.

Юнг дает свою *энергетическую концепцию либидо*. Она «понимается только как название энергии, которая проявляется в жизненном процессе и субъективно воспринимается как направление и как желание»¹².

Вот как он понимает *метаморфозу* питательного инстинкта, направленного на выживание, в сексуальное либидо:

«У грудных детей либидо, как энергия, как жизненная деятельность проявляется сначала в зоне, относящейся к питанию, когда при совершении акта сосания пища принимается в процессе ритмического движения и сопровождается выражением удовлетворения»¹³.

Процесс развития привносит новые составляющие, которые медленно накапливаются у ребенка и расцветают в момент полового созревания.

Юнг описывает *механизм трансформации*, перемены, которые происходят, когда младенец постепенно овладевает ритмичными движениями руки. У грудного младенца различаются две фазы: первая – непосредственно ритмического сосания, сопровождаемая удовольствием от питания; вторая – постепенного перемещения

удовольствия, которое происходит по мере освоения движений рукой. Вначале младенец получает удовольствие от сосания большого пальца – это младенец умеет делать еще в утробе, – потом ритмическое удовольствие покидает оральную зону и палец обращается к другим отверстиям, к коже и, наконец, к гениталиям, что приводит к первичной мастурбации.

Здесь Юнг категорически не согласен с Фрейдом, говорящим о «полиморфных перверзиях» ребенка, он считает, что говорить так – значит проецировать на ребенка невроты взрослого.

«Когда развивается сексуальность, ее детские стадии не должны восприниматься как “перверзия”, а как рудиментарные и переходные стадии, которые сами собой развиваются в нормальную сексуальность. Нормальная сексуальность развивается наиболее быстро и полно при условии постепенной миграции либидо»¹⁴.

Мне кажется, что эта точка зрения абсолютно справедлива, она отсылает аналитиков, включая меня, к *рано эротизировавшим детям*, которым не хватало первичного удовольствия от кормления. Это те случаи, когда мать очень спешила при кормлении или, прикладывая дитя к груди, эмоционально отсутствовала. Мать предпринимает попытки восполнить свое отсутствие излишними ласками, но ребенок ищет утешение в своем теле. Эта эротизация берет свое начало в тревожащем недостатке чувственности, который характеризует это первичное неудовлетворительное отношение. Метаморфоза либидо остается заблокированной на питательном уровне – самом архаичном: можно было бы назвать это оральной фиксацией. Отметим, однако, что Юнг никогда не использовал термин «оральность».

В любом случае он не видит в этой фиксации либидо единственной *причины невроза*. Юнг определяет причину как *актуальный конфликт*, являющийся результатом требований жизни, созревания, вступивших в конфронтацию с отношениями, которые остались незрелыми.

«Психическое созревание углубляет разногласие между задержкой детских привязанностей и новыми запросами взрослеющего индивида, изменениями условий жизни, происходящими в период созревания. Таким образом подготавливается почва для некоей диссоциации личности, что становится истинной причиной невроза.

Чем больше либидо вовлечено в процессы, связанные с задержкой развития, тем интенсивнее будет конфликт»¹⁵.

Хочу уточнить, что когда Юнг говорит о диссоциации, а он предпочитает это понятие, имеется в виду способность психики к диссоциации: вне поля сознания дробить целые зоны. Речь идет о невротическом *расщеплении*. В этом термине нет ничего пренебрежительного. Когда оно происходит, Юнг говорит о психотической или шизофренической диссоциации.

Какова же *судьба либидо* в этом конфликте?

«Обычно отставание эмоционального развития сопровождается родительским комплексом. Когда либидо не используется с целью реальной адаптации, оно более или менее интровертируется»¹⁶.

Тогда оно оживляет бессознательное и активизирует там воспоминания... которые не принадлежат детям, но являются результатом *возврата к родительским образам*, это «целый слой идей, относящихся к родителям»¹⁷.

«Любовь, восхищение, сопротивление, ненависть и бунт еще цепляются за их образы, измененные эмоциями, искаженные желанием, эти образы мало связаны с реальностью»¹⁸.

Лишь во втором издании (1955 г.) Юнг связал это очарование с *нуминозностью скрытого архетипа*. Личность сталкивается с чем-то трансперсональным. Детские аналитики часто сталкиваются с тем, что юные пациенты ведут беспощадный бой с ведьмами, колдунами, великанами, королями и королевами.

«Родительский комплекс присутствует у всех: индивидов. Не обязательно, что он не всегда активен, он может существовать и в тени бессознательного»¹⁹,

уточняет Юнг, который воспринимает его как «*ядерный комплекс*» *невроз*.

Что касается эдипова комплекса, он принимает его только как «удобную формулировку детских желаний по отношению к родителям, конфликта, вызываемого этими желаниями, как, впрочем, любым эгоистическим желанием»²⁰.

На тот момент он признает за эдиповым комплексом у мальчиков и комплексом Электры у девочек особенную роль и считает правомерным говорить о них только после полового созревания индивида. В действительности Юнг полагает, что либидо ребенка бисексуально или, как минимум, сексуально индифферентно; он

считает, что привязанность ребенка к матери имеет другое происхождение.

«Как мы знаем, первая любовь ребенка, вне зависимости от его пола, принадлежит матери. Если на этой стадии любовь интенсивна, отец оказывается ревниво отброшенным как соперник (...) В этом возрасте мать для ребенка пока еще существо, которое защищает, заботится, кормит, и из-за этого является источником удовольствия»²¹,
которое все еще «не идентифицируется с сексуальностью».

Таким образом, Юнг не может следовать теории Фрейда о вытеснении эдипова комплекса. Он считает, что этот комплекс принадлежит самой структуре бессознательного, также как и другие формы отношений, присущие человеку. Отсюда следует, что мы не можем считать его просто подавленным, напротив, он легко может активизироваться и в определенных жизненных обстоятельствах захватить поле сознательного.

С другой стороны, *фантазия инцеста* лежит в глубинах психики любой личности, Юнг говорит об этом в «Метаморфозах»: «естественный порядок вещей таков, что семейные объекты теряют свои стесняющие чары, что заставляет либидо повернуться к другим объектам; это действует как важный фактор регулирования, предупреждающий отцеубийство и инцест»²².

Фрейд предлагает «барьер инцеста» как запрет. А вот Юнг выдвигает гипотезу о том, что фантазия о жертве, наиболее частая в период полового созревания, облегчает переход от детской зависимости к взрослой автономии²³. Психологический инцест и жертва являются краеугольным камнем его теории трансформации либидо, чего Фрейд так и не смог принять. В издании 1955 г. Юнг все еще защищается, показывая тем самым глубину своих страданий:

«Эти гипотезы не являются беспочвенными идеями. Я никогда не рискнул бы попирать существующие теории, если бы мой собственный огромный клинический опыт не доказал мне правоту моих предположений»²⁴.

Глава третья

Юнг таков, каков он есть

Итак, разрыв произошел. Отныне Юнг вынужден один продолжать свой путь, на котором радикальное изменение отношения создает

совершенно особенный процесс познания, характерный для Юнга. Он находится во взаимодействии с собственными проявлениями бессознательного, сталкивается с проявлениями бессознательного у своих пациентов, и у него более нет старшего и опытного собеседника, с которым можно было бы все обсудить. Он признается, что тонет. Чтобы продвигаться вперед, он вынужден отказаться от какой бы то ни было внешней точки зрения; он более не психолог-наблюдатель, фиксирующий видимые механизмы. Он должен пережить, испытать на себе воздействие аффектов, порывов, фантазий и суметь противостоять этому, дабы отыскать в них смысл. «Что это означает? К чему это ведет? Что я там делаю?» – спрашивает Гумберт¹. Там, где бессознательное воспринимается как «действующее лицо», друг или враг, а часто и тот, и другой одновременно, Юнгу открывается совершенно иное измерение анализа. Задача состоит в том, чтобы найти свой путь с помощью постепенных разграничений, имеющих терапевтический характер, за счет изменений, происходящих как в сознании, так и на бессознательном уровне.

Вот почему Юнг не дал определение бессознательного, но старался выявить *процессы, приводящие к становлению сознания*. В процессе этой работы он выработал следующие концептуальные понятия: архетипы коллективного бессознательного, организаторская функция самости, понятие бисексуальности с неизбежными следствиями: сизигия, архаическая чета, некий первоначальный гермафродит, откуда происходят Анима и Анимус, гендерные персонификации бессознательного у мужчины и женщины. Из этих понятий следует специфическая концепция отношений переноса, как встречи двух сознаний и двух бессознательных, – отношений, в которые полностью вовлечены как анализируемый, так и аналитик.

Поскольку Юнгу не к кому обратиться за поддержкой и опорой для прояснения и подкрепления своей точки зрения, он обращается к истории человечества в поисках аналогичных исследований. Он ищет способ, сходный с подкреплением гипотез в мире точных наук, – способ проверки с помощью воспроизведения опыта, накопленного в процессе развития человечества. Так появляется третий том его произведений, где представлены заинтересовавшие его после 1918 года гностицизм, даосизм и алхимия, которые он воспринимает как способы объяснения с бессознательным, и этими

способами человечество пользовалось веками. Но рассмотрение этого периода в жизни и творчестве Юнга выходит за рамки моей работы.

Между 1914 и 1919 годами Юнг формулирует понятие *архетип*. Первое определение этого понятия он дает в Лондоне в июле 1914 г. на конференции «О психологическом понимании»² перед Психолого-медицинским обществом. Юнг обсуждает фрейдистскую интерпретацию случая Шребера исходя из своего опыта работы с психотиками. В июле 1919 г., снова в Лондоне, он в первый раз дает определение «архетипам коллективного бессознательного»³.

Несмотря на то, что понятие является краеугольным камнем, на котором строится юнгианское понимание процесса развития у ребенка, Юнг не создал соответствующую теорию. Прошло более двадцати лет, когда его глубокое понимание динамики архетипа позволило ему уточнить и исправить некоторые из его формулировок, касающихся совместных влияний внешней и внутренней среды на психологическую жизнь ребенка. И, наконец, только с 1938 г. он вернется к изучению процессов, связанных с родительскими архетипами.

Начиная с 1913 года, Юнг называет свое направление в психологии «Аналитическая психология», чтобы отличать его от «Психоанализа» Фрейда. Он представляет свое направление как способ понимания духовного становления – индивидуального или коллективного, – не ограниченного только терапевтическими актами. Три года подряд он высказывает эту точку зрения на международном конгрессе по проблемам воспитания: в 1923 году в Терите недалеко от Монтре в Швейцарии, в 1924 году – в Лондоне, и в 1925 году – в Гейдельберге.

В 1923 г. в работе «Значение аналитической психологии для воспитания»⁴ он еще раз выражает свое несогласие с фрейдистским психоанализом, а также формулирует основные закономерности развития ребенка⁵. И в первую очередь говорит о *биологической структуре Души*. За ней следует обширная картина отношений сознания (совокупность комплексов и идей, напрямую связанных с Я⁶) с бессознательным. Эти отношения описаны с *точки зрения их возникновения, а не подавления*.

«Это не стабильное, не устойчивое отношение, а непрерывный взаимообмен и постоянное смещение содержаний».

Несмотря на существование Я с самого начала⁷, Я центрируется и организуется очень постепенно и прогрессивно из «постепенного сопряжения отдельных фрагментов». Сознание возникает из бессознательного

«...как новый остров, рождающийся из глубин моря, всплывает сознание. Этот процесс мы поддерживаем воспитанием и образованием детей. Школа есть не что иное, как средство целесообразного поддержания процесса образования сознания. Культура есть, следовательно, максимально возможная степень сознательности».

Маленький ребенок долгое время остается игрушкой инстинктов и окружения, особенно семейного. И только в школе возникает задача

«освободить юного человека от бессознательного тождества со своей семьей и сделать его самосознательной личностью».

Мимоходом Юнг отмечает, что часто *сны* маленьких детей имеют намеки на бессознательное родителей.

В то же время он признает, что необычный и якобы взрослый характер некоторых из них зависит от присутствия архетипических представлений именно в психическом ребенка⁸.

Одним из главных интересов Юнга в этот период являются сны и их интерпретация; большинство его конференций заканчивается этой темой. Тем не менее, он не говорит нам ничего о том, что было бы характерным именно для ребенка.

В 1924 г. в Лондоне на трех конференциях под общим названием «Аналитическая психология и воспитание»⁹ была представлена широчайшая картина того, что станет впоследствии *полем детской психиатрии*. Но только двадцать лет спустя, в 1945 г. во Франции, будет создана кафедра детской психиатрии под руководством профессора Джорджа Хьюера. Юнг был первооткрывателем и проницательным клиницистом.

На первой конференции была принята классификация детских психических расстройств, состоящая из пяти групп. На мой взгляд, некоторые ее клинические аспекты актуальны и сегодня.

Например, «умственная отсталость» сопровождает некоторые *псевдо-дефицитарные состояния*, когда расстройство

поведения и интеллектуальная заторможенность выражают отчаяние ребенка по поводу собственного несоответствия ожиданиям родителей. Юнг советует обратить особенное внимание на бессознательное матери. Он полагает также, что, вопреки настоящему дефициту, ребенок способен достичь некоего уровня зрелости, если амбиции его воспитателей не травмируют его.

Под очень спорной рубрикой о «моральной отсталости» Юнг впервые описывает последствия *раннего массивного недостатка материнской нежности*, изучать который начнет Боулби в Англии только в 1941 г. Юнг считает, что в этом случае ребенок недостаточно регулирует свое импульсивное поведение.

Продуманная деятельность может служить способом защиты и позволить добиться улучшений у смысленных пациентов, которые сохраняют, однако, «болезненные аутоэротические» тенденции. Этот способ защиты переключается, по моему мнению, с тем, что Нойманн опишет в 1963 г. как «защищающееся негативное Я».

Подход к *эпилепсии*, в частности, к *легким припадкам эпилепсии*, с учетом значения органического фактора, акцентируется на психологическом факторе, являющемся результатом актуального конфликта с несовместимой тенденцией, против которой болезнь выступает в качестве защиты. В этих «еще функциональных случаях» Юнг рекомендует анализ, позволяющий персонализировать побуждение и противостоять ему сознательно.

Среди «невропатий», где соседствуют расстройства поведения, истерические приступы и психосоматические проявления, я нахожу исключительно яркий пример годовалой девочки, страдающей *ранними запорами*, основная причина которых скрывается в фобии матери. Юнг дает нам первый анализ патологии первичной самости.

И, наконец, классификация заканчивается «психозами», где я нахожу превосходное описание того, что мы квалифицируем сегодня как *предрасположенность к психиатрическому заболеванию*.

Три ремарки Юнга в качестве заключения:

1. Он «предостерегает от неосторожных и легкомысленных действий в анализе детей, так как это есть очень деликатное дело».

2. Эдипов комплекс решительно есть не что иное, как симптом регрессивной тенденции каждого ребенка, не желающего – не более, чем его родитель – покинуть свое бессознательное.

3. Детский невроз является симптомом, за которым стоят проблемы родителей. Это приводит Юнга к понятию *семейного невроза*, способного простираться на поколения, подобно проклятию Атридов.

Тема второй конференции – методы исследования неизвестного, на ней не уделяется особого внимания детским проблемам. Среди четырех рассмотренных способов: метод ассоциаций, анализ симптомов, *анамнестический анализ* и анализ бессознательного. Анамнестический анализ, которым так часто пренебрегают, мне кажется обязательным в случаях работы с детьми. Юнг рекомендует тщательную реконструкцию исторического развития невроза во время бесед с родителями. Эти сеансы являются терапевтическими сами по себе, а не только потому, что позволяют устранить некоторые препятствия в развитии, не отделимые от патогенного отношения родителей.

Первая часть третьей конференции снова посвящается обсуждению снов, реальному происхождению неврозов и креативности бессознательного. Вторая часть касается психотерапии детей и представляет четыре клинических случая ученицы Юнга Фрэнсис Дж. Вика, психолога школы Святой Агаты в Нью-Йорке. Несколько предварительных размышлений позволяют нам лучше понять сдержанность Юнга. Ребенок живет под воздействием родительской и воспитательной среды, с одной стороны, и коллективного бессознательного, с другой. Задача воспитателей состоит в формировании Я, не только осознающего себя самого, но и умеющего адаптироваться во внешней среде. Юнг опасается, что анализ, то есть вступление в отношения с бессознательным, не только персональным, но и коллективным, «очень легко может вызвать что-то вроде нездорового любопытства или даже создать аномальную скороспелость и самоосознанность, если вдаваться в психологические подробности, которые представляют интерес только в случае взрослого»¹⁰. Приведенные примеры акцентируются на обустройстве окружения, осознании актуального конфликта и прояснении тенденции: либо несовместимой с моралью (агрессивность или побуждение убить), либо неизвестной.

Четвертый случай рассказывает, как психотерапевт использует образ двойника, позитивную тень в работе с ребенком, страдающим

ранними серьезными заболеваниями. Эта работа с тенью дала возможность для расширения личности.

С другой стороны, Юнг, несомненно, осознает то, что постепенно выразится в понятие *развития и созревания*: «(...) наша психология изменяется не только в соответствии с временным доминированием определенных инстинктивных импульсов или определенных комплексов, но также в соответствии с индивидуальным возрастом»¹¹.

Теперь мы оказались в 1925 году, в Гейдельберге; Юнг представляет «Значение бессознательного в индивидуальном воспитании»¹². Здесь он рассматривает три типа воспитания.

– *Воспитание с помощью примера* есть наиболее древнее и эффективное, так как оно действует через подсознание благодаря мистическому участию и неосознанному копированию личности.

– *Коллективное воспитание* незаменимо для жизни в обществе. Оно осуществляется способами и по правилам и рискует привести к моделированию, не учитывающему индивидуальные особенности личности¹³.

– Также существует значительная группа детей, которым *индивидуальное воспитание* позволило полностью раскрыть свою личность. Но Юнг – реалист и не впадает в крайности. Он точно знает, что в нас есть как хорошее, так и плохое.

Воспитание направлено на осознание бессознательных содержаний, на приобщение к истине и на исправление, я сказала бы, на очеловечивание варварского. Дело это не совсем безопасное и должно находиться в ведении людей, знающих психологию, психиатрию и отдающих себе отчет в собственных комплексах, добавила бы я. Юнг предостерегает от риска захвата сознания бессознательными содержаниями, близкими к психозу, и также говорит о необходимости противостоять феноменам проекции и заражения, вызываемым переносом.

Введение к немецкому изданию книги Франсис Дж. Викс «Анализ детской души» в 1931 г. в некотором роде закрывает этот период¹⁴. Юнг развивает здесь темы, уже затронутые в его конференциях и говорит о двух уровнях коллективного бессознательного. Ребенок должен будет дифференцироваться от семейного бессознательного и от коллективного бессознательного.

«Сильнее всего, как правило, воздействует на ребенка жизнь, которую не прожили его родители (и предки родителей) (...) тот отрезок жизни, который, возможно, мог бы быть прожит, если бы некие более или менее сомнительные предлоги не помешали этому (...) родители увильнули и при возможности воспользовались для этого неким подобием святой лжи»¹⁵.

Тем не менее родители всякий раз выступают не чем иным, как катализаторами этих процессов у ребенка.

«Душа – не механизм, который необходимо и строго закономерно реагирует на специфические стимулы»¹⁶.

Каждый из братьев одной семьи реагирует по-своему. Юнг видит здесь конституционный решающий фактор. *Этот органический генетический фактор* не доступен психологическому воздействию. Добавленный к ноше поколений, он определяет судьбу.

«Против этого не поможет ни воспитание, ни психотерапия. То и другое, даже при самом разумном применении, может в лучшем случае лишь содействовать верному выполнению жизненной задачи, поставленной естественным этосом. Мы сталкиваемся здесь с безличной виной родителей, за которую ребенок должен будет расплачиваться столь же безлично»¹⁷.

Какой отпор нашим притязаниям на роль всемогущих целителей!

Наравне с генетическим фактором Юнг признает *присутствие архетипов коллективного бессознательного* в психическом ребенка, их нуминозное воздействие можно обнаружить в некоторых страхах и кошмарах, а также в мудрости предков.

«Сновидения эти – последние остатки исчезающей коллективной души, в своих снах повторяющей вечные фундаментальные содержания души человечества»¹⁸.

Это дает новое поле измерения – вне времени и пространства – некоторым детским восприятиям. Юнг добавляет:

«остатки детской души у взрослого человека заключают в себе то лучшее и то худшее, что в нем есть, но, во всяком случае, именно они формируют тайный *spiritus rector* (правлящий дух, дух-направитель, лат.) наших самых значительных деяний и человеческих судеб, сознаем мы это или нет»¹⁹.

Я считаю, что здесь мы находим формулировку наиболее близкую к тому, что детские юнгианские аналитики опишут как *первичную Самость*.

Это предисловие Юнг заканчивает подтверждением, что *родительский комплекс* с его архетипическими ядрами он рассматривает как *основу неврозов*, тогда как эдипов комплекс в этом – лишь как превратность судьбы. Ребенка и невротика держат в своих сетях не только телесные образы родителей, но и нуминозные образы Матери и Отца. *Актуальный конфликт*, где Я находится в конфронтации, – результат двух противоположных импульсов, воздействующих на либидо: *очарование мира архетипов*, стремящегося к повторению человеческих схем в замкнутом кругу компульсии, противопоставлено *импульсу живого*, ищущего новизны в своем процессе созревания и индивидуального становления.

С 1936 по 1940 гг. в Цюрихе Юнг ведет семинары, посвященные детским снам. Всего лишь несколько лет назад было получено разрешение на их перевод и публикацию, и сейчас они находятся на стадии перевода[\[1\]](#).

Материалы зимнего семинара 1936–1937 гг. опубликованы на английском языке²⁰. Там даны интерпретации Юнга длинного архетипического сна девочки восьми-девяти лет, о которой мы имеем очень мало клинических данных. Особое внимание уделяется смыслу и цели регрессии либидо на архаические досексуальные уровни. Яркие образы – образы животных – погружают девочку в мир инстинктов и заставляют поддаться пищевому импульсу, который, привязывая ее к матери, заставляет задуматься о значении собственного тела и внимательнее относиться к своим потребностям, чтобы уравновесить ее стремление к бегству в мир фантазий. Юнг заканчивает практическим советом помочь ребенку усилить его сознательное внимание, чтобы преодолеть риск захвата нуминозным архетипическим материалом, для чего следует конкретизировать эти образы и фантазии, нарисовав их, что позволит встретиться лицом к лицу с «этими неопределенными опасностями». «Запись и рисование производят эффект некоторого охлаждения, обесценивания фантазий»²¹, которые могли бы раздробить еще хрупкое Я.

Публикация материалов этих семинаров дает нам свидетельство упорного интереса Юнга к периоду детства и подчеркивает всю оригинальность его терапевтических взглядов, его понимания

образов в их актуальном и теологическом значениях.

А мы находимся уже в 1942 г., и я не могу не сказать несколько слов о конференции Юнга в Базеле, на ежегодной Ассамблее преподавателей. Речь идет о докладе «Одаренный ребенок», включенном в сборник «Психология и Воспитание»²².

Все мучения и горечь двенадцатилетнего Юнга, усилия которого не были признаны, все еще живы, несмотря на прошедшие пятьдесят лет. Он знает внутри себя того ленивого, упрямого школьника, иногда рассеянного и настолько заторможенного, что его можно принять за дебила. Но если присмотреться внимательнее, то это защитная форма поведения, позволяющая

«спокойно и без помех предаваться внутренним процессам фантазии».

Но, однако, не фантазии являются признаком гения; а их природа. «Однако по качеству фантазий одаренность распознать можно. Для этого, конечно же, нужно уметь отличать умную фантазию от глупой. Направляющим моментом при таком разбирательстве является оригинальность, последовательность, интенсивность и утонченность фантазии, а также заложенная в ней возможность последующего претворения в жизнь».

Главное – поговорить с ребенком о его внешкольных интересах с целью увидеть, «насколько фантазии вторгаются во внешний слой жизни».

Одаренный ребенок развивает только один из аспектов своей личности, в то время как другие аспекты остаются заброшенными. Он добровольно отказывается от гармоничного развития своей личности.

«Чем более гениален одаренный ребенок, тем более его творческая способность (...) ведет себя как отдельная личность, далеко превосходящая (в данных обстоятельствах) возраст ребенка, можно даже сказать, как божественный демон, в котором не только нечего воспитывать, но от которого, напротив, ребенка надо защищать».

Юнг не слишком приветствует классы для одаренных детей, которые могут усилить односторонность в их развитии. Позиция Юнга о необходимости контакта с реальностью и другими менее одаренными детьми может быть понята в школьном обучении,

учитывающем индивидуальность, что для нашей современной системы обучения довольно сложно.

Одаренный ребенок, выделяясь из толпы сверстников, мучим противоречиями. За оригинальность личности приходится платить внутренними конфликтами, которые воспитатели должны учитывать. Юнг в итоге рекомендует изучать историю, которая позволит осознать человеческую преемственность, так как в любом случае филогенетически: «Ребенок живет в дорациональном, и прежде всего в донаучном, мире, в мире той человечности, которая была до нас». Именно знание происхождения и различных аспектов выражения человеческого разума может защитить будущее. «Чисто техническое и целесообразное образование не может быть заслоном перед безумием и противопоставить ослеплению хоть что-нибудь».

На этом заканчиваются работы Юнга, посвященные детству, и он вновь обращается к разработке *родительских архетипов*. Это занимает 14 лет, с 1938 по 1952 гг. Рассматривая уровень конкретных детско-родительских отношений, Юнг не исключает их, так как они являются необходимым элементом конstellляции и демонстрации архетипа.

Архетип матери анализируется с различных точек зрения, Юнг посвящает этому вопросу множество работ. В 1938 г. в «Психологических аспектах архетипа матери»²³ Юнг рассматривает положительные и отрицательные стороны комплекса Матери у девочек. В 1941 г. в работе «Психологические аспекты фигуры Коры»²⁴ он дополняет этот подход, рассматривая его под мифологическим углом зрения (отношения Деметры-Коры). В 1950 г. Юнг полностью пересматривает работу «Метаморфозы либидо», результатом чего является четвертое издание, вышедшее под заголовком «Метаморфозы души и ее символы»²⁵. В комментариях к элегической поэме мисс Миллер Юнг обращается к комплексу Матери у мальчиков и говорит о героической борьбе, которую мальчик ведет с драконом. Речь идет также и о борьбе Я, которое опирается на сознание, против вероятного поглощения матерью-бессознательным. С точки зрения женщины, это ее поединок с целью освободить Анимус из плена этого же дракона. Противоположности Добрая Мать и Ужасная Мать подробно иллюстрированы. Что же касается этого знаменитого дракона, то на

структурном уровне он может представлять и пожирающий аспект *архетипа Отца*.

В действительности для Юнга любой архетип, а следовательно любое имаго, имеет как позитивный, так и негативный аспект, один – светлый, другой – темный. Соглашается ли он здесь с Мелани Кляйн, с ее понятием раздвоения на плохое и хорошее, до того, как объект станет целостным? Это заслуживает рассмотрения. *Проблематика противоположностей* у Юнга вписывается в историческую созидательную динамику субъекта, содержащего в себе два полюса: сознательное-бессознательное, Я-Самость. Это перекликается с тем, что переживает младенец, когда его зарождающееся Я, вначале оберегаемое от опасного расщепления (Юнг, возможно, говорил бы об «одностороннем действии» и о «диссоциации»), становится способным интегрировать факт существования плохого и хорошего в одном и том же объекте. И здесь рождается субъект, и начинается его история.

В 1948 г. Юнг просматривает и дополняет текст «О значении отца в судьбе индивида»²⁶ для третьего издания, учитывая уже коллективное бессознательное и архетипы. Архетипы подпитывают личность в «биологически унаследованной и врожденной структуре, являющейся инстинктивной базой любого человеческого существа», к которой присоединяются комплексы, появившиеся в результате взаимодействий с другими людьми и миром в целом.

Надо признать, что у Юнга *архетип Отца* очерчен гораздо меньше, чем архетип Матери, даже в этом неистощимом кладезе «Метаморфоз», где Юнг описывает Отца «полным противоположностей, как и мать (...) он есть сама чистая инстинктивность, хотя и воплощающая закон, ограничивающий инстинкты»²⁷.

В работе «О значении отца в судьбе индивида» особенно подчеркнута эта двойственная роль первоначального образа отца, способная освободить от детской привязанности к матери, равно как и усилить ее, если она примет ужасающие очертания. Это «первоначальная человеческая ситуация, где примитивное сознание подвешено между бессознательным и компенсирующей тенденцией, пытающейся вырвать сознание из пут тьмы»²⁸.

Вот где мы снова находим дракона, теперь он околдован и подвластен как Отцу, так и Матери. О, парадокс! Мы видим, что само бессознательное, «которое, по мнению Юнга, нужно рассматривать как телеологическое», вызывает силу, необходимую для поединка, должного «спасти сознание от угрожающей регрессии»²⁹.

Эрих Нойманн опишет это позднее как перспективный и маскулинный аспект любого архетипа, особенно самости, который продвигает вперед последовательные фазы развития. Это также один из элементов процесса саморегуляции психического, человеческой способности управлять своей жизнью, а воспитание, анализ и созревание должны помочь нам добиться этого.

Что касается «Психологии архетипа младенца», написанной Юнгом в 1940 г. параллельно с работой К. Кереньи «Введение в сущность мифологии»³⁰, то в ней он не касается напрямую детской психологии, какой мы представляем ее сегодня, но затрагивает ее возникновение. Эта структура, если рассматривать ее в связи с прошлым, может указать на то детское, что живет в нас. Взятая в теологической динамике, она является объединяющей и судьбоносной силой.

Часть вторая Детский юнгианский анализ

Глава первая

Существует ли детский юнгианский анализ?

Девочка внимательно и с удовольствием рисовала домашнее животное с рогами и с чем-то вроде папской короны в форме башни на голове. «Это коровка», – сказала она мне. Созерцание своего творения, казалось, доставляло ей большое удовольствие. И ее явно позитивная энергия проникала в нас. «В этой картинке много хорошего. Глядя на нее, мы ощущаем это», – удовлетворенно сказала я себе.

Увидев великолепные иллюстрации к книге Юнга «Метаморфозы души и ее символы», я поняла, что для этого обездоленного ребенка коровка представляла образ богини-матери – поставщицы вкусного молока. Это было проявлением переноса: констелляция позитивного полюса материнского архетипа.

Воспоминание о пережитых лишениях снова выводило на сцену отрицательные переживания, тогда как психическое привносило новизну и новое обострение. Здесь моя роль аналитика состояла в оценке цветов и насыщенности сопровождающего аффекта, в озвучивании и проговаривании, с целью гуманизировать аффект, то есть перевести из прожитого глобального телесного опыта в осознанный психический опыт.

«Я был в стране во времена галлов, и одна девочка, спрятавшаяся в дереве, показала мне дорогу. Вторая девочка, стоявшая рядом с деревом, сказала: “Иди по ней”.

Я попадаю на дорогу, по которой ездят только немецкие машины. Я говорю, что это невозможно, ведь это же Галлия.

Я иду дальше. Прихожу в село, где живут очень бедные люди. Мужчины, вооруженные вилами, хотят на меня напасть.

Я просыпаюсь и вижу в окне волка, который смотрит на меня. Я не решился заснуть снова, из страха быть съеденным».

Реми рисует этого волка: голова в складках занавески очень похожа на голову дьявола с рогами. Он рисует также дерево, которое плачет, – его левая ветка сломана. Первоначальный сон усиливают два черно-белых карандашных рисунка, выполненных в жесткой манере, сделанных на следующем сеансе.

На огромном пространстве мы видим утку-мать с пятью утятами. Первый, вылупившись из яйца, по знаку матери направляется направо к пруду; но его подстерегает лиса. Два других выбираются из своих скорлупок, на четвертом яйце появляются трещины. А вот пятое от удара материнской лапы откатывается влево, и змея проглатывает его.

После того, как был установлен первый контакт, мы решили встретиться вновь по окончании каникул, которые Реми провел в лагере. В процессе тяжело переживаемой сепарации ему снилась древняя эпоха – страна, напоминающая страну из рассказов его дедушки по материнской линии: Галлия и галлы. Этот мир накладывается на мир его матери, рожденной в 1940 г. во время немецкой оккупации, в семье, где было шестеро детей.

Девочки из первого сна (образы феминности в руководящей женской роли) велят ему идти в очень бедное село, но путь ему преграждает агрессивная и ошетилившаяся маскулинность.

Рисунок матери-утки позволяет думать, что эти мужские особи пока не соотносятся с отцовским запретом инцеста. Они скорее демонстрируют то, что препятствует возвращению к хорошей матери, какой бы бедной она ни была. Это препятствие – не что иное, как взаимная агрессия, которая впервые дала негативную окраску отношениям мать-ребенок и создала ядро негативного комплекса матери у Реми. Тревога, вызванная этим воспоминанием, настолько сильна, что ребенок просыпается. Волк является носителем тревоги, он придает ей форму и контейнирует ее.

Последовательный и структурированный образ у мальчика девяти с половиной лет вызывает удивление, учитывая то, что у него проблемы в школе и иногда он как будто страдает аутизмом, его речь бедная и несвязная. Также удивительна и уверенность рисующей девочки, упомянутой вначале. Факты такого рода привели детских аналитиков к осознанию того, что идет процесс развития и к гипотезе существования с самого раннего детства сомато-психического организатора, названного ими *первичная Самость*. Вторая гипотеза касается существования, начиная со стадий самых архаических, *ядра Я* — ядра, которое будет играть роль любящего в образовании комплекса Я.

Гумберт рассматривал самость как бессознательный принцип, в соответствии с которым психика находит свою линию роста, подчиненную Я и связанную с телом, но трансперсональную¹.

Фордхам, начиная с 1940 г., обнаружил присутствие самости в рисунках самых маленьких детей. Первые округлые закорючки, превращающиеся в законченные кружочки в период с восемнадцати месяцев до трех лет, – это и есть первые попытки центрации. В это же время Юнг констатирует те же проявления в детских снах, которые он представил на своих семинарах в Цюрихе.

Анализируя материал Реми, мы также должны отметить фундаментальное значение первого отношения маленького человека к своим родителям, к окружающим людям и к внешней среде в целом. В равной степени мы должны отметить и способность этого отношения проецироваться на аналитическое отношение.

Первичная самость

Фордхам и Нойманн, опираясь на свой опыт и свою типологию, представили нам свои точки зрения на процессы функционирования первичной самости. В моих размышлениях я использовала их труды, также как концептуальные понятия Юнга.

Для начала – два факта. Для нас, юнгианцев, ребенок не рождается «*tabula rasa*» – как чистая доска, но приходит в этот мир с капиталом коллективного бессознательного. С другой стороны, маленький человечек оказывается полностью погруженным во внешнюю среду, от которой он зависит и без которой не может жить и стать полноценным человеком.

Этот сложный комплекс можно обозначить понятиями взаимодействия между трансперсональной вневременной системой и историей межсубъективных отношений, между сущностью («капиталом») и средой. Таким образом, мы сталкиваемся с парадоксальной идеей – характерной для юнгианской мысли.

1. Капитал

Первый подход

Начиная с 1944 г., Фордхам определяет первичную самость как «целостность, как систему, которая включает в себя как сознательные, так и бессознательные структуры и процессы»². Самость функционирует без помощи Я, образуящегося благодаря механизмам освобождения инстинктов, описанным Н. Тинбергеном³. Тело, архетипы и Я – это развивающиеся аспекты самости. Она информирует Я о фазах интеграции. Это определение близко к юнгианскому «врожденному бессознательному».

Нойманн также утверждает, что «целостная личность и ее управляющий центр, самость, существуют еще до того, как Я примет свою окончательную форму и разовьется в центре сознания; законы, управляющие развитием Я и сознания, зависят от бессознательного и целостной личности»⁴. Следовательно, первичная самость есть априорная данность, развивающаяся в течение жизни и постоянно взаимодействующая с другими: с Я, с окружающими и миром. Самость появляется в мире в теле, которое несет в себе бессознательное.

В течение жизни и своего развития самость последовательно включает в работу различные *архетипические структуры*, которые Нойманн метко называет «одежды самости». Так будут

конstellированы архетипы Матери, Отца, группы и другие. Это происходит еще до того, как личность сможет объясниться со своей самостью.

Характеристики первичной самости

С одной стороны, врожденный капитал – это первичная самость и есть, наследство вида, которое архетипы выражают по очереди, и Нойманн дает прекрасное описание:

«Человек приобретает опыт с помощью этих образов психического; эти образы соответствуют определенным вещам, существующим объективно в мире. Психический образ чего-либо в мире есть одновременно *сумма опыта и орган психического*, и человек, посредством этого образа, *экспериментирует* и позднее *интерпретирует* мир»⁵.

Функцию архетипов в более актуальной формулировке, использующей современное понятие информации, определяет Гумберт:

«1) они обуславливают, ориентируют и поддерживают формирование индивидуальной психики в зависимости от программы, которую несут;
2) они вмешиваются, когда психика нарушена, получая информацию либо от самой психики, либо из внешнего окружения;
3) они обеспечивают обмен информацией с внешним миром»⁶.

Вслед за Юнгом Гумберт говорит:

«архетипы вписаны в тело как все органы информации живой материи.

Они передаются генетически»⁷.

– С другой стороны, первичная самость есть наиболее персональное *выражение индивидуальности* новорожденного, факт уникальности его генетической карты.

– Этот капитал, который выражает одновременно индивидуальное и видовое, будет выражен благодаря *тому, что заложено в младенце*, эти

«потенциальные способности получать и интегрировать информацию, самостоятельно посылать сигналы или вести себя определенным образом, то есть совершенствоваться»⁸.

Космер уточняет:

«Если информация, стимул, сигнал не развивают *то, что заложено в младенце* (...) эти способности, в отсутствии адекватного окружения, могут остаться нереализованными».

В юнгианских терминах проявить способности означает привести в действие человеческий архетип, то есть создать схему поведения; *pattern of behaviour* – систему образа действия, а также создать условия для развития, которые определяют состояние сознания, когда Я достигает достаточной целостности. Я еще вернусь к этому.

И, наконец, открытие, принадлежащее Нойманну, оказалось особенно ценным для моей клинической практики. В связи с незрелостью маленького ребенка на архаической стадии отношений Мать-Ребенок, Нойманн говорит о двух формах выражения самости: *телесная самость и самость отношения*.

Телесная Самость

Первый раз Нойманн употребляет этот термин в «Происхождении и развитии сознания»⁹.

Этот капитал, одновременно общечеловеческий и уникально-индивидуальный, вписывается в телесную еамость^[2], эта «регулирующая совокупность как детского, так и взрослого *организма*, направляющая биопсихическое развитие, включая развитие обусловленных архетипами фаз»¹⁰. Телесная еамость – биопсихическая целостность тела.

Это первое проявление еамости и первая поддержка функции *центроверсии*.

Это не только физиологическая *сущность*, так как телесные и психические способности, унаследованное и индивидуальное, там уже присутствуют. Отсюда еамость-тело есть поддержка специфической и уникальной тенденции индивида реализовать свой потенциал, раскрыть свою конституционную сущность в кругу коллектива, но, если будет необходимо, то и без последнего, а возможно, и даже противостоя ему»¹¹.

Эту тенденцию Нойманн называет *аутоморфизмом*.

Телесная самость есть *фундаментальное телесное прожитое*. Оно несет не только память всего вида, но и телесную память индивида, телесную память его пережитого, самого архаического.

Я говорю о прожитом, а не об опыте, так как для последнего будет нужен повторяющийся контакт с телом матери и ее слова, чтобы это *прожитое телесной самостью* постепенно привело к *опыту сознательного Я*. Именно так и вырабатывается комплекс Я.

В заключение следует добавить, что телесная самость есть носитель и коллективной, и индивидуальной *памяти*, равно как и *того, каким станет* индивид.

В нем организуются творческие склонности, присущие природе человеческого дитя. Из-за своей незрелости ребенок нуждается в присутствии хорошей матери для поддержки своего инстинкта самосохранения, несмотря на то, что у него уже имеются значительные количества либидо, призванные развивать его автономию. Утверждение самости и отношение к другому парадоксальным и неразрывным образом связаны.

2. Самость отношения

Даже еще не родившись, ребенок уже погружен в человеческое окружение и является его частью, без него ребенок не может жить, не может стать настоящим человеком. Говорить о человеческом окружении – значит говорить об отношении зависимости: существование ребенка невозможно без существования матери, не только дающей жизнь, но регулирующей ее и поддерживающей возможность развития в качестве человека.

Мать сама живет в центре психофизической реальности мира. Мир состоит из людей, более или менее близких к диаде мать-ребенок. Отец играет в этом мире особую роль. Также обязательно следует учесть географические, исторические, социально-экономические и культурные условия, в которых были пережиты первые отношения.

Это первоначальное отношение, *Архаическая зависимость*^[3], есть первое проявление отношения человеческого дитя к другому и к миру. Это функциональное архетипическое единство, включающее мать и эмбрион, а затем – мать и новорожденного, единство, где отец играет особую роль. Цель Архаической зависимости – продвигать развитие Я ребенка к обретению сознания, автономии и индивидуации.

Несмотря на свои неоспоримые возможности, в частности – способность вызывать заботу матери, младенец пока не может

иметь достаточную автономию. Мать принимает на себя его *самость отношения*, то есть ту функцию целостности Я-Самость, которая обеспечивает отношение индивида к самому себе, к другому человеку и к миру. Мать инстинктивно прочитывает и объясняет внешний мир своему ребенку, а также его внутренний мир, где побуждения и архетипические образы могут быть ужасающими. Именно она должна выразить словами чувства, которые эти образы вызывают, с целью гуманизировать и интегрировать их.

Я ребенка полностью примет на себя эту функцию отношения только тогда, когда он приобретет достаточную силу, целостность и независимость.

Нам кажется, что одна из характеристик сущности мать-ребенок в Архаической зависимости есть *функционирование сразу в двух аспектах*. В архетипическом аспекте: вневременным, свойственным виду, и в социальном и историческом аспекте — в отношениях с окружением. Эти два аспекта неразрывно связаны.

3. Двойной аспект самости

Все это позволяет Нойманну сказать, что в начале жизни *самость младенца имеет двойственную природу*. Телесная самость является носителем наиболее близкого, интимного. Самость отношения – несущая ответственность за взаимоотношения с внешним миром – пока обеспечивается матерью, на нее проецируется архетип Матери.

С клинической точки зрения, этот двойной образ самости очень полезен для понимания процесса ранних психосоматических расстройств, нарушающих первичную самость до такой степени, что ей придается негативный аспект и возникает патология. Позднее я проиллюстрирую это в истории трех сестер. Это также позволяет понять, как восстановление в памяти этих негативных опытов пробуждает тело и вызывает соматические проявления, которые могут быть опасными. Это то, что касается телесной самости.

Понятие «самость отношения» позволяет уловить, как некоторые патологии отражают ранние нарушения отношения не только с людьми, но и со словами, с речью. Тенденция к аутизму и нарушения в разговорной и письменной речи – у Реми, например, – именно здесь берут свое начало.

В процессе развития именно *телесная самость*, благодаря созреванию нервной системы и различных функций тела, *выводит на сцену трансперсональные эпизоды*.

В первый год жизни появляются: определенная двигательная автономия, сопровождаемая целостностью сознания, и начало вербального общения. Ребенок становится способным частично управлять своим отношением к миру и к себе подобным.

Благодаря матери, способной проживать и интегрировать негативные события, как для себя, так и для своего младенца, Я постепенно превращается в *Я интегрированное*, то есть способное переживать негативный опыт без ущерба для себя. Я становится партнером самости, которая параллельно объединяется с ним. Телесная самость и самость отношения отныне определяют целостную личность. Позднее комплекс Я возьмет на себя функцию интеграции.

4. Ось Я-Самость^[4]

Теперь мы вправе говорить о строении оси Я-Самость. Это понятие Нойманна, ставшее классическим для клинической юнгианской литературы, – инструмент, который служит для понимания, в частности, обоснованности анализа маленьких детей.

Ось Я-Самость – это *демонстрация в образах* парадокса постоянно меняющегося отношения, которое существует между Я и самостью. Они достигают собственной целостности. Я приобретает опыт подчинения самости, из которой оно выделяется, степень подчинения варьирует не только с возрастом, но даже в течение одного дня. Самость берет власть, например, во время сна, или в моменты острой опасности, или в некоторых «пограничных» (borderline) ситуациях. Взаимодействие самости и Я настолько креативно, что позволяет сбыться всем желаниям. Понятие «ось» не должно вызывать ассоциаций с позвоночником, оно использовано с целью демонстрации колебаний возможных отношений между Я и самостью.

Нойманн уточняет, что «главная связь между Я и самостью, выраженная в понятии ось Я-самость, делает Я способным, благодаря самости, получить знание прожитого, которое оставило свои отпечатки на целостной личности в ситуации, когда Я пока еще не способно (у ребенка) или уже не способно (у взрослого) на эксперимент»¹².

Как я уже говорила, самость, индивидуальная память, сохраняет следы этого прожитого вне сознания и может их воспроизводить во сне, или в таком специфическом явлении, как аналитический перенос.

Вспомним, например, первый сон Реми, демонстрирующий бедность и агрессивность, которые характеризовали его первоначальные отношения. Это не общая семейная память навевала их Реми. У его матери все было хорошо. Для нее, выросшей в пансионе во время войны и не знавшей ласки и тепла, это было абсолютно естественно.

Мне приходит на память одна девушка-подросток, страдающая эпилепсией, с которой произошел довольно странный несчастный случай, когда она каталась на велосипеде. Она была найдена в спутанном состоянии сознания, на участке дороги, где движение было запрещено. Как она смогла там очутиться? Она совершенно не могла вспомнить о том, как она попала в это отдаленное от дорог место. Позднее, на одном из сеансов, она расскажет свой сон, описывающий весь пройденный путь, запечатлевшийся на уровне телесной самости.

Память и перенос

Как складывается история ребенка и как получить доступ к этим воспоминаниям?

Целостность младенца, сталкиваясь с другими индивидами – конкретными людьми и с миром в целом, – взаимодействует с ними, т. е. первоначальный капитал взаимодействует с окружением. Это взаимодействие в различных жизненных ситуациях раскрывает возможности ребенка, вызывает определенные поведенческие схемы. Психическое аффективно-телесное прожитое этого взаимодействия запоминается. Фордхам говорил об этом, употребляя термины архетипов в динамическом поле отношения. Как бы то ни было, именно так складываются комплексы эмоциональной тональности, как описывает их Юнг, начиная с 1907 г., с работы «Психология Dementia Praecox»¹³.

По мнению Фордхама, доступ к воспоминаниям о происшедшем осуществляется благодаря новой дезинтеграции. А по мнению Нойманна – благодаря проекции комплексных психических структур в динамическом поле аналитических взаимоотношений.

1. Модель Фордхама: дезинтеграция-реинтеграция

Модель Фордхама, разработанная после 1947 г.¹⁴, была пересмотрена и улучшена в 1976 г. в его работах, посвященных детскому аутизму¹⁵. Вот как я это вижу.

В начале жизни психосоматическое единство ребенка, первичная самость, находится в состоянии отдыха, которое Фордхам обозначил как «интегрированное»: например, спокойно спящий ребенок.

В жизненно важные моменты первичная самость встречается со значимым элементом мира, например, реальные грудь и мать появляются в ответ на внутренний импульс, в данном случае – чувство голода.

Самость выходит тогда из своего интегрированного состояния и, опираясь на свою архетипическую предрасположенность, *деинтегрирует* свою человеческую возможность адекватно отвечать на ситуацию; в данном случае ребенок ищет грудь, начинает сосать – происходит встреча с реальной матерью.

Структура вырабатывается в реальной жизни. После многочисленных повторяющихся игр, экспериментов, любви и ненависти малыш соединяет свое архетипическое ожидание с реальными субъектами, объектами, явлениями, в нашем случае – с грудью и матерью. Так он создает объект сам по себе и устанавливает взаимодействие с объектом, уточняет К. Ламберт¹⁶, другой лондонский юнгианец.

То, что потом становится снова реинтегрировано, – это уже не простая способность. Это действительно структура, в которой отныне объединились сомато-психо-аффективные составляющие, определившие опыт. В частности, это способ, которым мать или ее заместитель вступает в отношения, поддерживает эти отношения и создает эмоциональную атмосферу.

К. Ламберт добавляет:

«Этот деинтегративно-реинтегративный процесс воспроизводится во времени снова и снова по мере того, как самость “распаковывает” свои архетипические потенциальности и соотносит их с реальными объектами – грудью, соском... т. е. сперва с парт-объектами, затем с целостными объектами, такими, как мать, отец. реинтегрированная самость содержит все

возрастающее число распознанных архетипических объектов, которые уже интернализировались»¹⁷.

По моему мнению, последние есть не что иное, как так называемые Юнгом имаго – первоначальные образы; в данном случае – это материнское *имаго*, это возникающий толкователь материнской функции. Что же касается реинтегрированной структуры, отныне она будет входить в состав *комплекса Матери*, который будет обогащаться другими составляющими из последующих эпизодов деинтеграции-реинтеграции, проживаемых с матерью.

Как бы то ни было, для Фордхама и его школы эта способность самости деинтегрировать некоторые из своих составляющих под воздействием окружающей среды и реинтегрировать результат нового опыта базируется на феномене *переноса*. И это обосновывает возможность анализа маленьких детей в возрасте от тринадцати месяцев, даже до укрепления Я.

2. Юнг и Нойманн: архетипическое поле

Для меня понятие архетипического поля – это еще один способ говорить о *восстановлении человеческих архетипов*. Гумберт¹⁸ назвал архетипы *органами информации*, вписанными в тело, передача которых заложена генетически.

Эмбрион и новорожденный не имеют другой модели в своем распоряжении и действуют по архетипической программе. Тем не менее, человеческие архетипы: Мать, Отец, Ребенок, Мудрый Старец, Черная или Белая Ведьма не есть органические механизмы, структуры, работающие автоматически.

Нойманн замечает:

«их восстановление и освобождение психических развитий, которые с ними связаны, есть не только интрапсихические процессы. Они находят свое место в динамическом поле, которое простирается и снаружи, и внутри, и допускает и включает фактор внешнего мира»¹⁹.

Это означает, что базовая структура имеет два полюса: один – это внутренняя предрасположенность каждого из партнеров к сигналам определенного состояния мира; второй – присутствие в мире адекватного партнера.

Как не вспомнить работу двух нью-йоркских фрейдистов К. и М. Папусик «Интуитивное родительство: диалектический вклад в

развитие интегративной способности ребенка»²⁰. Речь идет о том, что они называют «интуитивное родство», определяемое ими как: «целостность универсального поведения родителей, которое способно наиболее адекватно стимулировать интегративные возможности ребенка и которое родители абсолютно не осознают». Авторы уточняют, что это «интуитивное» поведение «находится где-то между врожденными рефлексам и вынужденной рациональной ответной реакцией». Для них «эти родительские дидактические интеракции базируются больше на психологической предрасположенности, чем на социокультурных рациональных условиях».

Не правда ли – прекрасная иллюстрация адекватности родительскому архетипу? Понятия «врожденные рефлекс» и интуиции заставляют меня думать об инстинктивном руководстве, осуществляемом самостью, которое у женщины проявляется через наиболее архаические уровни ее Анимуса. Что касается «рационального поведения», то оно относится к функциям Я, включенным в работу патриархальным Анимусом, используя термин Нойманна²¹.

Что касается соответствия Архаической зависимости своей архетипической роли, то больше всего это характеризует то, что Винникотт описал как «безумие» матери: «это состояние, позволяющее матери все лучше заботиться о новом существе, которое она только что произвела на свет, и, следовательно, быть “почти совершенной” матерью»²². Безумие? Следуя юнгианской терминологии, мы сказали бы скорее «одержимость» в смысле бессознательного функционирования под руководством архетипического фактора: мать проживает состояние единения с архетипом Матери.

Именно так и следует воспринимать *гипотезу слияния* – того слияния, которое произойдет между матерью в Архаической зависимости и ее ребенком. Слияние, яростно не принимаемое Фордхамом. Слияние, о котором упоминает Нойманн. Говоря о *двойственном отношении*, он описывает самость матери, охватывающую целостность эмбриона и новорожденного. Тем не менее, по его концепции, понятие «телесная самость», психосоматическое единство, четко говорит о том, что ребенок есть существо отдельное. Именно незрелость малыша заставляет мать принимать на себя, а потом поддерживать часть функций самости

ребенка настолько, насколько полно она выполняет свою роль в архетипической диаде.

Для меня существуют два различных индивида, две телесных самости, которые имеют свои особенности и действуют каждая в своих интересах. Новорожденный есть индивид, как провозглашает Фордхам. Тем не менее, фактом является то, что одно из главных действующих лиц нуждается в другом, чтобы выжить и реализовать свои человеческие качества. Так возникает *асимметрия*, описанная Нойманном в его гипотезе о передаче младенцем матери некоторых функций самости отношения. С другой стороны, эта асимметрия никак не мешает существованию взаимодействий мать-грудничок. Однако необходимо заметить, что в этой паре существует отношение, динамика, энергия, где достаточно трудно определить границы каждого, аналогично *зоне общего бессознательного* — основе функционирования переноса.

Настало время поговорить о том, что я называю *материнское* — понятие, на которое я буду опираться как в обсуждении патологии триады родители-ребенок, так и в понимании того, что может проецироваться в переносе.

Материнское для меня есть функциональная целостность, результат всех ранних взаимодействий младенца в его личной истории и истории окружения. Для удобства повествования я вынуждена постепенно затрагивать составляющие всей этой целостности; но всегда нужно помнить, что речь идет о взаимодействии, развивающемся при взаимных воздействиях в течение многих месяцев и лет.

У эмбриона, и у ребенка телесные органические факторы отражаются на психическом механизме и эмоционально прожитом. (Вспомним, к примеру, о том, что выводит на поверхность первый сон Реми.) В некоторых случаях речь может идти о конституционных психобиологических элементах, связанных с хромосомами и генами – не важно, унаследованными или нет. Также это могут быть события, затронувшие тело: лишения, болезни, недомогания и страдания, несущее в себе ранний опыт умирания. Я имею в виду случаи потери сознания, комы, когда телесное сознание теряется, или врожденный порок пищеварительного тракта, превращающий удовольствие от сосания в болезненный ужас. Все это может привести к ранней длительной

разлуке, и тогда пребывание в больнице заставит младенца почувствовать себя брошенным.

Некоторые составляющие – это *материнские факторы*. Хорошо или плохо она питается, как себя чувствует? Может ли она вообще иметь детей, а если может, то насколько она хочет этого? Что означает для нее этот ребенок в конкретный момент ее жизни? И по отношению к братьям и сестрам, уже рожденным? Что означает для нее иметь ребенка от этого мужчины, который также желает его? Как она ведет себя по отношению к обоим родительским линиям, в особенности по отношению к материнской линии своих предков? От всего этого зависит, какой матерью она станет. В своей работе на тему психологии юной девушки²³ Юнг писал, что одна из репрезентаций самости женщины двойственна, это пара мать-дочь. Это отнесение к «матерям» особенным образом квалифицирует самость юной матери. И, наконец, в первые месяцы жизни своего младенца достаточно ли присутствие матери не только телесное (я думаю о расставаниях), но особенно интеллектуальное и эмоциональное? Я напоминаю здесь о депрессиях матерей, воздействие которых можно описать словами Андре Грина как «синдром мертвой матери»²⁴.

Мы знаем, насколько необходимо бдительное и любящее присутствие отца во избежание непоправимых ошибок. Действительно, отец является составной частью материнского, он не только разделяет заботы о младенце, но и представляет собой отцовство: способ которым он берет на себя архетипичную роль третьей стороны между матерью и ребенком.

Материнское – это трио, прелюдия к любой дальнейшей триангуляции, которая требует дифференцированных отношений между ребенком, отцом и матерью.

Наконец, на беременность и роды оказывают влияние *исторические факторы*: к ним относятся окружающая среда, культурная атмосфера, некоторые семейные события, происшедшие во время беременности, и первые месяцы жизни ребенка.

Все то, что я только что описала, и есть *прожитое с матерью в Архаической зависимости*. Это прожитое будет в некотором смысле влиять на архетип Матери, и именно там может рано сформироваться негативный комплекс Матери. То, что ребенок

сыграет и представит в переносе, – это сомато-психо-эмоциональный опыт, но это не обязательно имеет отношение к его реальной матери. Таким образом, было бы ошибочно безрассудно винить во всем мать, не проведя подробного исследования материнского. Вслед за Фордхамом и Нойманном каждый детский аналитик должен знать, что любое травматическое событие является, в первую очередь, архетипичным, и что хорошая мать может иногда переживаться как ведьма.

3. Перенос, как доступ в историю

Мы уже знаем, что для Фордхама феномены переноса базируются на *способностях самости деинтегрировать* некоторые из своих составляющих – результаты предыдущего прожитого, в том числе и болезненного. Эта деинтеграция воспроизводит их в исключительной ситуации аналитического отношения, давая, таким образом, доступ к истории субъекта. Тогда ребенок проживает новый опыт, более благоприятный для его развития. Следующие друг за другом эпизоды реинтеграции модифицируют самость и придают ей качества организатора здорового развития, благодаря интерпретациям и опыту отношений. Учитывая, что перенос – опыт целостной личности, анализ маленьких детей вполне возможно начинать с тринадцати месяцев.

Вслед за Пойманном я считаю, что укрепление оси Я-Самость открывает Я доступ к своей истории; при здоровом развитии это происходит в 13–15 месяцев, когда, в принципе, состоялось объединение Я и самости. Это делает возможным использование разных методов аналитической работы, в зависимости от состояния Я, не только «здесь и сейчас» во время сессии, но также в тот момент, о котором мы вспоминаем.

Чтобы исторический и персональный материал «всплыл», Я должно быть в достаточной степени сформировано. Тогда комплексы проявятся в переносе.

У пациентов, у которых Я глубоко нарушено и раздроблено, разбито на кусочки, или у менее нарушенных пациентов в моменты, когда анализ касается самых глубоких ран, проецируется коллективный, архетипический материал, задача которого – укрепить и восстановить ось Я-Самость. И лишь потом появляется материал из личной истории.

4. Аналитическая реорганизация

Аналитический перенос – это поле живых и динамических отношений, прототипом которого является двойная Архаическая зависимость мать-ребенок. Мы видим, что многочисленные конstellации, которые проецируются в переносе, являются функцией активированного структурного уровня. В этом энергетическом поле устанавливается *процесс трансперсональной реорганизации* под управлением организаторской функции самости. Вспомним первый сон Реми.

С первого же сеанса психическое выводит на сцену конфликт и препятствия, с которыми сталкивается либидо. Мы чувствуем, что *организатор уже работает*. Цель анализа будет заключаться в реструктуризации, с более слабого материнского слоя. Эти предложения психического, обозначающие креативные возможности бессознательного ребенка, столкнутся, с одной стороны, со способностью Я их воплощать, а с другой стороны – с восприимчивостью окружения.

Зачем нужен аналитик? Его отношение слушателя бессознательного служит *поддержкой проекции*; но роль аналитика этим не исчерпывается. Еще долго он будет служить *Я вспомогательным* — до тех пор, пока целостная личность достаточно не укрепитя, чтобы принять проекцию на свой счет, когда будет выстроена ось Я-Самость.

Итак, аналитик должен лить воду на мельницу обустройства мира ребенка, и этим ограничиваются его действия. Семья, школа, социальное окружение создают дополнительные трудности.

Как бы то ни было, аналитик – это одновременно партнер и свидетель происходящего процесса реорганизации. *Партнер* означает, что он активный участник взаимодействия, в который он вовлечен всем своим существом (сознательное и бессознательное, женское и мужское, со всеми половыми признаками). *Свидетель*, в двойном смысле этого слова, – «это тот, кто присутствует при событиях» и рассказывает о них, но также и тот, кто «является гарантом» процесса, тот, кто обеспечивает правильный ход событий.

Контейнирующая функция аналитика обеспечена: у женщины – ее материнской женственностью, которая устанавливает безопасные границы при встрече с бессознательным, у мужчины – женским началом, его Анимой. Аналитик подкрепляет свой опыт за

счет своей *функции гида*. У женщины эта функция гида действует инстинктивно на самом архаическом уровне ее Анимуса. Что же касается патриархальных, наиболее близких к культурному сознанию, аспектов этого Анимуса, то они помогают в работе по выделению смысла и упорядочиванию. Мужчина управляет этим напрямую на уровне своего сознательного Я, но он тоже имеет доступ к архаическим инстинктивным пластам маскулинности, через интуицию. Наконец, главной способностью аналитика является его *интегрирующая способность*, позволяющая ребенку управлять по-разному своими побуждениями, своими архетипическими образами и знаниями, накопленным опытом. Тот факт, что аналитик не боится монстров, позволяет ребенку думать о чем-то другом, кроме убийства чудовища с риском для собственной жизни.

В общем, перенос есть архетипический процесс, целью которого является установление или восстановление у ребенка позитивного отношения к архетипу Матери, в процессе креативного взаимоотношения между маскулинностью и фемининностью – как собственными, так и аналитика. Далее маскулинность аналитика-женщины расчищает путь архетипу Отца, который присутствует у аналитика-мужчины при условии, что он прошел путь своего собственного развития. Процесс анализа отрочества – совсем иной, и здесь я об этом не говорю.

Заканчивая теорию аналитического подхода к детям, я хотела бы, вместе с Юнгом и Нойманном, напомнить, что если тип переживаемого опыта легко предсказывается архетипом, то его содержание, конкретное пережитое, есть индивидуальное и историческое. *С точки зрения памяти*, это означает, что то, что было восстановлено в переносе, есть не что иное, как сомато-идеологически-эмоциональный конгломерат, характеризующий архетипический опыт. Тогда анализ касается сложившегося *комплекса* и призван войти в отношение с Я сознательным. *С точки зрения перспектив*, актуализация архетипической констелляции зависит от обустройства мира в данный конкретный момент – есть ли рядом с аналитиком, который выступает в роли Матери и Отца, рядом с креативностью бессознательного анализируемого, настоящий отец или его заместитель, готовый поддержать ребенка в его усилиях по сепарации и индивидуации?

Прожитое на сеансах

Так что же требуется для того, чтобы произошла встреча, вызывающая изменения? Ребенку необходимо *безопасное и свободное пространство*, где могли бы быть прожиты и осмыслены чувства, которые вызывает эта встреча, для того, чтобы он мог справиться с этими чувствами.

1. Рамки и техника

После нескольких диагностических встреч я объясняю родителям и ребенку мой план работы: мы вместе будем искать пути выхода из сложившейся сложной и тревожной ситуации, в которой оказались как дети, так и взрослые. Мы предоставим слово тому, что хочет выразиться посредством симптомов, которые привели на консультацию, не только для того, чтобы понять причины, но в большей степени для того, чтобы выявлять происходящие изменения.

Мы знаем, насколько это сложно и тревожно, даже в работе со взрослыми, снова дать произойти тому, что было подавлено или никогда даже не осознавалось. И дело аналитика – предоставить рамки и адекватные инструменты. Лично я четко определяю это в границах моих консультаций.

Безопасность рамок

В организационных целях рамка должна фиксировать *границы*, устанавливать определенный *ритуал* действий. Я устанавливаю правила наших встреч в присутствии ребенка и родителей, к которым это относится в равной степени. Действительно, ведь это они ответственны за *явку в указанное время*, за *регулярность сеансов* и за *оплату*. Ребенок должен знать о гонораре – показателе значения, которое родители придают его благополучию. По мере возможности, ребенок передает гонорар сам, и, в зависимости от возраста и обстоятельств, он должен принимать посильное участие в оплате – платежным средством может быть рисунок или символическая монета из его копилки.

Ребенок *оставляет свои работы* у аналитика, и аналитик должен тщательно хранить их – безусловно, это не входит в оплату. Это расставание с продуктом своего творчества приводит к разъединению – дифференциации, и в то же время – к признанию

ценности созданного объекта. Некоторые дети отдают свои работы с ярко выраженным опасением. Некоторые из них обеспокоены надежностью хранения своих работ, другие не хотят оставлять работу, испытывая жизненную необходимость унести свое творение с собой в качестве поддержки, постоянного напоминания того, что на сеансе был затронут уровень гораздо более глубокий, чем обычно. В качестве исключения иногда можно позволить забрать работу с собой, лишней раз напомнив действующее правило – оставлять творения у аналитика.

Также четко я говорю о том, что не разрешается *наносить какой бы то ни было вред* ни себе, ни находящимся рядом объектам. Говорить можно все, но переход к действию запрещен: «Я понимаю, что ты в гневе и что ты очень боишься. Ты можешь выразить это с помощью абсолютно любых слов, но я не могу позволить тебе ломать все в бешенстве».

Ставя эти побуждения в определенные рамки, с целью сделать их более человеческими, я всегда избегаю обвинять ребенка, это было бы несправедливостью, на которую он мог бы обидеться. Как мне призналась однажды девочка семи лет: «Мама хорошо знает, что я – это милый маленький ребенок, который иногда бывает злым».

Слова могут оказаться недостаточными. Гипотетически нужно быть готовым удержать ребенка физически, но не агрессивно, а утешающим и защищающим движением. Детский аналитик должен быть крепким и здоровым человеком.

Творческое пространство

Если игровая психотерапия – не прерогатива юнгианского анализа, то просто игра, а особенно игра с картинками – есть специфически юнгианские техники. Для меня работа с детьми – это тип юнгианского анализа, с его пластичностью способов подхода к бессознательному, и преобладающее место в этом занимают игры и рисунки.

Юнг в работе «Воспоминания, сновидения, размышления» пишет, что в самый мрачный период столкновений с бессознательным он вновь обратился к конструктивным играм, в которые играл в одиннадцать лет:

«При этом мысли мои прояснились, и я смог сосредоточиться на фантазиях, которые прежде я ощущал довольно смутно (...) Это

мое строительство было лишь началом. Затем возник целый поток фантазий»²⁵.

Игра – это любимое занятие детей, которое направляет все их существо на концентрацию, в ней нет ничего легкомысленного. Это попытка бессознательного дать форму тому, что пока еще не может быть высказано. Юнг признает существование «инстинкта игры». Проистекая из представлений, этот инстинкт является прежде всего сомато-психически проживаемым. Аналитик должен помочь осознать его и сформулировать с помощью слов.

Демонстрация в рисунках – неизбежное тому следствие.

«В той мере, в которой мне удавалось перевести эмоции в образы, т. е. найти в них какие-то скрытые картины, я достигал покоя и равновесия»²⁶.

Переход от игры к рисунку – очень важный этап, позволяющий трансформировать побуждение в символическое изображение.

Рисунок, по своей многозначности, дает портрет психического в данный момент. Он указывает также, если мы сумеем это разглядеть, на смысл и цель ситуации. Тогда он становится терапевтическим.

Способы выражения

– *Свободная игра*. Она требует четко нацеленных проекционных поддержек, но изобилие их, по-моему, может быть препятствием на пути креативности. Знаменитая детская игра «понарошку..», способность детей перевоплощаться, свидетельствует о жизненности этой игры, которая проигрывает второстепенные события, детали. Тем не менее, некоторые объекты мне кажутся необходимыми.

В первую очередь, *младенец* с его аксессуарами: игрушечной колыбелькой, бутылочкой, кукольным сервизом – дает доступ к архаическим переживаниям и к символическому восполнению недостающего.

Ферма и ее обстановка, даже для городских детей, позволяет выразить различные импульсивные уровни. Деревья и природа отсылают к вегетативному опыту. Животные выводят на сцену инстинкты, и их появление свидетельствует о важном повороте. С их помощью внимание переключается снова на тело, часто это сопровождается соматическими проявлениями, легкими болезнями, насморками, гастроэнтеритами у практически здоровых детей. Если пары мать и ребенок: корова и теленок, кобыла и жеребенок и так

далее – очень востребованы, необходимо располагать несколькими могучими животными, которые воспринимаются людьми как злые, например, черный бык. Животные должны быть разные: как милые, домашние, так и дикие, злые. Подобный ансамбль способствует трансформации агрессивного импульса, который находит свое яркое выражение в темах соперничества ковбоев и фермеров. Данная тема приводит к сравнению противоположностей, к дифференциации мира. Безусловно, необходимо, чтобы мужчины, женщины и дети были достойно представлены; в их присутствии побуждения становятся человеческими.

Нужны разные *машинки*, но слишком большое их разнообразие приводит к рассеянию внимания, тогда как желаемая цель – сконцентрироваться.

Марионетки тоже нужны – при условии, что они типичны. Куклы, изображающие отца, мать, детей, бабушку и дедушку, колдуна, ведьму, короля, королеву, принца, принцессу, жандарма, собаку и волка, также дождутся своего звездного часа. Не желательно, чтобы это были известные персонажи из сказок или фильмов. Ребенку нужен свой собственный миф, который он найдет и проживет.

Теперь я должна сказать несколько слов о способах использования вышеописанного материала. Здесь неизбежно возникает вопрос об *отношении аналитика*. Должен ли он только сопровождать игру или участвовать в ней непосредственно. В любом случае он принимает участие в игре, так как игра рождается в его присутствии и часто ему именно предназначена. К тому же он должен выявлять и называть возникающие эмоции – и свои, и те, которые он чувствует у ребенка. Ребенок может нуждаться в партнере, и здесь проявляется искусство аналитика уметь адаптировать свое участие, учитывая всю ситуацию.

– *Глина, пластилин и вода*. Ребенок прибегает к ним в те моменты, когда ему необходим контакт с основными элементами. Они нас возвращают к первым ощущениям – когда мы дотрагивались, вступали в контакт, в первые отношения. Образы, которые при этом возникают, – от шарика и колбаски до снеговика и бытовых сцен.

Эти материалы имеют большое преимущество, поскольку позволяют разрушать то, что было сделано, то есть всегда дают возможность исправить ошибку, переделать что-то уже

построенное. С помощью этих материалов может быть пережито тревожащее ребенка разделение на части, и из этого бесформенного материала может возникнуть восстановленный или совсем новый объект.

– *Живопись и рисунок.* Эти два способа проекции имеют четко определенные рамки – лист бумаги, в то же время их использование дает разные ощущения.

Живопись, при использовании различного материала, дает прекрасную возможность ребенку погрузиться в этот вид деятельности полностью, с удовольствием испачкаться, возобновить отношения с подавленной или заторможенной анальностью. Сам процесс творения допускает хаос и смешение форм, выражающих всю гамму переживаний.

Рисунок не требует специального материала. Маленькие дети охотно рисуют. Нежелание рисовать появляется к двенадцати-тринадцати годам, многие дети предпубертатного возраста считают рисунок недостойным для себя делом «маленьких детей» – впрочем, как и игру. Этот бесконечно разнообразный инструмент, имеющий богатейшую экспрессию, может быть предложен аналитиком для иллюстрации сна или для выражения мыслей ребенка по поводу его продолжения, или для того, чтобы отодвинуть слишком сильную эмоцию: ощущение, которое он не может выразить, или разрушительный порыв. Рисунок, как и всякое изображение, одновременно контейнирует и дифференцирует, но, возможно, он лучше «охлаждает» аффект чем более «сенсорная» живопись.

Живопись и рисунок будут полезны при вступлении в отношения с бессознательным в анализе как взрослых, так и подростков.

– *Сказки и легенды.* Для Юнга сказки – это мифы ребенка²⁷; они рассказывают ему о невыразимом и готовят к встрече с неизвестным. У ребенка, скорее всего, уже есть какие-то сказки, но все же аналитик должен подсказать родителям, чем нужно дополнить уже имеющуюся коллекцию. Совместное рассказывание или чтение сказок позволяет найти форму и решение деликатной ситуации. Ребенок вернется к этому сам, прерывая свой путь паузами, которые на самом деле являются моментами интеграции.

Я не рекомендую адаптированные варианты, неполные, с выкинутыми кусками. Они извращают роль сказки, призванной

дать типичный человеческий ответ на тревожащие вопросы.

Игра с песком

Я отвожу специальное место технике игры с песком (*sandplaytherapy*), которую я не практиковала, но знаю из рассказов коллег. Игра с песком была применена в юнгианской версии Дорой Калфф, ученицей Юнга, которая работала в Цюрихе²⁸. Школы *sandplay* потом были организованы во многих странах. Итальянцы, в частности, Франческо Монтеки²⁹, систематизировали опыт и расширили данную технику до лечения умственных заболеваний не только детей и подростков, но и взрослых.

В комнате, на невысоком столе, соответствующем росту ребенка, должна быть установлена прямоугольная песочница, в которой ребенок будет экспериментировать со своим придуманным миром, создавая свой миф. С помощью различных маленьких фигур, расставленных рядом на стеллаже, он будет создавать сценки, дающие трехмерное представление об актуальной психической ситуации. Манипуляции с песком и фигурками дают новые сенсорные ощущения и развивают навыки ручного труда.

Дора Калфф делала акцент на поиске организующего символа, на образах самости, которые она считала терапевтическими благодаря эффекту концентрации и развитию интуиции.

Позиция Ф. Монтеки и его школы, имеющая в основе те же принципы, гораздо более аналитическая. Терапевт обращает внимание не только на то, что представляется, но и на то, что проживается в отношениях: перенос, контрперенос, сопротивление, очарованность. Он *испытывает это* и в смысле «ощущает», и в смысле «проводит испытания, тестирует». Он скорее излагает, нежели интерпретирует. Он открыт любому позитивному и трансформирующему аспекту, становясь, таким образом, посредником самости отношения, которая выведет на сцену архетипы, способные реконструировать фазу развития, когда конфликт не был разрешен, что и питает патологию. Эта концепция психотерапии близка к той, которую я описывала выше.

2. Тональность сеансов

Материал первых сеансов очень часто является показательным и заслуживает особенного внимания, хотя и не может быть

интерпретирован сразу. Не настолько структурированный, как у Реми, он обычно раскрывает проблематику и дает информацию о состоянии Я и его защитах. Иногда в материале можно найти намеки на возможное развитие процесса, как, например, у Реми. У психотиков и плохо структурированных, умственно отсталых, материал хаотичен и вначале выдает скорее архетипические, чем персональные образы.

Проживаемое на сеансах различается в зависимости от возраста и проблематики.

К каждому ребенку нужен свой индивидуальный подход. Есть дети, которые реагируют сдержанным и даже заторможенным способом, другие реагируют бурным, может быть, даже насильственным, способом. Я чувствовала внутри себя, что и те и другие встречают меня посредством их родительского комплекса – единственная схема отношений в их распоряжении. В терапевтическом смысле я имела дело с двумя проекциями: проекцией персонального бессознательного, то есть комплексов, и проекцией родительских имаго.

Детям требуется некоторое время на то, чтобы воспринять новый опыт общения с аналитиком, отличающийся от прошлого опыта, который является ядром комплекса, и разорвать старые связи. Этот новый опыт позволяет сомато-идеологически-эмоциональным содержаниям, связанным, например, с негативными переживаниями в сфере материнского, стать разнообразнее и избавиться от их компульсивного негативного аспекта.

В ходе этой регрессии, этого разрушения уместно использование *интерпретаций, связанных с личной историей*. Я это называю «отсылать к папе-маме».

У таких детей появление структурирующих архетипических организационных элементов происходит более медленно, более осторожно, сказала бы я. Защищающееся Я не дает полностью овладеть собой, и это хорошо.

На этих этапах анализа *динамика переноса* соответствует *циркулярной тенденции к инерции и к повторению*, которая является одним из способов функционирования психического, по Юнгу и Нойманну. В зависимости от момента, а часто в течение одного сеанса, эта тенденция может быть представлена двумя противоположными

асpekтами. С одной стороны, бессознательное и автоматическое *непреодолимое влечение повторения* негативной составляющей выражает обычную реакцию защищающегося Я. С другой стороны, *механизмы обучения* обеспечивают восстановление, благодаря сознательному экспериментированию, в новых отношениях с Хорошей Матерью. Здесь подходящими являются повторяющиеся игры кормления и ухода за куклой.

Есть и другие дети, которые *сразу* дают *архетипический материал*, структурированный или хаотичный. В этом случае нет защиты Я, которое находится в незрелом или регрессивном состоянии. Я чувствовала себя счастливой, когда ощущала в терапевтическом пространстве нечто вроде *межличностного измерения*, дающего мне *организаторскую поддержку*, которая констелировала во мне соответствующий архетип, его образ и схему поведения в данной ситуации. И моя задача – расшифровать замысел, чтобы помочь ребенку его воплотить, сыграть свою роль в истории собственной жизни.

В этих *архетипических переносах* я долго служила вспомогательным Я, «сопровождала путешествие», пытаюсь понять, а затем назвать этапы, но не делала ли я это для того, чтобы самой не попасть во власть архетипа? В этих случаях игры и повторяющиеся рисунки также являются для ребенка способом доступа к сознанию и способом интеграции нового опыта. В этом мы должны искать *динамический и перспективный аспекты* психического.

3. Отношение к образам

Сны

Значение, которое ребенок придает своим снам, зависит от его возраста, но особенно от его семейного окружения и того интереса, который проявляет к ним аналитик.

Есть семьи, где сновидения воспринимаются как вздор, пустяк. Тогда ребенок боится быть осужденным, если он придает значение сну. Он рассказывает о своих снах с некоторой неуверенностью, особенно в начале анализа. Есть другие семьи, где сны охотно рассказывают за завтраком, дети из этих семей легко делятся с аналитиком сновидениями.

Способ, которым аналитик вызывает рассказы о снах, не безвреден. Слишком явный интерес со стороны аналитика может

быть воспринят как некий каннибализм, который вытеснит самого ребенка, или же вызовет желание сделать приятное аналитику, что спровоцирует поток придуманных, ненастоящих сновидений.

Я считаю, что при первой же встрече, которая определяет условия и представляет материал, надо обозначить, что нас интересуют сны и кошмары и то, что они могут нам сказать. Ведь весь мир видит сны; но не всегда их помнит. Это введение позволяет установить более дистанцированное отношение к сновидениям в дальнейшем.

Очень часто именно во время игры ребенок намекает на свой недавний сон, и довольно сложно установить, был ли рассказ точным, или был амплифицирован и обогащен. Так, сон представляется как отправная точка для работы активного воображения, которое развивается в ситуации переноса, идя гораздо дальше самого сна, но всегда имеет отношение к психической конфигурации момента. Спонтанно могут возникать ассоциации к давно виденным снам, двух-трехлетней давности. Они выводят нас на архаические уровни, лежащие в основе актуального конфликта.

Рассказ может быть расширен рисунком, особенно если сновидение сопровождалось пугающим появлением архетипических образов. Рисунок не является иллюстрацией сна, это нечто большее, часто указывающее на проекцию психического. Рисунок может иметь защитную функцию: это может быть стена, или какая-то форма, позволяющая удерживать тревожащее содержание.

Символизм некоторых снов имеет *четко персональный характер*. Он говорит о семейных отношениях, о школе, одноклассниках. Он выводит на сцену конфликты, способы защиты, позицию Я в целом. Компенсирующая функция, которую Юнг признавал за сном, не может работать без знания аналитиком реальной ситуации, в которой растет ребенок. Ведь он живет с реальными родителями, а не только с имаго.

Существует и другой тип материала сновидений, на первый взгляд, не имеющий отношения к обычной жизни ребенка. Благодаря нашему опыту и знанию архетипических символов мы обнаруживаем там *архетипические образы*. Наша задача – передать общую картину, ценности, которые будут компенсировать

фундаментальные недостатки, характерные для некоторых этапов развития.

Редко удается проработать сон с детьми. Они принимают некоторые комментарии – гораздо легче, чем интерпретацию – и сразу переходят на другие темы. И вот здесь приходит на помощь рисунок.

Рисунки

Опыт наблюдения позволяет мне выделить *два отношения* к рисунку и, соответственно, *два типа рисунков*: спонтанный рисунок и рисунок, рассказывающий сон.

Спонтанные рисунки рассказывают о *конкретных фактах* из жизни окружения ребенка. Это прямое обращение к аналитику – какое бы чувство они ни выражали, дает ли ребенок словесные объяснения или нет. Графическая манера обычно отражает уровень зрелости.

Другие же рисунки, стиль которых совсем иной, переживаются в пространстве, где аналитик, кажется, не существует вовсе, хотя его присутствие необходимо. Рука ребенка, абсолютно уверенная, кажется, управляется извне. От этих рисунков исходит сильная энергия. Такими рисунками были: мать-утка у Реми и коровка, о которых говорилось в начале. Очень часто, кроме описания рисунка и признания аффекта, который он во мне вызывает, я могу только констатировать важность этого произведения для малыша. И моя задача – сохранить рисунки в памяти, для того чтобы понимать перемены, происходящие с ребенком, и способствовать их воплощению в жизнь.

В самом деле, большой вопрос – что это означает? Картинка – это функциональная форма, и ошибкой было бы иметь только эстетический взгляд на нее. Гораздо важнее проникнуть в действие, представить путь, понять цель, занять позицию по отношению к ней и вовлечься в это. Простое созерцание приведет к диссоциации, к расслаблению воображения.

Именно здесь заключена вся сложность и специфика юнгианской работы с картинкой. Наша задача – избежать ослепления материалом, рисунком или сном, не потерять их динамику, слишком быстро сводя их к реальным событиям, то есть к «папе-маме». Картинка требует ответственного отношения, как

нашего, так и наших подопечных.

4. Родители

В своей практике я искала факторы в окружающем мире, которые стимулируют выражение креативного бессознательного. Я знаю, что ребенок живет не один – он живет в семье, и это окружение воздействует на него постоянно. Он никогда не смог бы в одиночку достичь той цели, которую ставит ему жизнь. Поэтому я всегда работаю и с матерями, и с отцами, если они соглашаются, но всегда это бывает по-разному в зависимости от возраста ребенка и семейных проблем. Важно определить место отца, хотя бы лишь назвав его.

Первая задача в работе *с очень маленькими детьми* – помочь функционированию триады. Лучше всего подходит терапия родители-ребенок. Она нацелена на реабилитацию «интуитивного родительства», о котором я говорила выше. На языке Юнга – это помочь отцу и матери найти их родительский инстинкт и довериться ему, то есть соответствовать родительским архетипам. Поиски новых способов взаимодействия и их проговаривание – вот цель встреч, в которых участвуют родители, ребенок и аналитик. Главное в этой работе – научиться проговаривать эмоции, признавать грубую силу импульсов и направлять ее для строительства внутреннего Я.

Я не фанатик анализа родителей, хотя считаю, что работа с ними необходима. Очевидно, что они чувствуют потребность в более индивидуальном подходе, и я вовсе не против, если они тоже начинают проходить анализ, но у другого аналитика.

Проблематика *детей постарше* более личностна. Я затрудняюсь точно назвать возраст, это зависит от уже достигнутой дифференциации: примерно начиная с двух-трех лет. Такой ребенок, как, например, Реми, нуждается в восстановлении отношения с самим собой для того, чтобы смог актуализироваться процесс организации через позитивную самость. Родители также нуждаются в помощи, прежде их ребенок был вместилищем их проекций, но он больше не будет выполнять эту функцию в связи с происходящим процессом индивидуации. Они должны будут сами объясняться со своей Тенью, а не требовать это от ребенка. Именно здесь личностный анализ родителей может стать необходимым.

Что же касается подростка, то он должен найти место, защищенное от своего обычного окружения, где он мог бы раскрыться перед собеседником, воспринимающим его, как субъекта его истории. Если родителям нужна помощь, они должны находить ее у другого аналитика, иначе это лишь путь, ведущий к прежним отношениям. Работа с подростками очень специфична, я оставляю для нее специальное место.

Итак, в итоге: мужчина или женщина?

Не все ли равно, кто аналитик – мужчина или женщина? Думаю, что нет. Способ индивидуации, через постепенные процессы сепарации-дифференциации, очень чувствителен к способу актуализации маскулинности и фемининности в мужском и женском теле. Способ, которым женщина активизирует свою маскулинность, кардинально отличен от способа, которым пользуется мужчина – естественный прообраз архетипа Отца. Анимус – не отец, хотя и его предвестник. Мужчина может нести материнское, но не так, как женщина.

Итак, выбор пола аналитика очень важен, и он должен, насколько это возможно, отвечать запросам момента.

Глава вторая

Некоторые концептуальные понятия

Прежде чем переходить к специфическим клиническим аспектам, мне кажется необходимым обсудить некоторые концептуальные понятия, большая часть из которых принадлежит Юнгу. Эти базовые понятия, ставшие для меня привычными, должны быть соотнесены с развитием ребенка, с процессом его биопсихического созревания.

Обращение к Юнгу

Юнг выковал свою систему понятий в процессе взаимодействия с бессознательным пациентов или со своим собственным бессознательным. В свою очередь терапевтический опыт детских аналитиков также побудил их выдвинуть гипотезу о *первичной самости и архаическом ядре Я*. Так ли это неверно, как утверждают некоторые исследователи, воспринимая самость только с точки

зрения индивидуации взрослого, «реализующего свою самость»? Вот что пишет Юнг:

«С самого начала нашей психической жизни начинает бить фонтан самости, и с ней же, кажется, связаны высшие и последние цели жизни»¹.

Позднее, в 1940 году, он писал:

«Символы целостности появляются часто в начале процесса индивидуации; их можно наблюдать в снах с самого раннего детства. Это наблюдение защищает существование априори потенциальной целостности»².

Значит, ему кажется, что такая гипотеза имеет право на существование. Юнг не задерживается на ней, развитие конкретного ребенка не входит в тот момент в сферу его интересов, но основа заложена. Другие детские терапевты разовьют теорию Юнга. Выше мы уже рассмотрели, как это сделали Фордхам и Нойманн.

Термин *Сверх-Я* Юнг использует в своем творчестве только два раза: в 1930 и 1931 годах³ для обсуждения концепции Фрейда. Он предпочитает говорить о внутреннем референте в связи с влиянием родительских имаго.

Фордхам же использует этот термин во фрейдистском значении, а Нойманн создал свою собственную теорию, к которой я вернусь.

В 1907 г. Юнг ввел понятие комплекса, которому он посвятил свою первую работу: «Психология *Dementia Praecox*». В 1912 г., в «Метаморфозах и символах либидо», он вырабатывает понятие имаго, которое, между 1914 и 1919 годами, приводит его к концепции архетипа. Как работают эти типично юнгианские операционные концепции в перспективе развития ребенка?

В предыдущей главе я позиционирую *архетип* как первый организующий элемент, «*facultas praeformandi*» у Юнга, то есть способность одновременно вести себя адекватно ситуации и иметь правильное представление об этой ситуации.

Вокруг этого ядра, придающего смысл и определяющего направление, организуются элементы эмоционально-телесно прожитого, составляющие комплексы, в том числе и комплекс Я.

Комплекс Я остается одним из комплексов, пока не станет центром сознания. Он организуется вокруг архетипического ядра Я,

что означает, что человеческое дитя уже носит в себе предпосылки «стать сознательным» и осознание своей личности. Комплекс Я выстраивается понемногу благодаря телесному опыту и чувствам, окрашивающим его повторяющийся контакт с телом матери, когда ребенок впервые ощущает, что он – отдельный индивид. Это воплощение комплекса Я дает ему связность и устойчивость, они становятся организатором и *доминантой сознания*, то есть психической структурой, определяющей порядок, в котором располагаются содержания, чтобы стать сознательными. Пока комплекс Я не достигнет этой связи, или в случае, когда он ее теряет, другой комплекс (комплекс Матери, например) может стать организатором опыта и центром сознания. Тогда «он применяет цензуру, организует защиты и односторонне направляет сознание»⁴.

Образование комплексов и постоянная реорганизация, обусловленная множественностью проживаемого опыта, составляет базу деятельности психического в непрекращающихся взаимоотношениях между внутренним и внешним миром, где Я строится, а порою и разрушается. Тогда кажется очевидным, что проявление комплекса в переносе дает доступ к истории субъекта, то есть к его личному бессознательному.

Так в 1912 г. Юнг оправдывает введение термина «имаго», комментируя фантазии мисс Миллер:

«Я умышленно оказываю здесь выражению “*imago*” предпочтение перед выражением “*complex*”; выбором технического термина я хочу внешне придать живую самостоятельность в психической иерархии именно тому душевному составу, который я разумею под *imago*; то есть я хочу подчеркнуть ту автономию, которую я на основании многих наблюдений требовал, как существенную особенность комплекса, окрашенного чувствами»⁵.

И после он определяет его как

«образ, существующий на полях любого восприятия и в то же время питающийся им»⁶.

Юнг, таким образом, дает определение архетипического образа, которое потом часто использует в своих работах.

Отцовское или материнское Имаго есть образ, возникающий у ребенка под влиянием реальных родителей, на которых проецируется архетип Отца или Матери, снабжая их

«дополнительной нагрузкой и непосильной экзистенциальностью»⁷. Ребенок, как и невротик, должен произвести работу по столкновению имаго с объектом, отцом или матерью, дабы собрать энергию, заключенную в проекции, и, наконец, добраться до человеческой сущности отца или матери, брата или сестры.

Комплексы и имаго обладают особой энергией и оказывают противоречивое влияние на *нуминозный груз* лежащего в их основе архетипа.

Юнг понимает под этим аффект, который они оказывают «на ценности и чувства»⁸. Нуминозное, связанное с автономией бессознательного, таит в себе очарование. Эта очарованность может выражаться как господство сверхъестественного или как *инфляция*, когда Я сливается с составляющей коллективного бессознательного: лягушка, которая хочет видеть себя такой же огромной, как бык. Тем не менее, это состояние появляется только в первый момент возникновения в сознании содержания бессознательного.

К ребенку можно применить и архетип Персоны, о котором Юнг мало высказывался. В античном театре *la persona* означала маску, надеваемую актером, для которого она одновременно была рупором и показателем значимости роли. Юнг воспользовался этим образом, чтобы дать определение «компромиссу между индивидуумом и обществом, отвечая на вопрос, в какой день первый должен появиться внутри второго»⁹. Маска необходима как защита от влияния общества; это своего рода кожа. Ошибкой было бы идентифицироваться с ролью, которую ты играешь для общества. Так, Персона близка по значению *faux self* (фальшивой самости) Винникотта.

Построение Персоны происходит очень рано, и на первом этапе анализа обнаруживается, что она формируется из желания родителей или может быть проявлением их Тени. При более тщательном рассмотрении «выбор» маски не так уж прост: в его глубине лежит замысел самости.

Правомочно ли рассмотрение понятия Тени¹⁰ в анализе детей? В проекции или во сне Тень представляется как *фигура того же пола*, что и субъект, но занимающая противоположную позицию. Она вбирает в себя бессознательные составляющие, отвергнутые

субъектом, как несовместимые с семейными и культурными ценностями, а также динамические признаки эволюции, которым сопротивляется Я или которые еще не приобрели энергию – достаточную, чтобы пробиться к сознанию. Я может достичь этих противоположных позиций только ценой морального конфликта, который может быть воспринят как расщепление. Эти сопротивления, таким образом, понятны, а иногда даже спасительны.

С другой стороны, ребенок особенно зависим от Тени своего окружения, от родителей. Все то, что они не прожили – не смогли или не захотели, – проецируется на ребенка, рискуя повлиять на его судьбу, так же, как и его собственные желания и фантазии, значительно более сознательные. Ребенок, как и подросток, может отделиться от этих проекций в процессе работы над родительскими комплексами.

Под Анимой и Анимусом Юнг понимает женские составляющие у мужчины и мужские – у женщины, опираясь на постулат *психической бисексуальности*, который, в свою очередь, является эхом биологической бисексуальности. Эти составляющие представляются в виде *фигуры противоположного пола*. Анима проецируется на женщин, а Анимус – на мужчин; но ни та, ни другой не идентичны реальным объектам своей проекции. Анима – не есть женщина, Анимус – не есть мужчина.

Их функция включает четыре задачи: служить посредником, проводником между сознанием и бессознательным; быть факторами проекции; представлять бессознательное; поддерживать отношения с другим полом.

Область Анимы – область, где царит Эрос, она проявляется посредством настроений, привязанностей; Анимус – область Логоса, он имеет отношение к идеям, к духу, самоутверждению во внешнем и внутреннем мире.

Как эти составляющие касаются ребенка? Анима и Анимус представляют собой *примитивную сизигию*, первичную чету, которую воплощают отец и мать, активизируя бессознательные наброски женского и мужского. Напомним, что термин «сизигия» означает в астрономии положение Луны в совпадении с Солнцем или противопоставлении ему.

Половая дифференциация ребенка происходит под влиянием бессознательных составляющих, опыта прожитого телом, а также поведения и чувственности родителей. Усложнять ситуацию может знаменитый эдипов треугольник, причем более глубокий отпечаток в психической структуре ребенка может оставить бессознательная составляющая родителей, нежели их явное сексуальное поведение. Так структурированы некоторые случаи гомосексуальности.

Лексика «осознания» – одна из особенностей аналитической психологии. Рассмотрим ее подробнее, прежде чем перейти к клиническим интерпретациям.

Динамический характер феномена осознания подчеркивается понятием *выхода на поверхность*, у Юнга это порог сознания и «сумма энергии, делающая возможным осознание»¹¹. Имеющие достаточную энергию бессознательные содержания могут переступить порог сознания и столкнуться с Я. Для Юнга «Отношение некоего психического содержания Эго служит критерием его осознанности, ибо это содержание осознанно не раньше, чем субъект получит представление о нем»¹².

Понятие «порог сознания» относится к *диссоциации психического*, то есть говорит о крайней неустойчивости внутренних связей психических процессов, как сознательных, так и бессознательных – и это расплата за осознание¹³. Для того, чтобы мобилизовались побуждения и желания, умножающие центры личности, которые могут объединиться в субличности¹⁴, достаточно некоторого «понижения ментального уровня», то есть порога сознания, например, под действием: сильной усталости, некоторых наркотиков, лекарственных препаратов или алкоголя.

Диссоциирующие содержания тоже могут быть следствием конфликта с родительскими имаго или с социальной группой.

Именно диссоциация психического делает возможными процессы дифференциации, «появление различий, акт отделения частей от целого»¹⁵ и «саму сущность и обязательное условие сознания»¹⁶ и индивидуации.

В своих последних работах Юнг использовал понятие дифференциации в связи с сопоставлением противоположностей. Психическое содержание достигнет полного осознания только, если оно будет рассматриваться с различных точек зрения, в том числе и

взаимно исключают (например: плохие и хорошие объекты до того, как они сольются в целостный объект).

«Достижение ясного осознания» начинается с *восприятия* — сложный феномен, который включает в себя мысль, делающую возможным узнавание и эмоциональный тон, позволяющий оценить значение¹⁷. Необходимо некоторое умение, чтобы бессознательное содержание стало сознательным и «фиксированным». Этому помогают слова матери, называющей ощущения ребенка, так же как легенды и сказки, религиозные идеи, которые она может ему передать. Это *апперцептивные понятия*.

Четыре термина квалифицируют динамику содержаний, возникающих в сознании.

Юнг употребляет *активацию и констелляцию* в очень близком смысле. Они обозначают особенное оживление бессознательного, появляющееся спонтанно, невольно. У ребенка оно возникает, с одной стороны, из динамики архетипа, актуализирующегося благодаря символам, снам и комплексам, с другой — из внешних событий и от окружающей обстановки. Перенос является одним из важных аспектов. Оживленные содержания могут быть факторами невротических потрясений, диссоциаций, если они не ассимилированы.

Понятия *ассимиляция и интеграция* связаны с тем, как проходит процесс объединения нового содержания с сознанием. Они обозначают

«взаимную интерпретацию сознательных и бессознательных содержаний, а не оценку, подчинение и одностороннюю деформацию бессознательных содержаний тиранией сознания»¹⁸.

В более широком смысле они обозначают

«присоединение нового сознательного содержания к уже имеющимся субъективным материалам, с которыми оно сливается»¹⁹.

Это то, что их отличает от чистой апперцепции.

Контаминация относится к тенденции слияния бессознательных содержаний, находящихся среди комплексов и архетипов. *Контаминация* объясняет *полисемию* образов снов, когда в

«одном образе сконцентрированы различные значения, когда этот образ содержит в себе все эти значения одновременно»²⁰.

Власть контаминации бессознательного может распространяться и на сознание, например, при инфляции.

Как подчеркивал Юнг, понятие *регрессия* исключительно важно в психоанализе. Юнг использовал это понятие в свойственной ему манере, которая является основой юнгианского анализа. Это бесценное, но не безопасное терапевтическое средство.

Пересматривая фрейдистскую концепцию, понимающую регрессию как реализацию подавленных детских сексуальных желаний, Юнг посчитал регрессию либо следствием *актуального конфликта* между необходимостью адаптации к внешней реальности и внутренним отношением, которое осталось инфантильным, либо запретом при столкновении несовместимых тенденций.

Либи́до, не используемое при выполнении жизненных задач, интровертируется и оживляет воспоминания и картинки прошлого, которые становятся настолько навязчивыми, что снова активизируют инцестуальную тенденцию. Движение может быть названо «инфантильным», но оно имеет цель. Юнг констатировал, что оживление бессознательного стремится разрешить конфликт. Невроз для него – неудачная попытка выздоровления.

В аналитическом лечении регрессия приобретает смысл – получить доступ к архетипической динамике, то есть к бессознательному, которое является средоточием человеческого опыта и может подсказать достойный выход из конфликтной ситуации.

Юнгианский анализ признает, что взаимодействовать с субъектом, находящемся в состоянии регрессии, можно только принимая во внимание динамику бессознательного, открывающуюся в процессе сознательной конфронтации, происходящей в переносе. В самом деле, речь идет не только о наблюдении образов, оживающих таким способом – это означало бы оставаться в плену у воображения, – но о развитии их в конкретной ситуации, переживаемой в данное время. Работа над импульсами дает динамическое напряжение, которое позволяет символически осмыслить жизнь.

Предоставленная сама себе, регрессия может оказаться смертоносной. Даже сопровождаемая в переносе, она не утрачивает своей смертоносной силы. Это искусство и тяжелая

ответственность аналитика – суметь распознать, что может выдержать пациент.

Ребенок также проживает эти требования психического. Первый сон Реми, из предыдущей главы, свидетельствует об этом.

Индивидуация, наконец, – ключевое понятие психологии Юнга, углубляющееся по мере того, как он подвергает ее испытаниям с различных точек зрения, с которых он рассматривает психическую жизнь. Что может обозначать это слово? Индивидуация не есть ни индивидуализм, ни персонализм. Применимо ли оно к ребенку?

Вначале Юнг рассматривает ее как «процесс дифференциации, имеющий целью развитие индивидуальной личности»²¹, изолируя индивида от коллективного психического, будь то коллективное бессознательное или коллективное сознание, то есть сознание группы или дух времени. С этой точки зрения она связана с присоединением, с взаиморегуляцией сознания и бессознательного, благодаря которым индивидуальное психическое может ориентироваться.

Позднее, когда Юнг вводит в свою аналитическую психологию понятие «самость», он определяет индивидуацию как «реализацию самости»²² в процессе интеграции коллективного бессознательного. Чтобы прояснить мою мысль, следует уточнить, что этот процесс ведет к

«синтезу новой целостности, которая до этого была разрозненной, но, с другой стороны, к открытию некоего существа, всегда существовавшего в Я (...). Мы создаем самость в некоторой степени, осознавая бессознательные содержания»²³.

Однако самость, конечно, изначально присутствует в Я:

«(...) мы можем сделать это усилие посредством бессознательного присутствия самости, откуда исходят властные директивы, побуждающие нас восторжествовать над бессознательным»²⁴.

И, наконец, когда Юнг погружается в символику алхимии, он понимает индивидуацию как

«*mysteium conjunctionis* – загадочное соединение: Самость воспринимается как брачный союз противоположностей, описанный как целостность, собранная из разрозненных частей, спонтанно проявляющихся в мандалах»²⁵.

Процесс индивидуации – это не простое осознание Я, это то, что определит Я в самости и станет «естественным эгоцентризмом, чистым аутоэротизмом. Но самость бесконечно шире, чем простое Я. Она также Другой и Другие, как и Я»²⁶.

Действительно, индивидуация есть в первую очередь процесс внутренней и субъективной интеграции, но она обязательно выражается и в объективных отношениях. Доминирует то одно, то другое.

Хотя процесс индивидуации ответственен за регуляцию полиморфизма инстинктов²⁷, его динамика от этого не становится меньше

«инстинкт, который, не вмешиваясь, наблюдает за всем, что является составной частью индивидуальной жизни, с согласия субъекта или без такового, сознает он это или нет»²⁸.

Позже мы увидим, что Нойманн учтет это замечание при разработке понятия аутоморфизма.

И наконец, надо заметить, что начинается этот процесс всегда состояние конфликта²⁹.

Индивидуация, процесс дифференциации, происходит у того ребенка, чьи родители, воспитатели и, возможно, аналитик, поставили перед собой задачу помочь ему вырваться из коллективного бессознательного, из сознательного и бессознательного семейного воздействия, а также освободиться от влияния общества, чтобы он стал полностью самостоятельной личностью. Развитие ребенка также состоит в соединении противоположностей, в выстраивании единой структуры, которая постепенно замещает расщепление первых месяцев жизни. От этого зависит: прочность и связность Я, способность ребенка выстраивать отношения с другими и с миром в целом, его умение управлять своими чувствами, благодаря чему он ориентируется в мире.

Возражения возникают, когда индивидуация воспринимается как сознательная реализация самости. Детские аналитики признают, что в данном случае уместнее было бы говорить о *процессе индивидуации*, лежащем в основе сомато-психического созревания. Тем не менее, Юнг настаивает на изначальном присутствии самости.

Можно ли сказать, что индивидуация включает два периода: первый – бессознательное протекание инстинктивного процесса, и второй – сознательная интеграция первого, которая осуществляется, главным образом, в анализе?

Вклад М. Фордхама

Фордхаму мы обязаны первой формулировкой понятия *первичной Самости*³⁰, а также описанием клинических случаев, связанных с самостью, и особенно с детским аутизмом³¹. Его клинический подход основывается на расстройствах функции *деинтеграции*, и особенно *реинтеграции* самости, об этих функциях я писала в предыдущей главе.

Фордхам также ввел различие между *защитами самости* и *защитами Я*, очень полезное для понимания феноменов переноса. Такие защиты характерны при неврозе переноса – так, как понимают невроз последователи Фрейда и Кляйн. Защиты самости появляются в моменты, когда перенос выводит на поверхность архаические зоны психического. Тогда аналитик должен использовать все свое искусство, чтобы не попасть в ловушку общей бессознательности, куда пациент, взрослый или ребенок, стремится его вовлечь.

Концепты, выработанные Э. Нойманном

Вместе с понятиями *Я интегрированное* и *ось Я-Самость* я уже представила ценную идею Нойманна о дифференциации функций первичной самости на *самость телесную* и *самость отношения*. Не будем к этому сейчас возвращаться. Мне кажется необходимым обозначить другие типично нойманновские понятия, которыми я охотно пользуюсь.

Чтобы понять механизмы развития личности, Нойманн прибегает к терминам центроверсии и аутоморфизма, которые требуют пояснения.

Центроверсия – функция целостности, стремящаяся создать центры или органы власти, позволяющие формирование дифференцированной личности. В первой половине жизни центроверсия способствует, прежде всего, созданию центра сознания, использование которого постепенно упрочивается комплексом Я. Эта функция контролирует и приводит в равновесие

процессы, ведущие к появлению Я ребенка, его развитие в Я взрослого, побуждая его двигаться вперед на каждом новом архетипическом отрезке, который он должен пройти. Самость «авторитарно» устанавливает власть Я, которая представляет интересы целостности по отношению к внутреннему и внешнему миру.

Центроверсия работает на установление здоровых отношений между Я и самостью, составляющего ось Я-Самость, первостепенный элемент здорового психического, по Нойманну.

Во второй части жизни в процессе индивидуации происходит плавный переход Я к самости. Этот процесс, так же как и рост сознания, его способность к синтезу и интеграция личности, подчиняется центроверсии и является составляющей частью аутоморфизма³².

Аутоморфизм – специфическая и уникальная тенденция каждого индивида реализовать свой потенциал, раскрыть свою особенную сущность внутри коллектива, а если необходимо, то без него, или в противостоянии с ним. Телесная самость является основой аутоморфического развития; но для незрелого человеческого дитя инстинкт самосохранения, являющийся производным аутоморфизма, связан с присутствием матери. Аутоморфизм и отношение к Другому неразрывны.

Глубокая природа аутоморфизма проявляется также и в том, что с самого начала огромные количества либидо направлены на независимое развитие ребенка. Продуктивное напряжение между Я и Другим возникает изначально, что является фактом аутоморфизма, который мы не должны путать с психологией Я. Основанием аутоморфического самосознания служит позитивная ось Я-Самость³³.

Большая часть работ Нойманна посвящена изучению двух важных доминант в человеческой жизни: *маскулинному и фемининному началам*.

Начиная с работы «Происхождение и развитие сознания»³⁴, выясняется, что Нойманн понимает их как архетипы, а не просто характеры, связанные с полом. Их символизм трансперсонален и не сводится только к биологическим или социологическим понятиям.

С этой точки зрения, человеческие существа – «психологические гибриды», и их принадлежность к этим двум

сексуальным началам является комплексным. С одной стороны, они существуют в индивидууме изначально. С другой стороны, целостность побуждает не сводить все только к одному из этих начал: маскулинность у мужчины и фемининность у женщины.

И маскулинность, и фемининность носят двойственный характер, то есть имеют и позитивные, и негативные характеристики, перекрывающие психические категории и структурные схемы поведения, которые спорят друг с другом в дифференциации противоположностей. В частности, фемининность связана с бессознательным, в то время как маскулинность провоцирует в обоих полах борьбу за возникновение сознания. Они предшествуют дифференциации архетипов Отца и Матери.

Нойманн придает понятиям *матриархат* и *патриархат* особый смысл, поэтому надо рассмотреть их отдельно. В «Ребенке» они описаны, но не определены специально. За лучшими объяснениями нужно обратиться к работе «Происхождение и развитие сознания» или к статье «Луна и матриархальное сознание».

Матриархат характеризуется не только доминированием архетипа Великой Матери. Он представляет психическую ситуацию, когда бессознательное и фемининность доминируют, в то время как сознание и маскулинность еще не достигли достаточной независимости, стабильности и веры в себя³⁵. Матриархальный мир – мир символический, где внешняя реальность пока еще не отделена от внутренней реальности души и духа³⁶.

Существует *матриархальный закон*: быть в соответствии с природой, закон инстинкта, закон бессознательного. «Он поддерживает распространение, безопасность, эволюцию вида больше, чем развитие индивида в его уникальности»³⁷. Но не нужно путать женщину и матриархальный закон, который есть только часть картины ее внутреннего мира.

Нойманн описывает *матриархальное сознание*, состоящее из интуиций, эмоциональных тональностей, относящихся, главным образом, к отношениям между двумя людьми. Его самая высокая форма – мудрость: София³⁸. Матриархальное сознание побеждает в жарком споре с бессознательным;

«его негативный аспект – это тот страх перед демоническим миром, который мужское Я испытывает перед миром фемининности и бессознательного»³⁹, это «мужское Я» – фактор сознания, развивающегося и у женщины, и у мужчины.

Матриархальное сознание оживает у мужчины, когда возникает значительная активность Анимы, и во время творческих процессов⁴⁰.

Патриархат, для Нойманна, не имеет ничего общего с социологическим законом, происходящим от главенства мужчин. Он обозначает

«доминирование архетипического маскулинного сознания, разделяющего системы сознания и бессознательного, которое устанавливается относительно прочно в противовес бессознательному и независимо от него»⁴¹.

Западная женщина заинтересована в этой конфронтации, если она желает стать создательницей своей судьбы. В самом деле, цель патриархата – в продвижении индивида, в «освобождении женского позитивного элемента, отделении его от ужасного образа Великой Матери»⁴² как у мужчины, так и у женщины. У женщин этот процесс завершается формированием своего Я и своей Тени, тогда как мужская цель – это освобождение Анимы.

Понятия матриархата и патриархата открывают интересную перспективу в спонтанных или терапевтических регрессиях. Действительно, ведь они относятся не к историческим эпохам, не к последовательным психологическим стадиям, а к *типам структур*. В материале, который нам приносят наши анализируемые, дети или взрослые, содержания патриархального характера могут перекрывать матриархальные структуры, тогда как последние, будучи более архаичными, могут раскрываться в первую очередь. Не надо воспринимать эти термины в *пространственном смысле*, но как конфигурации, организации психических структур.

Разговор о матриархальном или патриархальном законах приводит нас к рассмотрению их интеграции в целостной личности.

Сверх-Я для Нойманна есть не только реакция на внешний закон какого бы то ни было порядка, но, прежде всего,

выражение *врожденного фактора*, носителем которого является младенец.

В первое время⁴³ его самые архаичные аспекты берут начало из сущности матриархального порядка – биологические ритмы тела, ритмы дня и ночи, смены времен года, космические ритмы.

Матриархальный *этический первоначальный опыт* – гармония с мировым порядком, благодаря позитивно прожитой Архаической зависимости с ее эротическими составляющими.

«Эта гармония любви с высшим порядком, соответствующая одновременно его собственной сущности, есть начальный фундамент нравственности, которая не загоняет индивидуума в жесткие рамки, а, напротив, позволяет ему постепенно развиваться и расти»⁴⁴:

мудрость деревьев и растений. Следовательно, нет конфликта между самостью и Сверх-Я, и Я может укрепляться в этой гармонии без чувства вины.

Только негативность Архаической зависимости вызывает появление *первичного чувства вины*⁴⁵, иррациональность которого проистекает из

«опыта покинутости матерью, являющейся самой основой архетипа Ужасной Матери».

Не быть любимым – это быть ненормальным, злым, виновным.

Мир – это хаос, где Другой исчезает, и отец в этом ни чем не может помочь.

«Собственная самость ребенка превращается в репрезентацию Ужасной Матери»

и чувство вины становится комплексом, детерминирующим если не всю жизнь ребенка, то его личность.

Сверх-Я заканчивает свое развитие, когда ребенок разрывает Архаическую зависимость, дабы войти в патриархат, где доминирует архетип Отца. Разрыв сознания и бессознательного есть первостепенный закон, который принимает разные формы в зависимости от действующих культурных канонов⁴⁶.

В развитии ребенка этот переход соответствует поляризации мира в связи с приобретением вертикального положения, требующего нового витка эволюции тела и его функций. Ребенок вступает в анальную стадию – основу *первой фазы патриархального Сверх-Я*. Во время нормального протекания Архаической зависимости властная функция Сверх-Я не входит в

конфликт с самостью ребенка, в частности, с его телесной самостью. Просто к оральному ритуалу добавляется анальный. Еда становится синонимом позитивной ассимиляции мира, а дефекация – удаления негативных, использованных, мертвых элементов.

Учитывая то, что приобретенное свойство вертикального положения тела и передвижения на двух ногах, то есть специфически человеческий элемент развития, это смещение внутренних полюсов тела, есть абсолютно нормальный трансперсональный процесс, можно считать, что и власть Сверх-Я – тоже *интеграция орального ритуала и анального кризиса*.

По мнению Нойманна, проблемы начинаются тогда, когда патриархальный закон становится принудительной целью выведения плохого, вредного. Тогда анальный кризис превращается в *анальную кастрацию*. То, что выброшено – не мертвое и защищается; это нечто естественное: «участие в анальном процессе, связанное с удовольствием». Это культурная репрессия, с материнским неврозом или без. Самость, обеспечивающая защиту, замещается Сверх-Я, неистово требующим, негативным, которое вызывает *вторичное, патриархальное, чувство вины*, так как ребенок не может удовлетворить его требования. Я уходит в противостояние самости, особенно телесной, запросы которой становятся неприемлемыми. Ребенок отвечает защитами разного порядка, торможением или агрессией, которая усиливает чувство вины и компульсивность.

Третий аспект Сверх-Я – второстепенный в *восприятии триангуляции*, где отец и мать признаются как таковые. Патриархальный закон приносится в жертву первым объектам любви. И если ребенок продолжает испытывать эдипальные чувства, это означает, на самом деле, что он остался узником отношения, которое уже должно быть пережито. Жизнеспособность личности состоит в способности Я управлять конфликтами между самостью и Сверх-Я, появляющимися в процессе развития.

Я хотела бы подчеркнуть, что, в отличие от Юнга, Нойманн использует термины *оральности* и *анальности*. Для него это не выражение инфантильных стадий либидо, это появление архетипических символических миров, имеющих фундаментальную важность⁴⁷. Также нужно справедливо отметить

значение терминов, связанных с телесным для обозначения процессов знания и духовности.

Если у младенца *оральность* связана с самой жизнью и метаболизмом развития, позднее, у взрослого, она приобретает символическое значение психического и духовного порядка, знания и мудрости.

Также и анальность: это не только концентрация противоположностей – напряжения и облегчения, дискомфорта и удовольствия, – но и реализация частички мира⁴⁸. Она включает в себя понятие овладения и понятие креативности – в акте разъединения. Это и жизнь, и смерть.

И, наконец, надо запомнить, что у Нойманна *фаллос* выражает автономию тела и бессознательного. Фаллические стадии – самые архаические, так как управляются телом и архетипами.

В заключение этой главы о концептуальных юнгианских понятиях мне хотелось бы проиллюстрировать, насколько подтверждаются результаты ассоциативных опытов Юнга и клинические предчувствия Нойманна в вышедшей книге американского нейробиолога Антонио Р Дамазио «Ошибка Декарта»⁴⁹.

В 1907 г. Юнг выстроил свою теорию комплексов и свой подход к комплексу Я, как к инстанции сознательного решения, базируясь на *главенствующей роли аффектов*. Последние есть события, охватывающие субъекта в его сомато-психической целостности. Юнг настаивает на важности участия тела, исключительно важном факторе в накоплении опыта, способствующего образованию и развитию комплексов. Во время аффекта комплекс Я теряет свою главенствующую роль и пропускает вперед новые образования. По мере того, как он становится способным их интегрировать, может быть рассмотрена новая ориентация. Аффекты участвуют также в построении оценочной функции, чувство, в юнгианском смысле, – это инструмент измерения психической энергии и оценки ее направленности. Что касается Нойманна, то в 1949 г. он вводит понятие *телесная самость* – организатор биологической и психической жизни, предвестник комплекса Я и представитель субъекта в его целостности.

Для Дамазио *аффекты, эмоции, страсти* привязаны ко всему телу, а не только к мозгу; они необходимы при выработке

рациональных поведений, необходимых для выживания. Его книга – яркая тому иллюстрация. Анатомопатологическая часть посвящена различным случаям лобных повреждений. Особенно хороша другая ее часть – нейробиологическая, где описано протекание различных ментальных процессов и ставшее теперь возможным определение местоположения, и даже визуализация, активных зон мозга в момент реакции.

Дамазио никогда не читал Юнга. Но возникает ощущение, что он решил подтвердить на практике концептуальные понятия великого мэтра. Даже формулировки часто странным образом похожи, что подтверждает мнение Юнга о том, что важные открытия имеют архетипический фундамент. Примером этого могут служить: формирование и функционирование комплексов, определение архетипа, его двух уровней выражения – поведение и репрезентация, – субстратный образ мысли, смешанные интеракции врожденного и приобретенного.

Юнг был бы в восторге. Юнг, который всю жизнь стремился найти способы вписать телесное в психическую организацию.

Часть третья

Большие архетипические последовательности

Глава первая

Архаическая зависимость

Архаическая зависимость, как я уже говорила выше, есть *первые взаимоотношения человеческого дитя с другими людьми и с миром*. Это функциональная архетипическая целостность, сначала состоящая из матери и ее эмбриона, затем – младенца в человеческом окружении, где отец выполняет специфическую функцию. Цель этих взаимоотношений – продвигать развитие Я ребенка.

В первой части я попробую их описать, опираясь на работу Нойманна «Ребенок».

Во второй клинической части я покажу, как Архаическая зависимость воплощает функционирование архетипа. Я выбрала две разные истории. Одна история – о трагедии младшей из трех сестер, судьба которой продемонстрировала динамику смертоносной Архаической зависимости. Другая история – о том,

какие переживания испытала во время сеанса взрослая пациентка. Этот прожитой опыт дал возможность доступа к архаическому материалу, позволяющему понять, как возникает негативный комплекс Матери и каковы его последствия.

Что такое Архаическая зависимость?

Я выбрала термин «архаическое» (*Urbeziehung*), а не «первичное» или «первоначальное», так как он, по моему мнению, лучше передает характер исторического начала, по эту сторону сознания, и его структурный принцип.

Сейчас в анализе взрослых людей подвергается критике факт отнесения «архаических содержаний» к древним содержаниям, которые инцистированы [5] и в процессе этой самоизоляции или терапевтической регрессии подвергаются искажению. Они не обязательно относятся к раннему жизненному опыту, полученному в первые месяцы жизни.

Возникает вопрос: архаизм психического – это коллективная память человечества или это относится к воспоминаниям о первых месяцах жизни человека? Нойманна упрекали за слишком быстрое проведение параллели между филогенезом и онтогенезом¹. Если, как я представила выше, ребенок функционирует в соответствии с архетипической схемой, эти воспоминания имеют неплохой шанс всплыть одновременно.

Архетипическая схема Архаической зависимости

Архаическая зависимость происходит по ранее установленной схеме архетипа, внутри *архетипического поля* космической природы. Эта констелляция, то есть особое оживление полей бессознательного,

«содержит два индивида в их трансперсональной реальности, где каждый полюс виден другому и действует на него как архетип, будь то мать или ребенок»².

Другими словами,

«мать оживляет архетипическое поле, и в психическом ребенка возникает архетипический образ Матери, где он и находится, готовый всплыть и начать функционировать»³.

Тогда это оживление приводит в движение

«весь комплекс психических функций у ребенка – отправную точку главных психических развитий между Я и бессознательным»⁴.

В конечном счете это восприятие тела другого, которое составляет архетипическое поле. Нойманн подчеркивает:

«Мать со своим ребенком не вызывает индивидуальный образ матери и индивидуальный образ ребенка, а вызывает общий образ – мать и дитя, скорее архетип, общий для всего человечества. С незапамятных времен это глубоко волновало людей, и они воспринимали это как “suprapersonnel” – надличностное»⁵.

Тем не менее, очень важно отметить *асимметрию пары мать-младенец*. В этой паре младенец существует, как мы уже видели, в основном на уровне самости, целостной личности, хотя ядро Я присутствует с самого начала⁶. Мать же испытывает материнство на двух уровнях: на уровне самости и на уровне Я. Ее интуиция и чувство (функция оценки) дают ей доступ к архетипическому функционированию матриархального типа, но не настолько, чтобы ее Я сознательное оставило все рациональное функционирование патриархального порядка – оно охотно отвечает на требования культурного окружения.

С другой стороны, в ее поле поляризованного сознания находится не только материнство. В ее личном жизненном поле есть индивид – ребенок, объект любви и участник ее собственной судьбы. Для матери поле материнского имеет полярные стороны, тогда как для ребенка оно пока еще не дифференцировано.

И, наконец, эмоциональная и социальная жизнь женщины продолжается – по крайней мере, это крайне желательно. Место мужчины, который является не только отцом, там уже забронировано. Малыш – не единственный объект для женщины.

Характеристики Архаической зависимости

Нойманн описывает Архаическую зависимость как *мифологическую реальность*, недоступную опыту, который является, в известной степени, частью сознания. Впрочем, он выбрал прилагательное *уроборическая*

«для характеристики целостности без напряжения этой психической реальности (...) символ интра-утробной ситуации, в которой личность ребенка пока еще не четко очерчена и не конфликтует пока с человеческим окружением»⁷.

Эта ситуация продолжается в течение первых месяцев после рождения, когда мать и ребенок еще не делимы друг от друга.

Нойманн определяет *материнство* как *двойственный союз*, обращаясь к двум понятиям: унитарная реальность – его собственный термин, и мистическое участие – термин Юнга.

Понятие *унитарной реальности*, переводимое иногда как «союз реального» (*Einheitswirklichkeit*) в зависимости от контекста, появляется примерно в 1955 г. в работе Нойманна⁸, подготовленной его метапсихологическим эссе 1952 г., касающимся «психического и трансформации планов реального»⁹, что, в свою очередь, расширило работы Юнга о синхронии¹⁰. Это понятие широко использовано в работе «Ребенок» для определения архетипического поля, в котором развиваются и взаимодействуют мать и дитя. Это понятие выработано им в процессе его раздумий по поводу архетипа, который «отвечает на необходимость определить реальный союз, где психическое и мир едины, существуя и до, и после первого разделения, из которого развивалась поляризованная реальность нашего сознания»¹¹.

Что касается *мистического участия*, Нойманн употребляет это словосочетание, чтобы определить способ отношений в диаде мать-ребенок при прохождении стадии Архаической зависимости. Для него это *состояние идентичности*, где пока еще не выделились ни субъект, ни объект, где мать и ребенок воспринимаются одновременно, без идентификации.

Существует биопсихическое единство между телом и миром: для младенца образ тела не дифференцирован – он такой же обширный и безграничный, как космос. Мать есть мир, и «голодное тело, и успокаивающая его грудь есть единое целое»¹². Ребенок живет в безопасности в этой реальности, его крик, свидетельствующий об испытываемом им дискомфорте, побуждает мать удовлетворить его нужды: нет напряжения между Я и самостью.

Аналитик может констатировать регресс анализируемого к младенческому состоянию (до дифференциации образа тела), когда во время терапии, в снах и рисунках появляются космические элементы: планеты, звезды, Земля, Луна, Солнце. Бывают и образы «океана» – этот набор устанавливает уровень происходящей реорганизации.

Итак, мы вправе сказать, что Архаическая зависимость есть *конstellация идентичности*, «бессознательной

идентичности». Пока еще нет достаточно связного Я у младенца, и мать существует в «мистическом участии» ее архетипической роли.

Архаическая зависимость есть также и *констелляция эроса*, отношение самое сильное, которое мог бы прожить индивид, прототип всех позднейших отношений, «основа всех зависимостей, любого состояния отношений, всех настоящих и будущих отношений»¹³.

Это отношение входит в понятие архетипа материнства и проявляется обычно у матери и ребенка в физическом и психическом поведении: молоко является частью архетипа, равно как и улыбка матери, ее телесное тепло и способность любить, и инстинкт сосания у младенца, и его умение позвать мать, которая исполнит его желания.

Важность тела в Архаической зависимости

Очень важно *внимание к телесным функциям* – они могут быть активными: дыхание, крики, проглатывание, мочеиспускание и дефекация – и пассивными: быть согретым, обласканным, вычищенным и помытым. Вся поверхность тела взаимодействует с внешним миром, в то время как пищеварительный тракт составляет внутренние ощущения. Сосание и проглатывание делают мир теплым и удовлетворяющим. Что касается пограничных зон, эrogenных зон по Фрейдю, они выполняют сверхработу, обеспечивая обмен между двумя мирами, – обмен, управляемый дыханием и криками. Из этих обменов рождается знание и отношение: рот, например, выполняет познавательную и социальную функции, о чем свидетельствует поцелуй.

Одобрение матерью этого полного телесного удовольствия вызывает у младенца чувство наполненности, которое раньше было ему не известно, кроме так называемых «пограничных» моментов – таких, как «питательный оргазм», описанный Пойманном. На этой стадии существуют два полюса, головной и анальный, они в равной степени акцентированы, и принятие тела – это полное принятие. «Весь биопсихический процесс, сосание, дающее удовольствие и приятные моменты при работе кишечной перистальтики, есть любовь»¹⁴.

На этой основе закрепляются *инстинкт самосохранения и побуждение саморазвития*.

В это время господствует *питательный символизм*; питательный Уроборос откроется затем в *оральности*, для Нойманна это не детский пережиток, но появление символического мира, имеющего фундаментальное значение, архетипический способ интерпретировать мир, интегрироваться в него, включить его в себя.

Из этого телесного опыта и *строится комплекс Я*. Это «Эго-комплекс здорового человека – это психическая “верховная власть”; под этим мы подразумеваем всю совокупность относящихся к Эго представлений, которая, как мы полагаем, сопровождается сильным и постоянно присутствующим эмоциональным тоном нашего собственного организма. Эмоциональный тонус есть эффективное состояние, сопровождаемое соматическими иннервациями. Эго – это психологическое выражение прочно связанных комбинаций ощущений всего организма. Следовательно, личность является самым устойчивым и прочным комплексом...», — пишет Юнг в 1907 г. в работе «Психология *Dementia praecox*»¹⁵. Комплекс Я пробуждается благодаря интенсивному давлению либидо, ориентированному, главным образом, на эрогенные зоны, но в то же время вовлекающему все тело. Также сюда добавляются эмоциональные тональности отношения к матери. Так, постепенно, повторяющийся контакт с телом матери и способы, которыми она управляет фрустрациями ребенка, позволяют обнаружиться сознательному и дифференцированному опыту комплекса Я, первоначально проживаемому бессознательно в телесной самости¹⁶.

Фундаментальный опыт удачного проживания Архаической зависимости есть *полное доверие, которое имеет Я в Самости*, этот материал надежен. Все функции тела словно купаются в этой проекции, и телесное удовольствие ведет к здоровому развитию личности. Надежность материала позволяет ребенку забываться во сне без опасений и устанавливать эротические отношения в самом широком смысле, то есть готовиться к социальной жизни. И, наконец, «ребенку необходимо сохранять двойственный союз Архаической зависимости, что полностью соответствует его *инстинкту самосохранения*, т. к. его существование полностью зависит от матери»¹⁷.

Это бесценный этап развития для индивидуума, на котором обнаруживаются истоки внутренней безопасности, позволяющей потом бросить вызов превратностям жизни.

Напротив, любой *негативный образ матери* – это тоскливый и тревожный образ, вторичный по отношению к ситуации подавленности. Что касается «Ужасной Матери» Нойманна, смертоносного аспекта архетипа Матери, то она появляется в случае слишком радикального разъединения созидательных сил материнского, длительного удаления от матери или ее смерти, без появления ее заместителя. «Ужасная мать» появляется также тогда, когда существует очень сильная враждебность к этим созидательным силам, например, у матери, имеющей негативный материнский комплекс, или когда окружение враждебно настроено против ее творческих сил.

На мой взгляд, понимание этого делает возможным плодотворные исследования *психосоматических симптомов* и мрачного *бессознательного*, которые характерны для пациентов, перенесших телесную агрессию, когда они были в утробе матери или в первые месяцы жизни.

Первичная самость и Я в Архаической зависимости

До этого момента я рассматривала Архаическую зависимость с точки зрения отношения мать-ребенок, в котором отец играет свою роль. Теперь я хотела бы рассмотреть их с точки зрения инстанций и отношений, которые устанавливаются между Я и самостью младенца. Этот процесс я уже представляла, но сейчас хотела бы к нему вернуться.

Со стороны первичной самости

Самость имеет качество *предшествующего, данного априори, развивающегося в течение всей жизни*. Тело, архетипы и Я есть ее эволюционные аспекты. Это именно развитие Я и бессознательного в процессе индивидуации, которое взрослый пациент может осознать во время анализа, ну а в детстве самость функционирует бессознательно у большинства наших современников.

Первичная самость передает в Я материал для интеграции, включает в работу структуры, все более разнообразные по мере развития индивида, и одновременно схемы поведения и способности представления, когда Я становится достаточно

последовательным. В сумме она играет *родительскую роль* по отношению к Я, пока оно не достигнет относительной автономии современного взрослого человека.

В Архаической зависимости Я ребенка находится пока еще только в состоянии примитивного ядра, к которому мало-помалу будут приклеиваться куски проживаемого опыта, и потребуются месяцы, чтобы они могли *организоваться в комплекс Я*. С другой стороны, эмбрион, а затем и младенец зависят от матери в отношении питания и ухода. Именно при помощи матери ребенок делает первые шаги к знакомству с миром и другими людьми. *Мать, таким образом, и самость, и Другой, и мир* связаны друг с другом настолько, что живут в бессознательной идентичности.

Эта двойственная регуляция жизни эмбриона и младенца привела Нойманна, как мы уже видели, к дифференциации двух главных функций самости: телесная самость и самость отношения, причем последняя лежит сначала на плечах матери. И только в период между годом и полутора годами ребенок может взять на себя их осуществление. С одной стороны, он должен достигнуть независимости движений, с другой стороны, прийти к осознанию, что он личность, и обрести некоторое умение в использовании языка отношений при условии, что мать готова передать ему эти полномочия.

Если мы вспомним, что самые различные факторы в «материнском» определяют судьбу индивида, мы лучше поймем теперь, как они определяют первичную самость ребенка. Каждый из этих факторов, действительно, имеет особенное воздействие или на уровне телесной самости, или на уровне самости отношений.

Со стороны Я

Мы видели, что фундаментальный опыт удавшихся отношений Архаической зависимости помогает установиться *полному доверию, которое Я вызывает у Самости*, благодаря надежности материнского, что соответствует понятию «достаточно хорошей матери» Винникотта. Хотя хороший аспект материнского включает в себя умение дозировать и фрустрации, и тревогу, и страдания, и отказы, они тоже входят в структуры любой удачной Архаической зависимости. Мать обладает умением дифференциации благодаря

своему Анимусу при условии, что он занимает свое место, то есть избавлен от стремления к власти.

Кульминационным моментом нормального развития младенца становится образование *интегрирующего Я*, которое уже способно управлять и ассимилировать, до определенных границ негативных опытов, выходящих как из внутреннего мира, так и их окружения. Я интегрирующее предохраняет от раздвоения личности.

«Так рождается позитивная толерантность Я, которая на базе своего отношения доверия и безопасности по отношению к матери способна принять мир и себя самого, потому что Я есть сознательный опыт позитивной толерантности и принятия матери»¹⁸.

Я интегрирующее *очень рано занимает место* в ситуации идентичности с матерью, с самой первой уроборической фазы Архаической зависимости, но достигает центральной позиции только в матриархальной фазе, когда Я начинает осознаваться после первого года жизни ребенка.

Если же, наоборот, негативный проживаемый опыт превалирует с самого раннего возраста, Я сворачивается либо в состояние застоя, которое ведет к физической смерти, либо в дефицитарное и затем психотическое состояние.

В случае, когда Я смогло начать себя выстраивать, либо вследствие качеств субъекта – его жизнеспособности, – либо если негативный опыт был не слишком ранним, формируется *Я оборонительное* по типу преждевременной фаллической эрекции, которое рискует рухнуть перед лицом новых требований адаптации. Крайний вариант состоит в том, что может сформироваться *негативное Я*, жесткость которого, садомазохистские реакции и патологический нарциссизм есть не что иное, как неэффективное оружие против своей слабости и различных негативных чувств – незащитности, приниженности и отсутствия любви, которые приводят к ощущению безнадежности. Чувства, любовная близость и солидарность остаются ему незнакомы.

Эволюция Архаической зависимости

Уроборос

Уроборос, этот змей, сплетенный сам с собой и поедающий свой хвост, – это проявление трансперсонального, это транс-

исторический аспект отцовского архетипа в самом архаическом представлении.

Нойманн подробно рассматривал его с точки зрения описательной, этнологической и теоретической в работе «Мифологические стадии эволюции сознания»¹⁹ и клинически использовал термин в «Ребенке». Парадоксальный мир, одновременно и статичный и вечный, он содержит зародыш креативности, он – основание и начало истории. Он круг, яйцо, в котором сосуществуют противоположности, но пока еще не разделенные, он большой самоудовлетворяющийся гермафродит, который является *в одно и то же время и материнской маткой, и Миром объединенных родителей*, где маскулинность и фемининность едины. Тем не менее, этот союз говорит только об источниках и не имеет ничего общего с генитальной теорией. В различной эпистемологии он только намекает на *первичную сцену*.

Матриархат доминирует на первоначальной стадии; но, тем не менее, *отцовский патриархальный аспект* выражается в творческом побуждении и начале эволюции во времени. Таким образом, сначала это объединенный родительский Мир, где рядом с фемининностью располагается маскулинность.

Маскулинность, фактор разъединения-дифференциации

Прежде всего, вслед за Нойманном, я хочу подчеркнуть, что «мы употребляем... такие термины, как *мужское* и *женское* – то есть не как личностные, связанные с полом характеристики, а как символические выражения»²⁰.

– С самого начала существует *маскулинность матери*. Ребенок ее исследует

«не только символически в своей мифологической апперцепции бессознательного, но также физически, наблюдая действия матери»²¹,

и эта материнская маскулинность открывается активной или пассивной, со своими атрибутами и материнской, и отцовской власти.

Что в этом юнгианцы называют *Анимусом*? Если телесная женственность обозначает сознательную жизнь женщины – парадокс! некоторое отнесение к материнской фемининности будет бессознательной идентичностью, и тогда становится понятным, что маскулинность служит для дифференциации бессознательного

женщины.

Функции Анимуса тройственны. Он выступает как *посредник* во взаимодействии с бессознательным, в частности, с коллективным бессознательным; поэтому он близок к самости в ее маскулинном аспекте.

Он также является *фактором проекции*, и у женщины есть целая гамма образов, модели которых она будет искать среди мужчин своего окружения и в средствах массовой информации. Эти модели могут привести к настоящим отношениям, но часто герои существуют только в воображении. Анимус, наконец, – сам представитель бессознательного, поскольку представляет собой *комплементарного Другого*.

В поведенческом плане Анимус – фактор утверждения самости, установления отношений с социальным миром, но особенно – с миром идей. Он носитель логоса, так как стремится к дифференциации и к знанию. Его интеграция дает *доступ к символической функции*. Он выражает мнения, которые оказывают влияние на эмоциональную жизнь женщины.

К этим сухим определениям Нойманн добавляет богатство и изобилие своих описаний²². Он различает несколько уровней в конституции Анимуса.

Анимус патриархальный – самый близкий к сознанию, передает патриархальную культуру, в которую погружена западная женщина и которую ей внушают без ее ведома отец, брат, дядя, учитель и муж. Мир логоса и морали в действительности содержит то, что обычно описывается как Анимус. Если женщина не может это различить, не осознает этого, то это «господствующий культурный патриархальный канон, который определяет не только сознание, но также поверхностный слой бессознательного, равно как и бессознательное определение ценностей».

Старый мудрец принадлежит к этому же уровню. Он, носитель смысла, делает это, тем не менее, по-мужски и проявляется в самости женщины только в период, когда женщина нуждается в полной поддержке архетипа Отца, чтобы отделиться от Великой Матери и выйти из бессознательного. Если же женщина, напротив, начинает злоупотреблять этим, то она оказывается скованной патриархальной связью. Тем не менее, в своей обучающей функции

Анимус очень полезен как носитель смысла и фактора социальной адаптации.

На более глубоком уровне Нойманн добавляет Анимусу матриархальный уровень, который он называет *матриархальное сознание*, полагая, что это оно управляет сознательным отношением в период матриархата. Этот уровень поддерживается бессознательно, он подавлен в патриархате, и чтобы к нему подойти,

«современная женщина должна столкнуться с трудной задачей освобождения от своих предрассудков, содержащих важные значения патриархальной культуры, то есть суметь преодолеть в достаточной степени патриархальные Анимы, чтобы стать способной воспринимать особый аспект своей женской натуры». Как бы то ни было, Нойманн различает еще два уровня в этом матриархальном сознании: Анимы Великой Матери и в глубине всего – патриархальный Уроборос глобальных размеров.

Анимы Великой Матери состоят из маскулинных сил, содержащихся в архетипе Матери. Они выражают духовный аспект фемининности, врожденную мудрость сущности и инстинкта. Этический опыт этого периода – жить в гармонии с природой. Именно эта мудрость позволяет матери признать сущность своего ребенка и уважать его ритмы настолько, насколько это возможно.

Что касается *патриархального Уробороса*, согласно нойманновской динамике, он представляет архетипическую структуру, самую архаичную из маскулинных сил на службе женщины; он связан с природой и с космическими измерениями. Это, с одной стороны, *фаллический принцип* сексуальности, побуждений, роста и плодородия, с другой стороны – *один из самых духовных принципов*, который может охватить женщину и околдовать ее чувством слияния со всей Вселенной. Он может привести к психозу в своей одержимости.

Патриархальный Уроборос руководит выживанием вида и выращиванием потомства. Это бессознательный организующий руководящий принцип. Он провозвестник логоса. С помощью интуиции и чувства он заставляет выбирать правильное отношение к ребенку. Это импульс, который принуждает и руководит, навязывает свою волю как другим инстинктивным тенденциям, так и возможным сопротивлениям сознания.

– Существует *маскулинность отца*. Принцип маскулинности, носителем которого является отец, тело отца, его способ существования значительно отличается от материнского с момента рождения ребенка. Ребенок ощущает, что отец держит не так, как мать, у него другие жесты, голос другого тембра, поведение матери изменяется в его присутствии – и все это важные факторы дифференциации.

Отец также подвержен влиянию архетипического уроборического поля. Матриархальный Уроборос, эта архаическая фемининность, которая вводит в его функцию *отцовства* заботу о беременной жене, а затем о ребенке; на что лишь понемногу осмеливаются современные молодые отцы. *Уроборос патриархальный* отвечает за то, в какой манере отец выполняет свою архетипическую роль третьего лица между матерью и ребенком, так проявляется один из аспектов архетипа Отца.

Можно ли уже говорить об архетипе Отца? Последний действительно находит свои корни в Уроборосе, как и любой человеческий архетип; он возникает отсюда постепенно, этапами деинтеграции-реинтеграции, как я уже объясняла выше. Хотела бы добавить, что любой человеческий архетип проживает сначала уроборическую стадию с ее отнесением к началам и к телу, пребывая в состоянии мистической сопричастности. Это проявляется более или менее выраженными телесными симптомами или более или менее серьезной патологией, которые сопровождают архетипические отрезки, изменения архетипического поля при индивидуации. Эти изменения не безопасны, хотя и не являются следствием какой-либо вины.

– *Ребенок и маскулинность*. Все то, что заставляет младенца выйти из состояния сна, может распределяться на позитивные стимуляции, которые приятно подчиняют родившееся Я, и на негативные – вызывающие аффекты, переполняющие его, рождающие тревогу. Таким образом вырабатываются первые формы того, что Нойманн описывает как «вторгающуюся маскулинность»²³.

По мере того, как устанавливается некоторая длительность сознания, факторы этих потрясений, и внутренние, и внешние, способствуют не только образованию телесного опыта, который реагирует на потрясение появлением симптомов, но и

постепенному появлению способности репрезентации. Так как интервенции происходят из мира Анимуса матери или маскулинности отца, «становится очевидным, что психическое ребенка интерпретирует все нарушения равновесия, независимо от их природы, как проистекающие из маскулинности»²⁴.

Это утверждение подтверждается моими исследованиями образа волка (1975)²⁵, а также моими позднейшими клиническими опытами. Я вернусь к этому в четвертой части книги.

Хотела бы кое-что уточнить. *Конституционные факторы* (очень активное бессознательное, особенная чувственность к аффектам, незрелость Я по любой причине), равно как и *конкретные обстоятельства* (внешние события, физические недостатки, голод, усталость, отношения плохо интегрированного Анимуса матери), могут нарушить Архаическую зависимость, а также усилить нормальные переживания вторгающейся маскулинности и превратить ее в «ужасающую маскулинность». Она-то и будет определять уроборическую Мать в Архаической зависимости. И тогда весь мир ребенка будет подчинен этому ужасающему образу.

Напротив, в нормальной Архаической зависимости, когда мать – одновременно и самость, и общество, и мир, – ограничения, которые она устанавливает, ее отказы или проверки ведут ребенка к пониманию *принципа организации мира*. Последний научит его правильно вести себя и адаптироваться к законам окружения²⁶. Этот принцип маскулинного порядка, который позднее будет принадлежать, главным образом, отцам, и в мужской группе²⁷ будет «затрагивать и приводить в движение существующий врожденный порядок в глубине детской психики»²⁸. Организаторский принцип жизни, без которого человек погружается в хаос психоза или разрастающегося рака, *символизирует маскулинность обоих полов*.

Таким образом, гораздо раньше, чем происходит поляризация мира, возникает конфронтация. Конфронтация аффектов и побуждений младенца с Анимусом матери предвосхищает переживаемый конфликт между аутоморфизмом индивидуума и культурным канонем, возникающий во время разъединения «Мира объединенных родителей».

Именно так конфликт мать-ребенок становится внутренним конфликтом между побуждениями и контролем, ответственным за упорядочивание у ребенка.

Архетип в истории

Говорить об эволюции Архаической зависимости – значит попробовать описать диахронию структуры, эволюцию архетипа во времени.

Существует спиральное взаимодействие между родительским архетипом, самостью и Я. Этапы, проживаемые Я, есть нейробиологическая функция созревания под руководством организаторской функции самости, когда Я последовательно взаимодействует со структурами, которые Нойманн мило называет «одежды самости». Каждому этапу соответствует аспект родительского архетипа.

С моей точки зрения, переходу с одного этапа на другой соответствует *отказ от системы ценностей*, переживаемый как разрушающий веру, богоубийственный. Способность Я переносить тревогу этих кардинальных изменений есть залог его творчества²⁹. Эта *фундаментальная тревога* происходит из двух ощущений: первое, конечно, – это *переживание чувства вины* из-за разрушения веры; но при более внимательном рассмотрении оказывается, что *страх остаться узником* отмирающего аспекта и войти в конфликт с требованиями самости, безусловно, более силен. Это также самое сложное в анализе. Однако именно эта тревога придает смелость Я – если таковой нет врожденной, – чтобы идти дальше, в неизвестное³⁰.

Тем не менее, Я не одиноко в этом конфликте. Самость, которая организует архетипическое развитие, ответственна за то, что в эти периоды перемен уходящая архетипическая форма выглядит ужасной, тогда как приходящая форма представляется в позитивном свете³¹.

– *Родительский архетип меняется*, потому что отношение родители-ребенок, архетипическое поле, не статично. Архетип *прогрессивно очеловечивается*. Вначале уроборический и космический, он принимает аспект Великой Божественной Матери. Последняя сначала – хозяйка растений, когда Я еще вегетативное, потом – животных, когда ребенок достигает некоторой двигательной автономии, и, наконец, человеческого дитя. Это

очеловечивание заканчивается после интеграции хороших и плохих сторон материнского имаго, признания реальной матери и ее обычной, простой человечности. Давным-давно мы вышли из Архаической зависимости, которая покрывает только две первые стадии эволюции Я.

Протекание маскулинности и эволюция позиции человека по отношению к паре мать-ребенок осуществляются параллельно. Сначала *подчиненный компаньон* Великой Матери, человек, есть дающий жизнь, но равно и носитель шпаги – символа сепарации. При раскрытии Великого уроборического Круга, во время разделения Мира объединенных родителей на Отца и Мать, – разделения, которое постепенно закрывает Архаическую зависимость, человек является *охотником*, знающим секреты природы, и находится на краю матриархального мира. Появление *воина*, который входит в конфликт с Матерью и поддерживает в сражении Я, заставляет его перевоплощаться в архетип Отца. Начинается эра патриархата.

Мелани: смертоносная динамика

Я решила рассказать о трагической судьбе трех сестер, из которых я знала младшую, потому что эта история кажется показательной с точки зрения функционирования смертоносной Архаической зависимости и иллюстрации негатива решающей роли, которую Нойманн придает первому отношению между матерью и ребенком.

Леон Крейслер, который также знает эту историю, рассматривал ее в своей книге «Ребенок психосоматического беспорядка»³². Он считает, что две старшие сестры умерли похожей смертью в рамках «психосоматических смертельных дезорганизаций». С моей точки зрения, речь идет об особом случае.

Жульена и Мелани умерли в возрасте двадцати месяцев, старшая – четыре месяца спустя после рождения Мелани, она сама – через неделю после рождения Вирджинии, третьей сестры. Вирджиния была также госпитализирована в другую больницу и проявляла те же симптомы, что и ее старшая сестра. Расстройства у них проявились, когда мать пошла на работу, доверив их на весь день женщинам из семьи мужа; старшую в возрасте пяти месяцев – бабушке, среднюю, в девять месяцев, – сестре бабушки. Нужно отметить, что у обеих девочек были ранние рвоты, еще когда мать

была с ними. Мелани была госпитализирована первый раз, на небольшой срок, в возрасте десяти месяцев, когда у нее появились отеки от многочисленных инъекций. Последние шесть месяцев своей жизни, с четырнадцатого по двадцатый, она провела в больнице.

Для начала опишу развитие симптомов. *Пищеварительные расстройства* доминируют. Сначала это рвоты, очень ранние, все более повторяющиеся. Потом – потеря аппетита. Мелани постепенно отказывалась от различных продуктов, вполне нормальных для ее возраста, и воспринимала только кукурузный бульон, любимое блюдо сестры бабушки, которая ухаживала за ней. На этом анорексическом фоне появляются эпизоды срыгивания (аутистическое пережевывание со срыгиванием), ведущие к угрожающему похудению. Речь идет об активной анорексии – ребенок вынуждает медиков прибегнуть к кормлению через зонд, но потом отторгает и его, потеря веса продолжается.

Параллельно расскажу о ее особенном психическом состоянии. Меня поразила ее очень сильная тревога, связанная с отвержением отношений с женщиной. Только мужские руки могут ее немного успокоить. Эти приступы тревоги появляются на все усиливающемся депрессивном фоне – хмурое лицо, потерянные глаза, стереотипное поведение, лишенное смысла.

Наконец появляются респираторные симптомы – демонстрации негативной оральности все более и более архаического уровня. Сначала – ринофарингиты, сопровождающиеся респираторными затруднениями, чрезмерными для первичного заболевания. Впечатление, что ребенок заливаает свои легкие. Два раза в реанимации происходит остановка дыхания, приводящая к временной коме. Мелани покинула нас через семь дней после рождения ее маленькой сестры, когда она уже должна была быть переведена из реанимации в детское психосоматическое отделение, где были ее мать и сестра. Осмотр не дал никакого органического объяснения этой картине, и никакой наследственной болезни обнаружено не было.

Течение болезни, возможно, было осложнено тревогами медиков, пытающихся найти органическую причину заболевания ценой травмирующих тело манипуляций. С другой стороны, было очень сложно взять на себя заботу о ребенке, в то время как он упорно пребывал в состоянии тревоги и хаоса, которые и привели

его к смерти. Мы стали беспомощными свидетелями прогрессивного ослабления инстинкта самосохранения. Мелани ускользнула от нас, перестав дышать, отказавшись от пищи, оставив нас, таким образом, безоружными.

Откуда такой негативизм? Какая «мать» могла родить такое дитя? Я сказала бы какое «материнское»? Действительно, каков тот семейный союз, где проигрывается подобный конфликт жизни со смертью?

Мать Мелани, когда я с ней познакомилась, была молодой, очень хрупкой женщиной двадцати трех лет. Она рассказала мне о двух, сопровождавшихся галлюцинаторными феноменами, эпизодах депрессии, которые вызвали психотическую, или психоистерическую, декомпенсацию. Они произошли в моменты, проверяющие ее материнскую способность. Один эпизод – когда ей было лет пятнадцать-шестнадцать и она была руководителем группы детей; другой – после рождения ее старшей дочери, раннее отношение к которой, судя по этому рассказу, было скорее негативно. Она держит на руках свою дочку, все жесты такие, как и должны быть у матери, вроде бы все как надо, но нет внутреннего материнского отношения. Нужно отметить, что эта женщина обратилась за консультацией слишком поздно, она не видела опасности или не могла ничего с собой поделать.

Леон Крейслер отмечает, что она видела смерть повсюду. Она рассказала ему недавний кошмар, который, кажется, прояснил ее старые депрессии. «Я вхожу в комнату, там четыре женщины. Они лежат на кровати, они маленькие, совсем маленькие (она показывает размеры ребенка). Они были одеты в черное. Потом эти бабушки берут зеркало, чтобы посмотреться. На подбородке у них есть белый волосок». Эта последняя картинка полна негативного аффекта. Эти четыре маленьких старушки, в виде малышей в ауре смерти, напоминают ей ее мать, ее саму и ее двух старших мертвых дочерей.

Что мы знаем о ее материнской линии? Отец у нее появился только в возрасте двадцати лет, она была воспитана матерью и дедушкой по материнской линии. Ее мать была садисткой по отношению к дочери. Когда дочь была беременна первый раз, до замужества, мать, провоцируя тем самым угрозу будущей драмы, изводила ее разговорами, что будущий муж будет знать, что этот

ребенок не его. Молодая девушка не нашла никакой опоры, никакой поддержки, а обрела только желание смерти.

Что касается отца Мелани, он также очень ранимый человек, но по-своему. Он принадлежит к патологическому слою, из которого не может или не хочет выйти. Некоторые продукты вызывают у него отвращение, он требует готовить ему особые блюда, ругает стряпню жены, которая, как следствие, не чувствует его поддержки в оральной сфере.

Отцовская линия состоит, главным образом, из смертоносных женщин, у каждой из них собственные представления о питании и свои ритуалы. Все описываемое мною произошло на одном из островов, принадлежавших колониальной территории Франции, в якобы магическом климате. Бабушка по отцовской линии сидела с Жульеной во время депрессии матери, когда разразился первый приступ в пять месяцев. Сестра бабушки сидела с Мелани с девяти до четырнадцати месяцев, но это было в доме Мелани и ее родителей, когда мать Мелани пошла на работу. В конце концов сестра отца вообще хотела забрать детей и лишит мать материнских прав. Она, критикуя безжалостно инстинктивное материнское поведение невестки, пыталась заставить молодую мать прекратить кормить детей грудью, чего та совсем не хотела. Отец никогда ни во что не вмешивался и после смерти Мелани продолжал вести себя по-прежнему. Супруги и уже появившаяся третья дочка продолжали жить в окружении тех же людей и в той же атмосфере, где царили смертоносная аура и негативные отношения.

Несмотря на все усилия по поддержке отношения мать-ребенок, предпринятые местной командой детских психиатров, Вирджиния была госпитализирована во Франции в угрожающем состоянии. У Вирджинии, которая прожила чуть дольше своих сестер, появились небольшие неврологические симптомы. Но ничего не доказывало, что они явились признаком неизвестной прогрессирующей дегенеративной болезни, – они вполне могли быть и вторичными признаками серьезного истощения, которое мучило ее на протяжении всей ее короткой жизни.

История Мелани и ее сестер волнует любого медика, детского психиатра или другого специалиста. Одинаковое и неизбежное течение болезни у сестер неотвратимо вызывает ассоциацию с неизвестной дегенеративной болезнью, свойственной этой семье,

диагноз которой мы, со всеми нашими медицинскими знаниями, были не в состоянии поставить в момент драмы. Таким образом, возникла *гипотеза первичной самости*, в частности, телесной самости, как *первоначального фактора* заложенного летального исхода. Нельзя не отметить, что эти дети с момента их зачатия были погружены в такое «материнское», которое их *самость отношения не могла содержать*, в нем отсутствовали связи эроса с миром и с ними. Взвесив все это, постараюсь как аналитик воссоздать сценарий, который стал причиной трагедии этой семьи: родители и дети были погружены в энергетическое поле, ведущее к смерти.

Мы видели, что поле архетипа Матери Архаической зависимости состоит из элементов: из яйца, затем из самого младенца; из факта способности матери соответствовать архетипу, сознательно или нет, из элементов, привнесенных отцом, партнером диады мать-младенец, и, наконец, из элементов окружения.

В случае с Мелани (единственной, с кем я была знакома в связи с выполнением своих обязанностей детского психиатра парижской нейропедиатрической службы) мы видели, что очень рано – еще тогда, когда она была с матерью, – симптоматология локализовалась на зонах обмена с внешним миром: пищеварительном аппарате, а затем – респираторном аппарате. Эта локализация, казалось, свидетельствовала об отказе вступать в контакт с внешним миром и устанавливать отношения. Этот отказ сопровождался интенсивной тревогой, смягчавшейся иногда при проявлении мужской заботы: казалось, что женщины пугали Мелани. Постепенно к этому прибавилась глубокая депрессия. У нас у всех было впечатление, что Мелани ускользала от нас, «хотела» умереть. Мне кажется, я никогда не замечала у нее проявлений того сильного инстинкта самосохранения, который есть у большинства младенцев. Как если бы она отказывалась жить в этом ужасающем мире.

Совпадение некоторых дат поучительно. Первые четыре месяца жизни Мелани протекали в ауре, предвещавшей смерть Жульены. Последние девять месяцев – в период, когда ее мать носила Вирджинию. Как найти свое место в этой ужасающей конфронтации жизни и смерти – двух полюсов архетипа Матери?

Какова мать? Женщина, которой судьбой было предназначено воплотить архетип. Чтобы быть действенным, архетип нуждается в сознательных факторах, в данном случае – в способности матери осознать свою роль и выполнять ее. А что мы видим? Женщину, безусловно одержимую архетипом Матери: она была трижды беременна в течение двух лет, беременности прошли удачно и закончились в срок. Но у этой женщины не было твердой осознанной жизненной позиции. Она разрывалась между своей способностью давать жизнь и крайней пассивностью по отношению к смерти. Ответственность за ребенка была выше ее сил. Как если бы патриархальный Уроборос, инстинкт на службе выращивания детей, молчал в ней, и ее последовательные депрессии постфактум сделали из нее «мертвую мать»³³ для каждой из ее дочерей. Сон о четырех маленьких старушках размером с младенца свидетельствует о том, что эта женщина, со «смертельной начинкой внутри», не способна к взрослому гармоническому развитию.

Со стороны «матерей» она не получала никакой поддержки, никакого позитивного опыта. Ее собственная мать вела себя посадистски во время ее первой беременности; ее невестка отрицала ее материнство, а бабушка и сестра бабушки, по линии мужа, напоминали ей двух злых ведьм на грани психоза. Весь этот набор тяжело обременяет ее самость в ее отношениях с архетипом Матери. Пара мать-дочь, которая, по Юнгу, есть один из аспектов самости женщины, особенно молодой, в данном случае – пара дьявольская.

Что касается отца, то он, сам охваченный негативным комплексом матери и своими пищеварительными фобиями, абсолютно не способен противостоять этим смертоносным «матерям», чтобы защитить свою жену и дочерей и оградить их от ужасного окружения.

Этот набор может конstellлировать только Ужасную Мать – такую, как ее описывает Нойманн. Смертельная Мать появляется там, где слишком сильно разъединяются созидательные силы материнского и где к ним проявляется слишком большая враждебность. Семья Мелани – тому пример.

Перед лицом Ужасной Матери ядро Я может всего лишь отказаться интегрировать эти ранние опыты как слишком негативные. Что же касается самости, то она отгораживается от мира в аутистических защитах. Я Жульены и Мелани гаснет в

застое. У Вирджинии попытка защищаться более сильная, она проявляется в безнадежном поиске отношений с матерью, но, увы, это отношения со смертоносной матерью. И эта попытка обречена.

Эта трагическая история, по-моему, прекрасно иллюстрирует функционирование архетипа Матери в Архаической зависимости. Ее организация в негативной форме привела к выработке у ребенка хрупкого негативного Я, которое погрузилось в психоз, застой и смерть из-за того, что инстинкт самосохранения не проявился или был потерян. Итак, такой архетип, как самость, может вызвать патологию.

Мы стали свидетелями ужасающего поединка между жизнью и смертью. Дети прожили очень мало; женщина, скорее всего, продолжит рожать – она не стерильна. Я чувствую, что в ней есть сильный архетип Матери, но ее Я никогда не возьмет на себя ответственность за некоторые вещи. Ее двойственность находится перед лицом превосходящих сил. Это восприятие и дало мне основания полагать, что она была психотичной.

Можно ли говорить о патологии разъединения? История Жульены и Мелани может намекать на это. Но я так не думаю, и судьба Вирджинии, которая никогда не была оторвана от матери, это доказывает.

Тем не менее, нужно отметить, что мать этих девочек была в глубокой депрессии, а следовательно, отсутствовала. Я считаю, что качество Архаической зависимости не позволило сформировать Я, способное интегрировать негативный опыт. Слишком слабое, оно погасло.

Остается гипотеза о неизвестной семейной болезни. Это предположение не отрицает все сказанное выше, но прибавляет тяжесть неизбежности судьбы, перед которой данная семья сдалась без сопротивления.

Изабель: негативный комплекс матери

Во время работы «знаменитой» биоэнергетической группы она была найдена распростертой на полу без сил, не способная даже позвать на помощь из глубины своего одиночества и ужаса собственного бессилия. Бурная агрессивность группы в этот день уничтожила ее, она не реагировала ни на что, кроме открытой провокации. Она вновь ощутила эту тоску на аналитической

кушетке, понимая, что мы касаемся этого «болезненного и уже пережитого», но пережитого когда и где?

«У меня всегда было впечатление, что мой муж меня не слышит», – говорит она, не раздумывая, шокированная тем, что муж не хочет взять детей в следующее воскресенье. Впрочем, перед этим разыгралась бурная ссора. А потом этот сон, эта ночь, – о чем это говорит?

«Я вхожу в квартиру моего отца, когда он умирает. Он меня принимает. Он в возрасте моего мужа. Он не доволен, что я пришла с детьми».

То же ощущение недомогания и бессилия окрашивает все это прожитое, на грани физических и психических сил.

Изабель, назовем ее так, продолжает: «Я не подумала сразу о моем муже. Мой отец передал мне это во сне. До этого я никогда не чувствовала и не реализовывала никаких сообщений от отца, гораздо более далекие, бессознательные с его стороны. как и с моей. После моего рождения он не хотел слышать моего крика; мои родители клали меня в конце квартиры и оставляли меня кричать, когда я просила кушать. Однако моя мать любила меня и кормила грудью до семи месяцев. Я смогла вспомнить это только в позиции регрессии, распростертая на полу!»

В моем контрпереносе аналитика я почувствовала крики младенца, которого никто не слышит, который брошен на произвол судьбы и бесконечно одинок в этом мире. Я выражаю свои чувства пациентке. Изабель ощущает этот прожитой опыт беспомощности в покинутости и проецирует его, когда ее муж не уступает ее желаниям. Она также осознает, что эта схема функционирует против умных женщин с мужской агрессивностью, схема, сопровождаемая сильным депрессивным аффектом.

Этот переломный сеанс происходит во времени и пространстве, в которых телесно прожитой опыт является первостепенным и принимаемым. Все происходит на кушетке, она рассказывает и вновь переживает поведение и аффекты, которые ее так впечатлили на последнем сеансе биоэнергетической группы. Впрочем, это часть нашего контракта; я согласна на проведение этой работы с ее телом. Условие – мы прорабатываем вместе ее телесное, эмоциональное и психическое прожитое в группе на следующем аналитическом сеансе.

Ее рассказ относится к очень специфичному прожитому, где тело и психическое еще не дифференцировались, где сознание младенца – это кричащее Я, и где процессом руководит организатор самый архаический – телесная самость. И именно на этом уровне меня трогает ее рассказ, как будто младенец будит мать присутствием своего тела. С помощью моей интерпретации я принимаю на себя функцию установки отношения, которую в это время несет мать, имеющая задачу соединить тело с ядром появляющегося Я, благодаря ее эмоциям и словам, но, конечно, без телесной близости. Эта функция самости отношений, которую несет «мать», имеет своей целью осмысление, очеловечивание сухого опыта, укрепление родившегося Я и пробуждение сознания: это первые рудименты комплекса Я.

1. Динамика сеанса

Динамика сеанса начинается с тела – оно вытянуто на кушетке, словно растерзанное, без сил и без голоса. Это прожитое напоминает царившую там атмосферу агрессивности, даже насилия, и связано, с одной стороны, с ощущением беспомощности, с другой – с депрессивным аффектом, чувством брошенности.

Весь этот набор составляет первое ядро, которое вызывает во мне образ и телесное прожитое младенца во власти взаимного неистовства негативной Архаической зависимости. Я чувствую свою беспомощность и получаю это сознательно. Именно его я буду всеми внутренними силами удерживать в течение этого сеанса.

Аффект, связанный с этим ядром, с этим «ощущением недомогания и бессилия и с физической, и с психической точки зрения», будет резонировать с подобным аффектом, испытанным недавно, как иголка, тянущая нитку. Второе значимое ядро также приведено в сознание; оно касается мужа: 1) который не слышит ее просьбу; 2) который не принимает детей, то есть саму Изабель.

Воспоминание из сна использует те же самые значимые элементы, но относит их к отцу, что дает доступ к доселе скрытому опыту: отвержение отцом младенца, кричащего от голода и покинутости. Отцовское имаго дополняется негативным аспектом, который никогда ранее не мог быть воспринят. Чтобы бороться с депрессией, Изабель жизненно нуждалась в позитивном отцовском образе, сильной маскулинности. Вероятно, что предшествующие

месяцы анализа позволили Анимусу аналитика привлечь внимание Изабель как к положительным, так и отрицательным качествам отцовской личности.

Я думаю, что намек на смерть отца во сне обозначает это изменение образа отца, который перестал быть в сознании доминантой.

Изабель может, наконец, поднять вуаль, которая скрывала мать, и проговорить свои воспоминания об архаическом опыте, до этого присутствовавшем только на уровне телесной самости. Я достигло в переносе устойчивости, достаточной для негативных опытов; отныне оно «интегрирующее Я», один из полюсов оси Я-Самость, гарант здорового функционирования психического.

Так как Архаическая зависимость была охвачена насилием, причиненным младенцу, а мать – единственный носитель Архаической зависимости (ведь это отношение находится под управлением архетипа Матери), то и образ матери оказался объят негативностью. Толерантность, обретенная Изабель, дала ей доступ к другому аспекту материнского имаго. Отныне она может сказать: «Моя мать меня вскормила и любила».

Интерпретация аналитика признает страдания младенца, подтверждает их и обозначает, что они продолжают свое опустошение, вызывая две, внешне противоположные, реакции, повторяющие опыт младенца: ответная агрессивность и огромное депрессивное чувство брошенности.

Этой интерпретацией аналитик актуализирует Хорошую Мать и позволяет восстановление архетипа – восстановление, обеспечивающее эффективность. Внутреннее отношение, описанное мною выше, не только становится позитивным содержанием аспекта феминности материнского архетипа, но и придает смысл ее маскулинности. Что касается момента, выбранного «инстинктивно», то он выявляет самый архаический слой Анимуса аналитика: патриархальный Уроборос, который ориентирует на то, что хорошо для младенца, что подходит для ситуации.

Как бы то ни было, благодаря поддержке этой Хорошей Матери и реконструкции оси Я-Самость, Изабель *добирается до своей истории*, определяет обстоятельства, на которые проецируется комплекс. Это происходит, во-первых, в случае, когда ее муж или любой другой мужчина, который ей дорог, не уступает ее желанию,

и, во-вторых, при столкновении с интеллектуальными женщинами с сильной маскулинной агрессивностью. Мужское пренебрежение вызывает воспоминание об отказе отца в Архаической зависимости, но при чем здесь агрессивность интеллектуальных дам? Они захвачены патриархальным Анимусом, то есть находятся под влиянием закона и духа «Отцов». Следовательно, владея этим комплексом, они должны объединиться с предыдущей категорией.

Как выстроилась *эта жизненная схема*? Мать в период Архаической зависимости, конечно же, любила и кормила свое дитя в достаточной мере, чтобы ребенок развивался. Но она позволила себе подпасть под влияние своего мужа, под влияние закона отцов, которое сдерживает природу. Она подчинилась патриархальному Анимусу, забыв или заставив замолчать в себе голос матриархального сознания. В частности, инстинкт патриархального Уробороса не смог выразиться; аспект материнской фемининности Матери Архаической зависимости был скрыт. Вот почему Изабель потребовалось столько времени в анализе, чтобы вернуть тепло Хорошей Матери.

Почему я решила представить эту динамику как *негативный родительский комплекс*, тогда как в действительности речь идет о *негативном комплексе Матери*? Потому что динамика выстроилась очень рано, тогда когда Отец и Мать, маскулинность и фемининность, сосуществовали в Уроборосе, по Нойманну – в «Мире объединенных родителей». Они там все еще не дифференцировались, не поляризовались в противоположности. Именно из-за этой недифференцированности Изабель не удастся вступить в конфронтацию с маскулинной агрессивностью. Этот сеанс был поворотным – она, наконец, увидела действие сепарации и дифференциации материнского и отцовского имаго.

2. Деконструкция комплекса

Особое соединение ассоциаций в этом сеансе освещает функционирование комплекса, складывающегося в неясном свете зари младенческого «пред-Я». Значимое ядро состоит из прожитого телесной самости того времени, которое мы анализировали. В то время как самость отношений была нарушена подчинением матери ужасающей отцовской маскулинности, это ядро питалось мощнейшей архетипической энергией Архаической зависимости. Первая ассоциативная цепочка, связанная с этим ядром, возникла

из этой Архаической зависимости, опираясь на телесное прожитое, и из аффектов, которые могли быть выявлены. Жизнь добавила к этому весь аналогичный опыт, который мы расшифровали. Весь этот набор ответственен за поведенческие и автономные аффективные реакции (агрессивность, обесценивание и депрессивность), которые обозначают активацию комплекса, когда ситуация «цепляет» и вступает в резонанс с одним из элементов ассоциативной цепочки.

Мы только что были свидетелями деконструкции этого комплекса, что не так уж часто встречается в такой ясной форме. Деконструкция – это установление ассоциативных цепочек, которые обычно действуют бессознательно и автономно. Это вступление в отношение с Я позволяет сознательно управлять поведенческими и аффективными реакциями, смещать их цели, собирать энергию и направлять ее в распоряжение Я.

Это обустройство чувственности в комплексе позволяет надеяться, что Изабель потихоньку сможет преодолеть мужской отказ и, возможно, даже защититься от этого без насилия. Она более не будет ощущать себя уничтоженной интеллектом мужчин и женщин и признает свой собственный ум – то, что ей сейчас может дать маскулинность, ее будущий позитивный партнер, способный на здоровое утверждение. Он должен направить ее либидо так, чтобы она освободилась от депрессии, перестала чувствовать себя жертвой; и тогда архаические защиты постепенно станут ненужными.

3. Важность работы с телом

Заканчивая обсуждение этого случая, я хотела бы подчеркнуть важность тела и работы с ним при подобных архаических патологиях. Мы никогда не смогли бы расшифровать так глубоко прожитое в Архаической зависимости, если бы Изабель не приняла участие в работе биоэнергетической группы, а затем не проработала бы это в анализе, лежа на кушетке. Когда перенос это позволяет, я допускаю похожее отступление от контракта. Но в то же время я настаиваю на том, что в большинстве случаев было бы небезопасно соглашаться на этот тип работы, имеется риск параллельного переноса и его извращенного влияния.

Детские аналитики должны быть особенно осмотрительны при работе со взрослыми. Ведь они привыкли, особенно работая с

маленькими детьми, быть не только внимательными к телу, но гипотетически готовыми и к контакту с ним. Нет строгого запрета, настолько ребенок нуждается в теле для тела. Но в работе со взрослыми аналитик должен четко определять самого себя, ни о каком оболыщении не может идти речи, как невозможно и любое удовлетворение телесной необходимости в материнском. Хорошая Мать тоже умеет подвергать фрустрации.

Глава вторая

«Архетипические волны» отрочества

Для аналитиков, работающих с детьми и взрослыми, работа с подростками кажется достаточно специфичной. В этом возрасте запросы интенсивные, часто краткие. Если аналитик хочет добраться до того, что скрывается за тоской юноши в переживаемом им кризисе, нужно слушать его очень внимательно. Чаще всего мы помогаем подросткам утвердить свое Я, подростку необходимо место, чтобы высказаться, иногда защитить свои сиюминутные интересы, поговорить о мотоциклах, о фильмах, об одноклассниках, равно как и о профессиональной ориентации. И тем лучше, если в этом пространстве мы превращаемся в настоящего собеседника, помогающего ему поведать о конфликтах, которые сталкивают его с родителями, с окружением или с ровесниками. Крайне редко четко сформулирован запрос анализа: тем важнее, чтобы аналитик знал, что есть что-то, что происходит на заднем плане, чтобы помочь это осознать.

Работа с многочисленными подростками научила меня их понимать. Тем не менее, четыре года последовательной работы с «Рене», назовем его так, позволили мне выявить то, что я назвала *«архетипические волны» отрочества*. Я понимаю под этим новую данность в жизненной игре, в представлении архетипической динамики, благодаря чему Я может пересмотреть свои позиции. «Кризис» подросткового возраста – это актуальный конфликт, в котором Я ищет возможность пересмотреть свои отношения с родительскими имаго. Новое либидо, архетипическое по происхождению, ответственно за процесс, но почему?

Допубертат и пубертат аналогичны первым годам жизни по широте биологического разнообразия и стремлению к росту. Субъект более не узнает себя, становится чужой самому себе; старые схемы более не действуют, отсюда и происходит

активизация архетипических процессов, о которых я говорила выше.

Рене четырнадцать с половиной лет, когда он приходит на первую встречу, чтобы «провести анализ». Он еще не достиг половой зрелости. Вот уже три года он не успевает в школе, он находится в конфронтации с родительскими Сверх-Я, особенно жесткими в требовании героических подвигов как в учебе, так и на уровне социальной Персоны.

Рене говорит, что не может адаптироваться среди ровесников, у него репутация зануды. Страдания Я, из-за которых был начат анализ, проявляются в первых шести сеансах – жалобы Я, столкнувшегося с идеальным Я, которого невозможно достичь. Можно даже сказать, что это не идеальное Я, а родительские имаго, которые совершенно не учитывают реального Рене.

Однако мальчик происходит из той культурной среды, где анализ не является чем-то исключительным, об этом свободно говорят; Рене сам формулирует свой запрос. Перенос сформировался очень быстро, вызвав многочисленные сны, которые вначале доказывают Рене, что он хороший анализируемый. Они также являются искупительным приношением, посвященным новой матери. Я чувствую в мальчике такую нарциссическую рану, что принимаю этот подарок таким, какой он есть, без комментариев. Моя задача быть бдительной и контейнировать.

Итак, сны сеансов с 7 по 9 ясно выражают *проекцию психического*, которая носит совершенно другой смысл.

– Первый сон: «Я с моей матерью в машине Бабули. Мы едем в дом моих бабушки и дедушки по отцовской линии, к папе и моей бабушке по материнской линии. На чердаке мой отец нашел старый велосипед, но он слишком большой для меня, я могу упасть. На повороте, у края пещеры, стоит мальчик моего возраста. Его отец довольно злой. Мальчик убил мою мать. Происходит погоня, и мальчик убегает со своим отцом».

Этот сон собирает воедино всю семью, где родственные линии перемешаны. Матери там мало дифференцированы; мы в матричном мире архаического бессознательного. Тем не менее, динамика направлена к миру отцов. Отец Рене предлагает ему старый велосипед, ненужный и не подходящий его сыну, желание

отца видеть Рене успешным также не соответствует характеру Рене. Отец ставит планку слишком высоко, и Рене задыхается в желании соответствовать родительским идеалам, которые ведут к тому, чтобы сделать из него узника Сверх-Я. Это не тот отец, который сможет дать необходимую поддержку на начинающейся стадии сепарации-дифференциации.

Следует внезапный поворот – встреча с фигурой, носителем самости. На краю пещеры стоит сын очень злого отца, отец кажется очень злым, потому что отделяет сына от мира матери. Этот «сын» не сегодняшний Рене, а сын того отца, который убивает привязанность к матери и уводит в мужской мир. Архетипическая динамика, кажется ориентированной на определение родительских имаго и пересмотр сегодняшних позиций.

Комментарий Рене: «Это моя мать подтолкнула меня ее разрушить, посоветовав мне обратиться к психотерапевту», – показывает нам, что он осознает поставленную задачу, хотя еще пока и не способен ее выполнить. Это позволяет нам также полагать, что мать обладает неким даром предвидения эволюции своего сына и какая-то часть ее на это согласна.

– Второй сон: «Это джунгли; есть четыре мужчины и одна женщина, которые должны убить последнего самца обезьяны очень жестокой породы, самцу же нужно продолжить свой род, его преследуют. Самец крадет самую красивую женщину в лагере. Мужчины рыскают по джунглям, но они приходят слишком поздно. У обезьяны уже появилось два или три ребенка. Они проиграли. Я – зритель».

Этот второй сон, прожитый в джунглях, в примитивной природе, – также конфронтация, но уже другого плана, конфронтация между инстинктами и их гуманизацией. Женщина появляется там, как квинтэссенция маскулинности (1+4). Рене подчеркивает в ассоциациях, что она – инструмент, которым пользуется обезьяна для продолжения рода: предчувствие того, что даст перенос? В то же время он не любит эту обезьяну, воспринимая ее слишком близкой к мужчине. Он чувствует ее носителем чего-то, что есть в нем самом и что он отвергает из страха.

Я напоминаю и намекаю, что там переброшен мост между животным и человеком благодаря женщине, феминности, и что

рождение этих малышей очень важно. Женщина гуманизирует дикую и примитивную натуру, которая говорит о насилии и сексуальности.

Рене тронут хрупкостью младенцев. Он также считает, что «самец победил дважды: он сделал шаг в эволюции и прекратил преследование».

Рене признает, что обезьяна представляет инстинкт, который он подавляет, – грубость, но точно не сексуальность. Агрессивность, с которой он отбрасывает мои предположения, доказывает, что он не готов, он еще не достиг полового созревания. Это первый, но не последний раз, когда он чувствует во мне опасную женщину.

– Третий сон: «С моим дедушкой по отцовской линии. Я у него спрашивал что-то. Он не был уверен, что сможет мне объяснить. Но потом все-таки объяснил. Он был очень доволен собой».

Дедушка по отцовской линии, несмотря на его человеческие сомнения, оказывает поддержку, которой воспользовался Рене. Это – ориентир. Хотя этот мужчина несколько суров в действительности, он – носитель закона в семье. Я чувствую, что он получает проекцию архетипа Отца, что он вектор смысла, абсолютно необходимая поддержка Я Рене в начинающейся конфронтации с моим Анимусом. Четвертый сон усиливает это интуитивное предчувствие.

– Четвертый сон: «Три мужчины и одна женщина сидят за столом в роскошном доме. Они заснули прямо за столом. Они обсуждали горничную».

Горничная звонит нам, чтобы мы прислушались к тому, что она говорит, иначе мы не сможем вернуться. Мужчина возраста моего отца слушает. Это был единственный человек, кто хорошо все понимал.

Его атаковали роботы, но мы помогли ему с ними справиться, чтобы он продолжал слушать».

Именно у этой «горничной», при всей ее двусмысленности, были ключи от этого дома, немного идеализированного, конечно, где взрослое единство (три мужчины и одна женщина, четыре – символ единства) еще спит после конфликта, который, похоже, с ней произошел: быть может, это отказ от моих слишком ранних намеков на сексуальность? Горничная, конечно, прислуга – та,

которая обслуживает процесс, – но она также и Хорошая Мать. Впрочем, так ли уж они различны – горничная и аналитик, которая опирается на поддержку архетипа Хорошей Матери?

Как бы то ни было, только отцовская фигура может поддерживать отношения с этой фемининностью и понять ее намерения. Этот сон еще раз подтверждает, что маскулинность отвечает за установление отношений как у мужчины, так и женщины.

Тем не менее, роботы атакуют. То, что Рене представляет как атаки роботов, – это его сомнения, вызванные тем, что он обесценивает как отцовское, так и материнское. С моей стороны, я их чувствую как автономное функционирование его негативных комплексов, думая при этом не только о его негативном комплексе Отца, но и о несвоевременных интервенциях Анимуса его матери.

При более внимательном рассмотрении оказывается, что сон происходит в трех временах, соответствующих трем позициям Я сновидца. В первой части речь идет о взрослом единстве, еще спящем в бессознательном, в ожидании своего часа. Психическое подростка жестоко переживает отсутствие взрослых в его окружении, особенно мужчин, поскольку он нуждается в отце. Потом появляется «мы», которое указывает на вовлечение сновидца после звонка «горничной». Наконец, в последней части Я участвует в спасении отцовской функции отношения с фемининностью, и особенно – в понимании смысла происходящего, то есть самой жизни.

Я настоятельно рекомендую Рене обязательно участвовать в этой борьбе, оставить свою позицию зрителя.

Столкнувшись с такими последовательными предложениями психического, мы должны затронуть активизацию архетипического процесса, инициированную новыми требованиями телесной самости, проявившиеся во сне с обезьяной. Но почему возникла эта конфронтация с родительскими архетипами?

Тело, находящееся под пристальным вниманием в период полового созревания, выходит из материнского, и комплекс Я устанавливается в контакте с телом матери и со своими вымыслами о нем. Когда затрагиваются архаические структуры, тело и мать связаны. Архетипы «вписаны в тело как все органы информации в живой материи», писал Гумберт¹, вне зависимости от времени;

менопауза и андропауза нам об этом напоминают. Половая зрелость у обоих полов проживается как второе рождение вне тела матери.

Что касается архетипа Отца, кроме того, что он играет роль помощника при сепарации, свойственную отцу, он еще и тот, кто «представляет разум»² по своей биологической природе, связанной с телом и инстинктами. Вот что пишет Юнг в «Метаморфозах души и ее символах», говоря о расширении образа быка:

«Полон противоречий как мать (...) он есть (...) беспрепятственная инстинктивность, хотя и воплощающая ограничительный закон инстинкта. Тонкое, но главное различие состоит в том, что отец не допускает инцеста, а сын обнаруживает тенденцию к его допущению. Против него встает отцовский закон грубой, ни чем не сдерживаемой силы (...). Разум также динамичен; он такой и нужен, чтобы психическое не потеряло своей саморегуляции, говоря другими словами, своего равновесия»³.

Что в действительности придает отрочеству его критический характер, так это неистовство инстинктивных порывов, вступающих в противоборство с разумом. Индивидуум еще никогда не был таким требовательным в своих поисках абсолюта, все его умственные механизмы отныне задействованы. Это возраст игр разума, не прошедших проверку опытом. И эта личность сталкивается с множеством побуждений: побуждение к развитию, агрессивное утверждение Я, побуждение убивать и сексуальное побуждение, которое первый раз может конкретизироваться в попытке к действию или в самом действии.

Если учесть определение, которое Нойманн дает телесной Самости, – это целостность, которая управляет организмом, это биопсихическое единство, в которое входят все возможности индивида, телесная самость представляется как организатор конфронтации. Главные действующие лица приготовленной самостью драмы, с одной стороны – Я, которое должно актуализировать запросы самости, с другой стороны – Сверх-Я, принимающее в расчет требования родительских Сверх-Я, которые состоят из матриархального Сверх-Я, представляющего закон природы и патриархального Сверх-Я – «закрывающего дорогу мощным инстинктам».

В этом конфликте ауторегулирующая функция психического становится более тонкой благодаря тому, что формируются пары

противоположностей, например: побуждение-разум, фемининность-маскулинность. От способности субъекта осознать это будет зависеть его *трансцендентная функция*, проявление которой мы видим во сне об обезьяне и женщине.

Как бы то ни было, эти четыре первых сна позволили мне наметить некоторые направления работы. Помочь укреплению Я в его способности выдерживать этот конфликт. Потребности телесной самости будут требовать принятие сексуальности тела, его побуждений и его интеграции инстинктивных побуждений в личный опыт.

Что касается требований родительских Сверх-Я, они принадлежат родительским имаго, позитивные и негативные аспекты которых Рене будет чувствовать и стараться их осознать, чтобы отделиться от них. У этого подростка бессознательное особенно сильно и требовательно; оно рискует привести его к душераздирающей переоценке родительских ценностей.

Вопрос о маскулинности в переносе – это скорее вопрос о дифференциации, чем об идентификации, так как я – женщина. Нужно сказать, насколько Рене нуждается в «отце». Я предчувствую все значение поддержки моего Анимуса в его функции провозвестника логоса отца; Анимус, который позволит мне избежать два вида трудностей: сомнение, внушенное матерью, что он не способен стать мужчиной, и ригидность деда по отцовской линии. Но также речь будет идти и о встрече с женщиной и фемининностью, отличающейся от его опыта общения с матерью и с фемининностью его отца; в этом состоит позитивный фактор.

С самого начала я чувствую себя втянутой в историю во всем моем единстве матери, женщины, где мне понадобятся все грани моего Анимуса. Моя бдительность должна выдержать испытание различием и дистанцированием, и в дальнейшем это приведет к внутреннему соединению. Впоследствии это даст возможность проявиться творческим способностям бессознательного.

Сто шестнадцать встреч и многие сотни снов – это богатейший материал, но я должна все время твердо устанавливать границы и избегать очарования.

Рассказ событий недели, вначале о родительских требованиях и болезненном соревновании с группой сверстников, постепенно стал

показателем осознания повседневного опыта. Рассказы о повседневной жизни чередуются с рассказами снов, и мы прорабатываем те из них, в которых больше всего аффектов и вопросов.

Первый тип снов – обычные ежедневные ситуации. В них участвуют целая когорта его приятелей разного возраста и несколько девочек. Сны демонстрируют методы защиты, ведут к деконструкции Персоны и к конфронтации с Тенью. Например, каждый приятель имеет аспект Тени. Эти сны – вехи этапов построения Я и интеграции агрессивности, в них движение к сексуальности на протяжении всех четырех лет анализа. Именно благодаря им Рене осознает эволюцию отношения и своих чувств к родителям.

По очевидным причинам конфиденциальности я не буду говорить больше, заметив лишь, что эти сны ведут в *личное бессознательное*. В переносе, за редким исключением, у меня чаще была роль «горничной», что способствовало консолидации и утверждению Я, находящегося под угрозой нарциссического провала.

Совсем другой тип снов показывает организаторов за работой. Рене часто их приукрашивает в своих рассказах и в воображении, где герой стремится интегрировать знания, полученные во сне. Именно эти сны и позволили мне говорить об «*архетипических волнах*» отрочества.

Сначала психическая динамика *акцентируется на теле*. Телесная самость ведет танец, подготавливая сомато-психические маневрирования, которые будут сопровождать поступательное движение роста и активацию половых желез. Чтобы покорить свое сексуальное тело и свою мужественность, Рене вынужден выйти из состояния идентичности с матерью, в котором он пока живет. Утверждение себя в своей мужественности будет проходить через критику своего притяжения к женским ценностям и своей боязни мужского мира.

«Мои родители и я, мы атакованы в замке. После атаки мы были вместе с семьей Урсулы. Урсула убита в бассейне».

Речь идет о конфликтной ситуации, предметом которой является семья. Семья Урсулы представляет другие отношения в семье, где живет девочка возраста Рене. Урсула, говорит он, это неудавшийся мальчик, потому что она любит мальчишеский спорт

и ее тело пока не отличается от тела мальчика. И именно между этими двумя различными родительскими парами встает вопрос: мальчик или девочка? Кого хотела мать и какую связь с телом матери прожил младенец, а затем маленький мальчик? В отрочестве этот вопрос снова становится актуальным.

Рене позиционирует, что его мать хотела девочку, что он похож на маму, что в детстве он хотел иметь такое же тело, как у нее. Убить Урсулу в бассейне – я намекаю, что это было место нашей работы, нашего переноса – это убить в ней неудавшегося мальчика и неуверенность в собственном поле, но также найти его мужественность и его внутреннюю фемининность. Рене интересуется информация о сексуальности, его желание его пугает, и мастурбация тоже, несмотря на «сексуальное освобождение». В действительности он больше не знает, где он сейчас. Он хотел бы утвердиться как мальчик, но понимает, что он может это сделать только по мере изменений его отношения к матери и к женскому в нем самом.

Мое встречное отношение, направленное на поиски смысла, дает ему доступ к вытесняемым доселе импульсам, которые его очаровывают. Воспоминания об обезьяне позволяют Рене вспомнить об удовольствии, которое он получал от драк в возрасте до десяти лет, и он вытеснял это удовольствие, настолько неистовство желания убить пугало его. Впрочем, культурное окружение, отнюдь не пропагандирующее насилие, совсем не помогало ему интегрировать это.

Что же касается сексуального побуждения, об этом вопрос пока не стоит, и отношения с женщиной – это дальняя цель. В первом сне Рене желал бы купить какой-нибудь мужской журнал, но у него не хватало денег; во втором сне он боится русалок, этих женщин-рыб, которые обольщают и разрушают мужчин. Но появляется третий сон.

«Мужчина живет в гроте с неизвестной женщиной и огромной собакой, охраняющей грот. Женщина остается дома как мать семейства и занимается собакой. Она осуществляет связь между собакой и мужчиной, между внутренним и внешним».

Мы все еще в матричном мире. Рене описывает мужчину, как носителя мудрости природы и культуры. Эта культура рискует пострадать из-за гордыни. Задача женщины, занимающейся собакой, – осуществлять связь между мужчиной и его инстинктами,

здесь одомашненными, но мощными, мужчиной и его внутренним и внешним миром. Функция Анимы? Конечно, архетипический сон, сильно далекий от настоящего Рене. Я задаю вопрос, возвращающий его в анализ: для Рене речь идет о простом исследовании, возбуждающем интерес, или о действии, занимающем его полностью?

Один из его снов того же времени, дающий интересную точку зрения на двойное происхождение маскулинности, указывает на пока еще игровое отношение Рене.

«Я в доме моей бабушки по материнской линии. У меня в руке кинжал, с которым я играю. Я больше люблю другой, принадлежавший семье отца. Но они мне его не дадут просто так, для игры.

Оба настоящие, но второй – более старый, и я хотел, чтобы мне его дали потом».

Второй год анализа начинается с *переоценки отцовского имаго*, сопровождающейся более открытым и настоящим отношением с отцом. Рене видит свое сходство с отцом и свои идентификации. Сны демонстрируют различные грани имаго, как агрессивные, так и защитные. Наконец, Рене находит поддержку в кельтских мифах и зачитывается *Властелином колец* Толкиена, в своем поиске смысла и духовности, таком захватывающем в этом возрасте.

Это – пролог, приводящий его к *поиску корней*, к осознанию того, что он сын пары, а не только одной женщины.

«Я ищу моих родителей. Они где-то впереди меня, это подъем с препятствиями. Я нахожу их в городе, на центральной площади».

Образ центрации, конечно, важен, но особенно тревожит встреча с первичной парой: «Это как будто стоять перед тигром с незаряженным ружьем. Во сне у меня ощущение, что моих родителей тоже кто-то ведет», – комментирует Рене.

Это настолько сильный аффект, с чувствованием себя безоружным перед тем, что им управляет, что я вспомнила Ноймана. Он пишет относительно стадии выстраивания и дифференциации противоположностей в недрах Уробороса: «Переход от уробороса к юношеской стадии характеризовался появлением страха и осознанием смерти, потому что Эго, не

наделенное еще полной властью, воспринимало превосходство уробороса как непреодолимую опасность»⁴.

Нуминозность первичной сизигии рождает священный ужас, очень полезный для наших целей. Этот образ первичной пары приводит к *ре-эволюции отношения Рене к маскулинности и фемининности*, которая сначала выражается в следующем сне:

«В обветшалом доме, который требует ремонта, находится серна. Мне она кажется мертвой, и я сначала принимаю ее за женщину, но потом я замечаю, что серна всего лишь ранена».

Эта серна представляет для Рене его раненую, но живую маскулинность. Этот сон демонстрирует все еще испытываемые сомнения по поводу его мужской личности, но в то же время показывает ему дорогу. Он должен оставить это чувство архаической идентичности материнской фемининности, которая в нем все еще жива.

Это испытание дифференциации позволяет во сне появиться девочке его возраста, воплотившей образ позитивной Анимы, которая руководит им в лабиринте и позволяет войти ему в круг старших: доступ, подтвержденный в другом сне потерей молочного зуба. А вот на приближение к сексуальности потребуется еще два года.

Столкновение с материнским драконом и восстановление позитивного отцовского имаго вначале необходимы. На сорок втором сеансе внезапно появляется сон, который Рене проживает как инициацию. Ему тогда пятнадцать лет и десять месяцев:

«Это происходило в Сахаре. Мы подъезжаем к городу и встречаемся с начальником города. Потом есть я и огромное животное, какой-то монстр. Мы пытаемся завоевать доверие Короля, но монстр клеветает на меня. Я объясняюсь с Королем и говорю, что монстр – предатель. Король мне верит и изгоняет монстра. В качестве благодарности Король не убивает моего очень старого отца, который участвовал в мятеже. Он дает ему шанс. Мой отец имеет намерение снова захватить трон».

Вот ассоциации Рене: «Город – это этап, чтобы запастись провизией. Монстр – большое красноватое животное, дракон без длинного хвоста. Мне удалось видеть, как он подстрекал мятеж против Короля. Мой отец был всего лишь маленькой песчинкой в мятеже».

Король – это мудрый, спокойный, достаточно добрый, который может понять, он слушает и вершит суд. Он в зале в голубых тонах. Он производит впечатление сильного и властного. Несмотря на огромные размеры дракона, Король доминирует. Дракон мне напоминает мою мать. Мой отец очень стар. Обрести королевство – цель его жизни. Король дает ему шанс.

Король – важный, он молодой, он – мой друг, у него большая власть, но он не знает всего. Он не сходит с ума от ужаса, когда начинается бунт, но способен принять меры. Он напоминает мне моего дядю».

Этот молодой король, у которого «большая власть, но он не знает всего», – прекрасный образ маскулинной самости Рене, которая может появиться после встречи с первичной парой. Полнота, но не тотальность, он не всезнающий и не всемогущий – это особый урок. Он, тем не менее, способен хорошо управлять атаками, как материнского дракона, так и старого отца, еще вовлеченного в матриархальные интриги.

Рене признает в этом красноватом драконе, лишенном фаллического отростка, некое всемогущество и очарование, которое мать все еще оказывает на него. В своей мудрости Король довольствуется изгнанием монстра, то есть смещением его доминантной роли. Навсегда покончено с «Матерями»? Убийство вызвало бы инфляцию.

Рене удастся, опираясь на щедрость Короля, добиться реставрации отцовской и королевской функции «старого отца», некоей формы старого больного короля, который, и это в порядке вещей, должен взять на себя бремя королевства. То, что происходит, – это изменение понимания жизни, доминанты сознания, абсолютно необходимый переход в архетипе Отца. Совершенно замечательно – это Я Рене, которое торгуется с самостью и достигает своего. Его задача – «стать похожим на отца», и самость позволяет это.

Молодой Король, с одной стороны, опирается на дядю по отцовской линии (позитивный образ, с которым Рене может идентифицироваться), с другой стороны – на Анимус аналитика, как показывает сон, из сорок шестого сеанса.

«Я лечу над заболоченным лесом, с каким-то магом, на поиски реки. На пересечении четырех рек есть фонтан. Мы спускаемся к

этой волшебной воде. Я показываю дорогу магу, но он объясняет, что надо делать, чтобы выздоровели мои глаза. Маг – это вы.

Во второй половине сна я встречаю женщину. Это монстр, который превращается в близких вам людей, чтобы убить. В гроте из черных кирпичей она пытается вцепиться в меня. В другой более освещенной комнате я использую против нее прием дзюдо, и она умирает».

Этот сон заслуживает того, чтобы мы остановились на нем подробнее. Первая констатация: общение с молодым Королем вызывает *неизбежную инфляцию* Я Рене, которая приводит нас к полету к волшебному фонтану на пересечении рек Эдема. Во второй части инфляция господствует в желании убить Всемогущую Женщину с помощью простого приема дзюдо. В моих интерпретациях я заостряла внимание на этой необходимой инфляции. В действительности она представляет первое время интеграции новой энергии, к которой Я имеет доступ в его конфронтации с архетипической динамикой. Аналитическая работа состоит в нахождении значений, в том, чтобы добиться возможных результатов, где Я должно участвовать и взять на себя ответственность.

Вторая функция этого сна – выявить *формы и цели архетипического переноса*, носителем двойной проекции которого я являюсь. Во-первых, я – маг, моя маскулинность придает смысл и поддерживает Рене, который чувствует себя свободным в ведении игры. Во-вторых, женщина со своим магическим знанием, которая хочет казаться доброй матерью, чтобы крепче удерживать его в своей власти, его пугает; эта реакция Рене здоровая и прогрессивная. В действительности, желательно, чтобы в момент анализа Я опасалось оказаться узником переноса. Это деликатный этап – страх может спровоцировать разрыв аналитического отношения, но сон показывает, что аналитик должен остерегаться быть слишком хорошей матерью.

Как бы то ни было, этот эпизод и последующие сны, где отец поливает сад и ухаживает за раненой змеей, выводят на поверхность более доверительные отношения между отцом и сыном. Тем не менее, в следующем сне мать привозит сына на каникулы в шикарное бунгало. Конфликт, который пробуждает процесс сепарации-дифференциации, свирепствует в бессознательном.

В это время в обычной жизни Рене ведет несколько автономный образ существования, он уже пробует проявить свои мужские качества, а его сны иронично фиксируют ситуации, в которых он еще околдован детством и миром матерей.

Рене осознает свою *гомосексуальную проблематику*, когда достигает понимания вездесущности его матери и фемининности, которая говорит ему о фемининности отца. Контакт с девочками его возраста еще отдален, идеализация матери препятствует этому.

«Я влюблен в девочку, которая представляет меня своим не очень богатым родителям. Она приходит к моей бабушке по материнской линии в ту же комнату, что и я. Моя кровать – на нормальной высоте, ее – выше, и я не могу до нее добраться. Добраться до нее можно с помощью заржавленного механизма, который только что протерли от пыли. Я никогда им не пользовался. Моя мать слышит все это и запрещает мне к нему подходить».

Наперекор сознательному желанию гетеросексуальности, родительское либидо пока еще сильнее и ведет Рене к *регрессии*. Сильнее настолько, что на семьдесят втором сеансе он видит себя «запертым, в неудобном маленьком гроте, где я пытаюсь поиграть в футбол с чем-то вроде alter ego» (двуяйцовый близнец – его самость?). Во время его рассказа я представляю матку, которая сжимается в начале родов, я даю ему эту перспективную интерпретацию, которая его не убеждает. Это я сама чувствую сжатия.

Месяц спустя он рассказывает сон, где он уплывает на марсианском корабле к неизвестному, «которое считается опасным». Я делаю предположение, что это сексуальность, что его глубоко раздражает.

Этот период заканчивается через месяц *инцестуозным сном*, который его сильно потряс и привел в бешенство после всех моих намеков на сексуальность. На семьдесят седьмом сеансе, по возвращении из группового путешествия за границу, где в первый раз он почувствовал себя в своей тарелке среди сверстников, он рассказывает свой сон: «Я занимался любовью с моей матерью». Он перекладывает ответственность на меня из-за моей интерпретации сна с марсианским кораблем. «Это инициация, – добавляет он, – это что-то, от чего я должен отделаться».

Это также и *поворот анализа*: регрессивный фон, но и место возрождения. Действительно, во сне два уровня. Один – возвращение к телу матери, другой – активное утверждение мужественности. У Рене нет больше пассивного отношения к матери, он ощущает себя уже мужчиной, еще чувствующим запах семени, которым он оплодотворил свою мать, но ему только семнадцать лет. Он может также мне продемонстрировать свою агрессивность.

Пережитое во сне не стало разрушительным благодаря взглядам на жизнь, почерпнутым у аналитика и в своей культурной среде.

Хрупкость этих новых достижений выражается во сне:

«Я посещал квартиру преподавателя географии с моей матерью; но мои родители быстро меня увели».

Этот преподаватель «молодой мужчина, любящий путешествия и женщин, хорошо знающий свою профессию, умеет шутить, но также властный», комментирует Рене, который просто обожает его. В общем, отличная модель мужественности, которую, очевидно, родительские Сверх-Я опасаются, в то время как Я ее желает.

Последний год анализа позволяет добиться *баланса маскулинных и фемининных значимостей*, открывает доступ к отцу и завершается построением материнского негативного имаго.

Фигура *старика*, описываемая то как отец, то как мудрец – образ отцовской самости, – позволяет проявлять агрессивность и разрешает сепарацию, протягивая сновидцу нож. Происходит встреча с женщиной, которая не похожа на мать: это *Девушка*, летящая над скалой навстречу к Рене. В кого она воплотится?

Параллельно *образ героя уменьшается*, смещаясь от рыцаря с блестящим оружием к ученику, зубрящему алфавит. Итак, он очеловечивается, узнав чувство и значение слез, признав позитивную фемининность в себе и больше этого не стыдясь, пережив это как некий траур по абсолюту.

Критическая оценка отцовского и материнского Сверх-Я приводит к постепенному появлению *негативного материнского образа*, что разворачивает процесс сепарации-дифференциации. На девяносто первом сеансе (Рене семнадцать лет) мать и аналитик выходят на сцену. Речь больше не идет о мифическом драконе, а о гораздо более актуальных конфронтациях:

«Я иду к вам с моей матерью. У меня нет снов, мы говорим обо мне. Мы раздосадованы, так как мать хочет присутствовать при том, что мы делаем. Я ей говорю “нет”, она настаивает. Вы ей говорите “нет”, и мы выводим ее в комнату для ожидания. Вы говорите, что я тревожусь, но это нормально для анализа. Мы беседуем за едой. Моя мать открывает дверь. Мы бросаемся на свои места как два сообщника. Я не считаю, что это серьезно. Моя мать там, и у меня нет снов».

В своих ассоциациях Рене сначала делает акцент на том, что присутствие его матери, которую он больше не выносит, заставляет его задыхаться, и это помогает ему отделиться от нее. Прекрасная иллюстрация того, как Нойманн описывает развитие Я: «Архетип следующей фазы показывает его позитивную составляющую, и протекающая фаза, с ее ужасным, удушливым аспектом, который внушает страх (...) который оказывается очень полезным (...), вызванный самостью»⁵.

Потом он затрагивает перенос, место, где проигрывается дифференциация, благодаря проекции на аналитика. «Это вы ей говорите уйти», – Реми использует маскулинность аналитика для поддержки сепарации, а также в роли проводника: «Вы приблизительно знаете, куда я иду, но не объясняете мне. Вы соучастник работы, которую я делаю, вы – как тренер по футболу, который говорит: «У тебя все получится!»

Рене понимает, что нет необходимости рассказывать мне много снов: «Это не очень серьезно – кушать вместе». Первый раз отношение переноса и аналитическая работа так явно обсуждаются и критикуются. Отныне он будет рассказывать меньше снов, но прорабатывать их более глубоко.

Что касается впечатления о разговоре на равных в течение этого сеанса – это начало другого типа отношений; любовь и агрессивность здесь присутствуют, и он их уже может мне выражать. С моей стороны, я вижу становление его личности в столкновении с двумя матерями: это больше не маленький мальчик. Я обозначаю *дистанцию*, которую чувствую: «Теперь мне хочется говорить тебе «вы»». Что я и делаю.

Едва мы покидаем матриархальный мир, где мужчины воспринимаются как опасные, Рене снится сон, который вызывает у него удивление. В нем мужчины всего лишь – поставщики оружия, воры и нарушители, женщина их не боится. Эта женщина не я, а

Мадам Х, но она представляет, благодаря переносу, появление нового чувства и *новой позиции фемининности* между нами. «Это образ того, что фемининность во мне обладает маскулинностью, которая меняется. “Она” принимает мою мужественность и не боится больше мира мужчин». Эта позиция все еще может быть гомосексуальной, она будет обсуждаться позднее. Ее дело – работать с Анимой отца.

Через два месяца мальчику приснились еще два сна, они вводят *отцовскую функцию* и дают доступ к *этической позиции*, что требует *жертвы*.

«В комнате моего дяди я играю с лошадью ярко-голубого цвета».

Рене видит здесь мираж свободы, героическую мечту, которая больше не может существовать. Это побуждает покинуть воображаемое всемогущество и иллюзию всемогущества побуждения посредством осознанного принятия границ. Отныне сны будут отображать более обычный материал.

«Я со своим отцом. Он мне показывает таблицу: это информация по всем областям жизни, как выбраться из трудной ситуации. Он говорит мне, что это очень важно. Я предпочитаю посылать мои самолеты и их продавать. Я командую эскадрой и предпочитаю мои планы, чтобы произвести впечатление на покупателей. Мой отец умирает, и я понимаю, что следует изучить таблицу».

Этот сон выводит на сцену *отцовскую функцию* инициации социальной жизни. Рене, разумеется, предпочитает свои собственные проекты и претендует на представительность: «Я командую, и я впечатляю». Это отражает необходимость утверждения в оппозиции, классической в этом возрасте, которая, впрочем, не была прочувствована во сне.

Тем не менее, смерть отца, то есть наступление момента, когда архетип Отца перестает быть доминантой сознания, приведет к тому, что это отношение противостояния отомрет. Рене должен принять мудрость отцов и стать способным достичь этической, личной позиции. Это и есть стать взрослым.

Последние шесть месяцев анализа были посвящены *интеграции сексуальности*. Вот сон:

«Я индеец. Я живу вместе с индейцами. Они говорят мне, что я должен принести что-нибудь от буйвола, которого я должен победить».

Рене так комментирует этот иницирующий сон: «Этот буйвол – центр, на который направлено все; это сила предков, которую я обрел и интегрировал. Это сексуальный символ».

Сон и его интерпретация напоминают то, что говорил Юнг об архетипе Отца⁶, который позволяет овладеть сексуальным импульсом, поскольку появление отца исключает инцест. Ход анализа действительно иллюстрирует эту диалектику. Рене чувствует уверенность в себе, осознает внутреннюю силу, и в то же время признает свое право на слезы.

Отныне это женщина, а не мать, становится партнером в переносе, когда проявляется его мужественность. Рене может говорить о сексуальности со своими родителями и принять их сексуальности. Он позволяет себе также вспомнить несколько эротических снов, но еще рано пить за победу: это один из уроков для аналитика подростков. Построение архетипических структур происходит на наших глазах, но остается вовлеченность Я, и работа над этим займет больше или меньше времени, в зависимости от субъекта и обстоятельств жизни.

Гомосексуальность опять появляется на сто десятом сеансе, Рене оказывается перед выбором между гомосексуальностью и гетеросексуальностью. Отталкиваясь от культуры своего семейного и социального круга, Рене рассматривает гомосексуальность как один из путей сексуальной реализации, но вот что отвечает ему психическое на протяжении трех снов с небольшими промежутками между ними.

– Первый сон: «Что-то круглое, что поглощает и душит звезды, нечто вроде протозавра, поедающего свет».

Мы интерпретируем это как образ самости, еще архаичный, отказывающийся от дифференциации и осознания. Это предупреждение для Рене: обнаружить здесь точку опоры.

– Второй сон: «С моей матерью мы встречаем раненую лошадку. Моя мать хочет отвести ее в соответствующие инстанции. Крупный мужчина заставляет меня сесть на лошадь, несмотря на ее раны. Когда я пересекаю Амазонку, лошадь выздоравливает».

Рене чувствует, что речь идет о чем-то, что выходит за рамки гомосексуальности. Его либидо, раненное матерью, теперь

выздоровело, что показывает ему мужчина, не имеющий ничего общего с его отцом, заставляя его принять свое либидо и управлять им. «Пересечь Амазонку», возможно, означает поставить все на карту и рискнуть пересечь порог, покинуть мир «Матерей» и идти навстречу неизвестной женщине, идти как мужчина.

– Третий сон: «Кристалл. Я чувствую его вокруг меня как друга. Потом он уже передо мной и кажется мне гораздо более опасным, он хочет снова поставить меня на землю».

Рене пытается описать и комментировать: «Это как объект под прицелом. Это не то, что я должен достичь, это было бы деструктивным очарованием, абсолютным нарциссизмом». Рене говорит о своей необходимости творить, петь, кричать... о своих планах на лето с друзьями.

Этот кристалл есть также и образ самости, но в его организаторской функции, которая стремится заставить развиваться человеческую сущность вольно или невольно. Я чувствует ее как опасность. Рене осознает так же хорошо и другую опасность, которую таит в себе слишком близкое приближение к самости: очарование и нарциссическое любование, от которого погибают.

И вот *сон конца анализа*, brutальный, как у большинства подростков. После каникул мы начали над ним работать, но он прервал работу в связи с недоразумением, касающимся встречи; он смог объяснить его себе только два года спустя.

«Я на море с матерью, но ее я не вижу. Мы плаваем вдоль берега. Здесь море – это океан, спрятанная мужская сила, Посейдон. Я вижу много кораблей с огромными парусами, как крыльями. Я думаю, что они могут летать. Потом я вижу, что это сети для ловли рыбы. Я плавал кролем, сначала плохо, но потом понял, что это как будто ползать. Моя мать появляется как советчик. В конце она почти уже не появляется».

Мать-аналитик научила его плавать и поддерживать связь с берегом, равно как и улавливать содержания бессознательного, которое должно привести его к земле, к сознанию, а не летать более в придуманном мире воображения. Новая позиция Я кажется достигнутой.

Материнские ценности все еще присутствуют, но играют роль не более чем советчика. Покинуть архетип ни в коем случае не означает оставить его ценности, но, наоборот, иметь их в своем

распоряжении в случае необходимости, хотя архетип, о котором идет речь, необязательно доминирует в данный момент.

Напротив, у этого молодого человека восемнадцати лет начинаются поиски Анимы; но это уже другая история.

Если мы оглянемся назад, то увидим *путь архетипического процесса* трансформации, проходящий одновременно с половым созреванием в подростковом возрасте. Он начался под влиянием самости тела и признания телесной сексуальности, то есть в поляризации фемининность-маскулинность.

Первая встреча с архетипом Матери выводит на сцену роль фемининности, которая связывает человека с его инстинктами, с мирами внешним и внутренним: функция эроса.

Тогда же начинаются поиски другого полюса – маскулинности, ее можно взять от обоих родителей. Нуминозная встреча с первоначальной родительской парой прекращает эту поляризацию и дает начало переоценке отношений между маскулинностью и фемининностью.

Появление маскулинной самости, молодого Короля, имеет два последствия: признание архетипа Отца, на который опирается восстановление отцовского имаго, и поддержка Я в бессознательном в тот момент, когда Я разворачивает борьбу против материнского дракона.

Регрессия, возбуждаемая этой борьбой, первый раз ставит проблему гомосексуальности и заканчивается символическим инцестом с матерью. От тела матери субъект рождается вновь, он является носителем ценностей двух полов. Их дисбаланс ослабляет героическую позицию до необходимого уровня.

Построение негативного материнского имаго заканчивает дифференциацию положительных и отрицательных сторон архетипа матери. Позитивный полюс проводника, спроецированный на аналитика, таким образом, признан. Мать больше не преграждает дорогу к мужским ценностям – настоящая отцовская функция может, наконец, выстраиваться. Отличная от классического Сверх-Я, она дает доступ к личной этике.

Сексуальность может быть затронута в отношении к Другому только после рассмотрения гомосексуального либидо.

В конце этих четырех лет работы архетип матери выполняет только функцию проводника; Анима может проявить себя.

В заключение отметим, что психическая динамика, вызванная телесной самостью, питает сначала структурный архетипический уровень, чтобы оживить родительские имаго и привести к реорганизации отношений Я с семейным кругом, с окружением и с внутренним миром: это прогрессивное восстановление, где Я становится партнером самости.

После этого рассказа интересно перечитать работу Нойманна, озаглавленную «Активация коллективного бессознательного и изменения Эго в период полового созревания», которая входит в сборник «Происхождение и развитие сознания»⁷. «Отделение от родительских имаго, то есть от реальных родителей, которое должно произойти в период полового созревания, вызывается, как показывают примитивные обряды инициации, активацией образов надличностных, или Первых, Родителей». Коллективность тогда обременена необходимостью оказывать поддержку проекции для архетипов Матери и Отца. «Критерием “созревания” является то, что индивид выводится из семейного круга и вводится в мир Великих Дарителей Жизни. Соответственно, половое созревание – это время возрождения, и его символизм является символизмом героя, который возрождается посредством сражения с драконом». Этот период «ночного путешествия» обозначен обрядами, где «духовный или сознательный принцип одолевает дракона матери, а узы, связывающие ее [личность] с матерью и детством, а также с бессознательным, разрываются. Окончательная стабилизация Эго, которая происходит с трудом, стадия за стадией, соответствует окончательному убийству дракона матери в период полового созревания». И тогда может появиться Анима и поиски души-партнера. «Возродившийся перерождается через принцип отца, с которым он отождествлял себя при инициации (...). Во время допубертатного периода Эго постепенно занимало центральное положение; теперь, с наступлением половой зрелости, оно наконец становится носителем индивидуальности». Некое творческое напряжение должно быть создано между двумя системами: сознанием и бессознательным. Отныне архетипические ценности будут воплощаться под руководством предков в духовном мире коллективного.

«Быть инициированным и быть взрослым означает быть ответственным членом коллектива, ибо с этого момента выходящее за рамки личного значение Эго и индивида включается в культуру коллектива и ее канон».

Опыт, прожитый Рене за четыре года, содержит иницирующие элементы, описанные Нойманном. Разница, безусловно, есть, в одном маленьком факте. Речь идет не о практическом освоении патриархального коллективного, а, напротив, о процессе индивидуации, запущенным двойственным отношением.

В своем противостоянии родительским Сверх-Я, благодаря работе над имаго, анализируемый выбирает свой путь, наиболее правильный для него, к двум коллективным инстанциям: коллективному бессознательному и коллективному социальному, чтобы создать личную систему ценностей. Более не стоит вопрос об исключении из человеческой группы – Рене установил нормальные отношения со своими сверстниками; но также и не возникает вопрос о слепом принятии коллективных моральных и социальных ценностей.

И в завершение хочу подчеркнуть, что теперь его задача – управлять полученным опытом и пользоваться им в дальнейших жизненных ситуациях.

Часть четвертая Образ

Глава первая О некоторых волках

Ребенок, находясь лишь одной ногой в мире сознания, располагает необходимым чутьем, чтобы по-дружески разговаривать с животным, живущим в нем.

К.Г. Юнг¹

Девочка и волк

«У-у...»

Маленькая девочка стояла у окна и смотрела, как ветер выворачивает деревья в саду. Темнело. Она боялась.

Рядом в кресле всхлипывала мать, поглощенная горем – смертью своей матери. Девочка оставалась наедине со своей тревогой, которая поднималась и охватывала ее. Она шептала: «Господин Волк, я вела себя хорошо. Не ешьте меня!»

Ребенок окружил себя куклами – поскольку матери было не до нее, – и, уединившись в своей комнате, сосредоточился на этом заклинании.

Отец пришел позже и окружил маму своей беспокойной заботой: маленькая девочка это хорошо видела.

Прошло сорок лет, но этот образ присутствует в жизни анализируемой все в той же эмоциональной тональности. Покинутость, одиночество, тревога – четырехлетний ребенок справляется с ними при помощи темного животного. В момент, когда бродила смерть, в сознании девочки внезапно возник один из тех образов, что приходит из глубины поколений и несет человеческий опыт. Ребенок впитал в себя то, что выросло на этой почве. «По-дружески разговаривать» – слова Юнга оптимистичны: только находясь в анализе, эта женщина смогла отдать справедливость волку своего детства, который, несомненно, уберег ее от разрушения.

Что же произошло в этот день? Девочка столкнулась с надвигающейся тревогой – реальность больше не была надежной. Ночь не протягивала руку помощи: она наполнилась завываниями ветра. Сад больше не был волшебной обителью принцессы, в нем поселились страдания и страхи.

И среди опасностей этой бури реальная мать отсутствовала, погруженная в собственную глубокую печаль из-за недавней смерти своей матери – она была мертва для своей дочери. Смерть и покинутость поселились в пространстве между матерью и дочерью, в пространстве, которое прежде было заполнено теплотой их отношений.

Именно в этой тревоге утраты какой бы то ни было опоры и появляется Волк, устрашающий образ, но в то же время кто-то, с кем можно поговорить. Страшный, но собеседник. Эти великие образы возникают из бессознательного, выполняя компенсаторную функцию, в моменты, когда подвергаются опасности биологические и психические основы личности, говорит Юнг.

Воображение предоставляет ребенку защиту, которую не могла в тот момент дать мать, неспособная говорить об их общем страхе. Этот образ подействовал одновременно на чувственный опыт и на его восприятие. Вой, темнота и страдания деревьев соединились с невидимой силой ветра, чтобы изранить ребенка агрессивными ощущениями в то время, как боязнь покинутости вела к одиночеству, куда ребенка погружала «смерть» матери, в понимании Грина – ее психическое и эмоциональное отсутствие².

Но почему именно волк – животное с дурной славой, привыкшее к ночи и холоду, которое ступает на территорию человека только тогда, когда природа становится сурова и безжалостна к нему? образу волка соответствует ситуация.

Страх поглощения, который приходит с волком, ярко иллюстрирует неосознанный внутренний страх ребенка, охваченного боязнью смерти матери. Тем не менее, *нуминозность* образа выражает также и его жизненную энергию. *Ребенок, он также и волк*, которого призывает девочка, умеет защищаться от ночи, холода и голода. Этот волк принадлежит оральности Архаической зависимости, которая лежит в основе здоровой психики и счастливого развития. Он соединяет негативные превратности судьбы и отсылает к ранее пережитому негативному опыту, затемняя и омрачая первичную самость. Рождение было трудным, с использованием щипцов, несколько несчастий, происшедших одновременно, омрачили пережитый психосоматический опыт девочки, несмотря на это, полной жизненной энергии. Так сложился «комплекс волка». Впоследствии каждый новый удар судьбы активизировал этот комплекс.

Однако этот образ, с которым ребенок вступил в диалог, вносил некоторую динамику. Девочка смогла покинуть свою мать и место, наполненное ужасом, найти свою комнату и кукол, обрести способность быть одной и опорой в игре, вступив в отношения со своей самостью. Став женщиной и придя в анализ, она увидела свою судьбу и смогла ее принять.

Тем не менее, формы, в которых ребенок обратился к волку, раскрывают весьма своеобразные способы защиты. Девочка опирается на свое соответствие требованиям Сверх-Я: «я вела себя хорошо», чтобы повернуться лицом к тревоге. Ее волк представляет парадоксальную ситуацию: противопоставить атакам Ужасной Матери покровительство патриархального Сверх-Я, очень рано

интериоризированного.

Этот рассказ позволяет нам наблюдать процесс кристаллизации образа прямо на наших глазах, объединение в этом образе и приведение в законченный вид целого комплекса сенсорных, синестетических и эмоциональных ощущений, вызывающих мощный аффект, который мог бы быть деструктивным, диссоциирующим, фрагментирующим. Образ позволяет вести диалог, рассматривать его с точки зрения прошлого опыта и распознавать проекции, другими словами, – осознавать. Здесь образ – слово, но обращение с мольбой показывает, тем не менее, что это для ребенка живое и действующее существо, по отношению к которому полагается вести себя исключительно вежливо.

Этот клинический пример напомнил мне семинар «Волк», проведенный двадцать лет назад с Эли Умбер и с группой детских психоаналитиков. Мы работали с семнадцатью детьми (восемь девочек, девять мальчиков), у нас состоялось около пятидесяти встреч, в результате чего родился труд «Тетрадь»³. Этот обмен опытом нас увлекал; живой образ, появившись в переносе, проявлялся у каждого из нас во всей своей полноте, позволяя нам формулировать первые принципы нашей клинической детской юнгианской терапии.

Выдержит ли проверку временем тот волк и как он будет сочетаться с волком сегодняшних встреч?

Кошмар Базиля

«Я боюсь волка», – жалуется Базиль, который будит свою маму уже несколько ночей. Он довольно быстро засыпает снова, убеждаясь, что мама рядом и отвечает на его зов.

Базиль – маленький мальчик, которому два года и четыре месяца. У него два брата, старший из которых проходит курс психотерапии: у него были кошмары, связанные с волком. Трое мальчиков играют в волка. Мать добилась с младшим некоторой полноты в отношениях и приспособилась к ритму жизни ребенка, опыт которого отличался от опыта старшего брата.

Несмотря на то, что кошмар Базиля мог появиться под влиянием старшего брата, реальный сон выражает тревогу конфликта, который Базиль сейчас переживает в своей жизни. Днем

этот конфликт проявляется в его отношениях с матерью. Он пылко говорит «нет» по любому поводу и не хочет больше спать в детской кроватке. Но в своих играх, наоборот, он нежно заботится о своей кукле, и кажется, что Базиль старается спасти младенца, попавшего в ситуацию, когда дальнейший рост – это требование развития. Он интериоризирует образ матери и берет на себя настойчивую материнскую заботу; но ночью тревога становится сильнее и наш малыш находит тот образ, который готов содержать его тревогу и надежность которого была проверена на старших братьях. Это хороший контейнер, и мать воспринимает его всерьез.

Через несколько недель страхам приходит конец. Базиль становится достаточно автономным и уверенным в себе, чтобы отправить волка на полку в шкаф, где хранятся ставшие ненужными предметы, воплощавшие защитные образы. В решающий момент образ волка стал воплощением необходимости сепарации от матери и связанной с этим тревогой.

Волки Даниель

«Я была в лесу. Дяденька забрался в нору, она его жжет. Внутри был огонь, и дяденька обжег ногу. Потом он пошел в лес. Я ему делаю больно, потому что он мне делает больно. Он меня щиплет, и я его щиплю. Потом был домик. Дяденька ударился головой о крышу, и домик загорелся».

Даниель рисует дом в красных каракулях и говорит: «Это не каракули, это огонь, – потом добавляет: – Папа говорит, что он бросит своих детей в огонь. Папа и мама больше не вместе, они поссорились». Затем, с выраженным эротическим возбуждением, она рассказывает свой старый сон.

«Когда мне было три или четыре года, мне снился плохой сон. В кабинете жил волк. Я закрывала дверь, чтобы он меня не укусил. Я хотела бежать к маме. Папа уже ушел. Волки думали, что они сильнее нас. Однажды мы с сестрой их выбросили в окно – трех, а потом еще трех. Нужно было бросать быстро, чтобы не успели укусить».

Даниель рисует план квартиры, показывая, что кабинет разделяет детскую и комнату матери.

«Что происходит в маминой комнате?

– Там находится мой друг. Нет, тогда мы его еще не знали.

– Папа?

– Он больше там не жил. Потом жили волки. Я была с сестрой, волки хотели нас покусать. Мы их выбросили в окно, сразу пятерых. Моя сестра устала и выбросила только двух. Теперь будем считать».

Отметим здесь защитную роль мышления (устный счет), когда аффект становится слишком сильным.

Что это за ребенок, у которого *на втором сеансе анализа* появляется множество волков в разнообразных значениях?

Даниель было шесть лет, когда я с ней познакомилась. Она родилась недоношенной, второй в паре однояйцовых близнецов. Довольно хрупкая, выкормленная грудью, но в небезопасной обстановке. Отец депрессивный, иногда грубый. Мать с ярко выраженной маскулинностью, которой собственное развитие позволило создать хороший материнский климат. История детей хаотична, в ней много переездов и разлук. Окончательный разрыв родителей происходит, когда девочкам пять лет. Бабушка со стороны отца, вдова, появляется в жизни детей к началу терапии, что укрепляет отцовскую линию.

Пара близнецов поначалу довольно закрыта, в ней сестра Даниель играет мужскую роль, дети очень рано начинают сексуальные игры. Несколько лет Даниель соматизирует свою тревогу, жалуясь по очереди на боль в голове, желудке, блуждающие боли повсюду. Дома она часто груба, вспыльчива, вне дома, с другими детьми, не может сохранять дружеские связи, которые крадет ее сестра.

Проблема, проявившаяся на первой встрече в рисунках, свидетельствует о необходимости разбить зеркало, в котором каждый из близнецов видит свою копию, и предвещает столкновение с двуполой архаической матерью, которая выплескивала свою агрессию огромным потоком мочи.

В сфере этих отношений возникает вопрос – что обозначают волки, которых становится все больше, когда психологические образования активизируются и ребенку не удастся их сдерживать? Волк упоминается в *атмосфере скорее эротической, нежели тревожной*, пробужденной мужской маскулинностью в ребенке, который отвечает в том же тоне на агрессивное обольщение. Огонь ярко показывает интенсивность сексуального побуждения, объектом которого является мужчина матери: «*мой друг*». Волк, от

которого ребенок пытается защититься, закрывая дверь, воплощает тревогу, вызванную побуждением, сила которого необычна для ребенка такого возраста. Образ волка демонстрирует необходимость *избавиться от того, что прерывает здоровую связь между матерью и дочерью*, так же как укусы зависти, которые чувствует ребенок, исключенный из родительской спальни, – *структурообразующее страдание третьего лишнего*.

Кроме того, в словах Даниель образ волков настойчиво связывается с расставанием родителей и отсутствием отца. В три года ребенок почувствовал, что в отношениях родителей возникла трещина, это усилило ощущение небезопасности и оставило девочку *во власти матери*. Вполне понятно, что в эти болезненные годы мать сохраняла свои архаические атрибуты, и таким образом росла сила ее притяжения для ребенка, пытающегося с ней соединиться. Тогда-то и возникает волк, который кусает и *запрещает возврат к симбиотической связи* — проявлению чар архетипа Великой Матери.

Во время *третьего сеанса* Даниель подавлена. Она перебирает и выбрасывает слишком старые предметы, приводя в порядок кабинет, проговаривая свое беспокойство: ее тревожит необходимость найти свою идентичность в близнецовой паре и невозможность добиться исключительной любви своей матери.

В течение следующих месяцев (двадцать один сеанс) шаг за шагом восстанавливались понятие семьи, укрепленное бабушкой с отцовской стороны, и самоидентификация; в играх с куклой присутствовала дифференцирующая агрессивность по отношению к сестре, а потом к матери. Признание своей маскулинности и собственной роли появляется в снах, амплифицированных рисунками, в то время как в семье устанавливается позитивная связь с матерью, как и в переносе, где больше нет речи о соблазнении аналитика.

Волк снова появляется на последующих трех сеансах.

На двадцать пятой встрече Даниель выносит на обсуждение свой внутренний вопрос: как заставить жить вместе и разместить: свинью и собаку, волка и пингвина – количество животных представляет собой различные побуждения? Здесь девочка идентифицирует себя с волком, демонстрируя агрессивную

мимику. Затем она строит дом, решает погрузить в один поезд всех животных, включая волка, который чуть было не был раздавлен.

Двадцать шестой сеанс уточняет *признание агрессивного побуждения*, в данном случае четко направленного против всесильной матери.

«Рассерженная злая фея напугала меня в конце сна. Она думала, что я что-то украла. Это была не я, это был волк». Даниель идет писать в туалет.

«Волк был одет маленьким кроликом. Фея его ласкала, а он ее кусал. Это был маленький волчонок. Он украл деньги из кошелька, и она думала, что это сделала я. Она знала, что милый маленький ребенок иногда бывает злым».

Волчонок, который хочет спрятаться под шкурой кролика, – это в большей степени ребенок, пытающийся принять «волка» в моменты собственной агрессии и зависти к все еще всесильной матери. Она же – и «маленький кролик», один из первых образов Я, которое стремится к большей автономии, и которое осторожно выходит из матери-земли, украв при этом сокровище.

Двадцать седьмой сеанс выводит на сцену *смерть волка* в игре с марионетками.

«Красная Шапочка приводит волка. Его кусает собака. Волк умирает. Приходит король: “Волк умер?” Ты говоришь: “Да!” (аналитику) Король видит, что волк действительно умер? и уносит его. (Даниель берет собаку и поезд.) Собака говорит: “Королечек, я боюсь, здесь поезд. Однажды он меня раздавил, и я была в больнице”. Полицейский и фея бьют друг друга, потом две сестры-близнецы дерутся. Приходит странный принц. Волки сдохли. Теперь мне снятся красивые сны».

Насколько я могу заключить из собственного опыта, в подобных случаях волк умирает редко, обычно он превращается или исчезает, возвращаясь в лес. Так кто же здесь умер? Смерть настолько важна, что она должна быть подтверждена аналитиком и королем, который уносит волка, но только куда? В королевство великих образов коллективного бессознательного? Даниель кажется освобожденной от того, что мешало ее развитию, – преждевременно развившейся сексуальности и слишком сильных связей, вызванных негативным комплексом Матери. Королевская маскулинность завершает этот эпизод. Заметим, какой подарок

интуитивно делает мать, – дарит Даниель великолепного плюшевого льва.

Следующий семестр представляет собой, с одной стороны, установление крепкой связи с бабушкой по отцовской линии и со своей семьей, и, с другой стороны, развитие позитивного отцовского образа, воплощенного в спутнике матери.

Два сеанса положили конец в этом анализе периоду волков.

Тридцать восьмой сеанс открылся рисунком на доске, где бабушка носит королевскую корону. Затем Даниель вырезает и раскрашивает двух драконов – одного зеленого, другого – фиолетового. «Это зло», – комментирует она. Потом настает очередь ковбоя, совсем маленького мальчика и «злого волчонка». Она унесет его с собой, постановив, что «это хороший собако-волк!»

Хотя в начале анализа в контракте было оговорено обязательство оставлять все сделанное детьми в кабинете терапевта, чтобы они могли увидеть их во время последующих сеансов, я позволила нарушить контракт, поскольку чувствовала, что Даниель нуждается в поддержке, чтобы пережить дома период трансформации. Собако-волк, на самом деле, – наиболее частое превращение волка, особенно у девочек. Вечный сторож порога, он больше не вызывает тревоги и объединяет в себе два аспекта – поглощающий и опекающий.

На сороковом сеансе Даниель захотела увидеть «*тетушку-горшочек*» – маленькую ночную вазу, которую она украсила женским изображением и отдала на хранение своему аналитику много месяцев назад. Убедившись в наличии славного сосуда, Даниель рисует свой ночной сон. Эта картинка носит откровенный характер.

Сначала черный зверь в центре: «Ты знаешь черных баранов? Нет! Это волк. Мой папа (персонаж со спины, голова круглая и черная, верхняя часть тела красная, синие штаны). Я была с ним, я дала ему руку (со спины, волосы коричневые, костюм с зелеными брюками). Я не видела волка. Моя сестра (на картинке не представлена) спаслась сама, потому что она его видела. Но мы не знали, что он здесь. Я не могла бежать, а мой папа убежал. Волк нас разлучил, я проснулась».

Даниель рисует деревья в лесу, одни вытянутые, другие круглые. А вот появляется фаллическое дерево, которое скрывает волка – черного зверя, главный образ. Девочка пытается обуздать тревогу, которая возникает в ней, смеясь над черными баранами, играя на противопоставлениях. «Пока не увидели волка, можно быть вместе», – подводит итог сна Даниель. Невинность изжита, и тройная сепарация-дифференциация выходит на сцену: сначала с сестрой, затем с отцом и, наконец, с лесом – бессознательным. Я вижу в этом запрет на регресс, а также индивидуацию, которая ищет себя в этом страдании.

После этого эпизода появится молодой человек: друг и защитник из снов, маленький школьный друг – утверждение *собственной индивидуальности*, выраженное в попытке подписи, в которой Даниель самоопределяется как дочь своих отца и матери, имеющих разные фамилии и разных партнеров.

Реми

«Я был в стране во времена галлов, и первая девочка, спрятавшаяся на дереве, показала мне дорогу. Вторая девочка, рядом с деревом, велела идти по ней.

Я попадаю на дорогу, где ездят только немецкие машины. Я говорю, что это невозможно, ведь это же Галлия.

Я иду дальше. Прихожу в село очень бедных людей. Мужчины, вооруженные вилами, хотят на меня напасть.

Я просыпаюсь и вижу в окне волка, который смотрит на меня. Я не решился заснуть снова, из страха быть съеденным». Реми рисует волка: голова в складках занавески, очень похожа на голову дьявола с рогами. Он рисует также дерево, которое плачет, – его левая ветка срублена.

Реми девять с половиной лет, когда мы с ним знакомимся. Это красивый ребенок с еще румяным личиком, носит очки. Заговорил он поздно, выражает свои мысли с трудом, примитивными предложениями, поэтому я удивлена его хорошо структурированным рассказом. Реми страдает дислексией и не может научиться писать правильно; он отстает на один год в школе, у него нет никакого желания учиться, хотя у него нормальные способности. У него мало друзей, он мечтает на уроках, так же

как и дома. Он тяготеет к одиночеству, сосет свой палец, и его интроверсия внушает тревогу. Он выражает мало чувств и представляет различные навязчивости, выраженные в частом мытье рук и зачарованности электрическим светом.

Реми старший из трех мальчиков, среднему – семь с половиной лет, младшему – восемнадцать месяцев. Отец тревожный, с фобическими защитами. По словам матери, он не принимает участие в воспитании детей; я (аналитик) не могла встретиться с ним в течение нескольких месяцев. Мать родилась во время войны, в семье, где было шестеро детей, провела пятнадцать лет своей жизни в пансионе, с пяти до двадцати лет. Она плохо умеет выражать свою материнскую любовь, потому что она сама ее мало знала, и первые отношения с Реми были такими же бедными, как «деревня очень бедных людей», которую описывает ее сын. Реми, напротив, нашел и продолжает находить структурирующие отношения с мужчинами, благодаря своему деду и одному из дядей, по материнской линии.

В семье большие материальные трудности, мать вынуждена работать с момента рождения второго ребенка. С двух лет утром Реми в яслях, после обеда с няней – юной девушкой, и так до поступления в подготовительный класс, в котором ему пришлось обучаться два года. Он так и не принял этого нового этапа самостоятельности, но, главным образом, из-за не пройденной сепарации с няней, которая заменяла ему мать. Их отношения были теплыми, и я предполагаю, что именно здесь частично находятся истоки образов – девочки из сна и плачущее дерево.

Перед летними каникулами, после двух предварительных встреч, я предлагаю Реми и его матери возобновить работу после начала учебного года. *Когда он находился в летнем лагере*, где он плохо адаптировался к жизни в коллективе, Реми приснился этот сон, который его глубоко впечатлил, и он рассказал мне его на первом сеансе. За этим сном последовали кошмары, в которых фигурируют воры. В этот же период Реми в школе сломал левую руку. Он не может точно назвать дату сна по отношению к перелому. Перелом показывает, насколько сложно пережить процесс сепарации.

Я уже рассказывала этот первый сон Реми, иллюстрируя гипотезу, которая лежит в основе работы детских аналитиков: о первичной самости, как о сомато-психическом организаторе в

архетипической ситуации переноса. Именно здесь она приводит к некоторому исцелению ран, а также поддерживает процесс развития и индивидуации.

Рассмотрим теперь *волка* с точки зрения его функции и смысла. Рисунок плачущего *дерева* со сломанной веткой выводит на поверхность настолько глубокую и архаическую рану, что она проявляется на вегетативном уровне. Дерево означает не только опасности, которым подвергается Я в процессе жизни, но и то время, когда маленькое Я младенца Реми проявлялось, главным образом, во взаимоотношениях тела с его вегетативными ритмами.

Реми, с помощью образа дерева, хочет сказать, что его смертельная боязнь волка имеет свои источники в том очень далеком времени, когда отношения с матерью проявлялись во взаимной агрессии: мужчины, вооруженные вилами, преграждающие вход в материнское село. Этот опыт агрессии и ампутировал левую (материнскую) ветку у дерева, а недавно лишило Реми возможности использовать свою левую руку. Что касается процесса развития, установившегося в переносе, он с самого начала был позитивный и представлен во сне двумя девочками. В ходе анализа ребенку предлагается встать на регрессивный терапевтический уровень, чтобы, наконец, укрепить свою личность на более прочной основе: на основе опыта позитивного материнского отношения, прожитого в переносе, и благодаря тому, что было прожито в анализе, стали возможны счастливые перемены в отношениях с матерью.

Что касается волка, то вначале ребенка пугает *его взгляд*, страх поглощения приходит позднее, он появляется уже после пробуждения, он рациональный – это скорее продукт сознательного. Волк – это только голова, которая напоминает дьявола (ребенок обращает на это мое внимание), но которая подчеркивает диссоциацию, активизирующую негативный комплекс Матери у Реми, вызванный неудавшейся сепарацией. Ощущение взгляда особенно чувствуется в течение первых четырех сеансов, на которых он рассказывает или рисует плачущие или чарующие глаза. Это ощущение также подчеркивает то, что рана была нанесена в самые первые годы жизни ребенка, в то время, когда отношения становятся всего лишь игрой взглядов, если телу младенца не хватает заботы. Тем не менее, контейнирование тревоги и указание на ее архаическое происхождение – не

единственная функция этого образа. В действительности этот волк будит, выразительно смотрит и подталкивает к осознанию. В любом случае, это предложение психического к началу анализа.

Рисунки матери-утки и ее пяти утят, уже описанные выше, дополняют анамнез на втором сеансе. Они открывают *цикл змеи*, второго животного – носителя смысла у этого ребенка. Здесь она проглатывает яйцо, снесенное уткой, и становится беременной. По моему мнению, она играет позитивную роль защитника жизни. Тем не менее, я отмечаю настойчивый, скорее загадочный взгляд матери: поспешит ли она отправить своих детенышей в пасть лисы или змеи, боится ли она, что утята выйдут в самостоятельную жизнь, полную опасностей?

Побуждающий взгляд снова появляется на третьем сеансе, на этот раз – с риском быть проглоченным и с вероятным сексуальным насилием.

Теперь на всю высоту листа появляется угрожающий персонаж с огненными глазами, с открытым ртом и зубами акулы, размахивающий огромным автоматом, который он держит, как собственный пенис. Этот персонаж похож на Реми. «Это бравый парень (персонаж из комикса). У него автомат, Микки разыскивает сокровища. У него тельняшка. Это моряк, который хочет потопить лодку. Это военный моряк». Я говорю Реми, что искать сокровища моря (матери) и держаться как мужчина – это значит встретить тройную агрессивность. Я замечаю также, что потопить лодку означает остаться без того, что она несет и содержит.

Этот «военный моряк» показался мне очень близким к маскулинному воину, фактору отделения от матери, как его описывает Нойманн⁴. Чтобы быть эффективным, ему нужна поддержка в мире отношений ребенка. Конечно, Анимус аналитика является первым помощником, но отец был бы более естественным помощником сепарации, потому как дед и дядя по материнской линии все еще оставляют Реми в мире матери.

Волк снова появляется на четвертом сеансе. Он трансформировался; теперь он нарисован целиком, но это гибрид «волк-конь», который открывает любопытный круг образов, казалось бы, ничем не связанных между собой, кроме очередности их появления. Реми пытается комментировать:

«Там (правая середина) волк-конь: у него голова волка, но это конь, который прогуливается (в левую сторону). Еще есть сова (целиком) и кошка (голова с горящими глазами) между волком и совой».

Поднимаясь влево, Реми рисует испуганную голову, потом еще выше и левее – голову птицы, напоминающую мать-утку, и голову ребенка в очках, смотрящего прямо перед собой. Он похож на Реми, вид у него улыбающийся и вопрошающий. Под ним вдалеке – дом, из трубы которого валит дым, у дома нет двери, и вместо окон – настойчивые глаза. Затем следует голова клоуна в очках и круглой шляпе, наверху справа, вместе с каким-то непонятным предметом, что-то вроде четырехугольного сосуда или камеры, или это набросок головы? Теперь внизу в середине появляется голова клоуна с длинным носом и заостренной шляпой, в противовес первому клоуну с круглыми формами. Слева от него – плачущее дерево, его левая ветка отломана и находится справа от клоуна, она как бы венчает подпись. Рисунок заканчивается в самом центре появлением «летучих мышей со светящимися в ночи глазами. Можно было бы сказать, что это тропинка», комментирует Реми. Динамика рисунка ведет вправо, как раз над волком-конем, замыкая круг.

После этого сеанса в рисунках исчезают изображения волка и завораживающих глаз, а в обычной жизни появляются навязчивые включения и выключения света, что часто встречается у двухгодовалых детей, которые с помощью амбивалентности пытаются проявить независимость от собственной матери. В этом устанавливается дифференциация день-ночь, сознание-бессознательное.

Волк, который больше не ужасает, кажется, удовлетворен тем, что его присоединили к либидо коня, и прогуливается с деловым видом, будто проводя инвентаризацию того, что возникает в его сознании. С появлением совы и летучих мышей Реми обретает способность видеть ночью, которая предвосхищает установление отношений с бессознательным и возможность воспользоваться своей Анимой как проводником, но это – дело будущего. Нужно будет ждать целый год, чтобы накануне расставания на время летних каникул Реми нарисовал *великолепную сову*, так похожую на него. «Это редко и красиво; это животное трудно нарисовать. Оно

не такое, как все остальные, оно видит ночью», – комментирует он. Взгляд более не угрожающий, но поддерживающий.

Это развитие свидетельствует о процессе, не имеющем ничего общего с сублимацией импульса. Мы присутствуем при изменении уровня развития и при постепенном «одухотворении».

Отталкиваясь от ощущения (за тобой наблюдают), либидо постепенно инвестирует мысль (познание), чтобы окончательно расцвести в интуиции и чувстве. И эти четыре опоры становятся надежными проводниками Я.

Игра марионеток, происходящая на *пятом сеансе*, означает, без сомнения, *раннее взросление Анимы*.

«Король хочет выдать замуж свою дочь. Колдун этого не хочет, полицейский очень хотел бы ее. Дочь не хочет выходить замуж, она смеется над ними. Король взбешен. И тогда один старый добряк уводит ее и ведет какое-то время через красивый лес».

Фемининность Реми все еще нуждается в некоем инкубационном периоде под руководством старого мужчины, это образ позитивной маскулинной самости, который, без сомнения, складывается благодаря дедушке. Похвально, что принцесса рвет со старыми негативными доминантами – колдуном и полицейским, обобщенным родительским образом и архаическим Сверх-Я, которые рискуют оставить Реми в гомосексуальной позиции. В конце сеанса появляется рисунок *домового* – маленького смешливого Я, пока еще застенчивого, но очень убедительного.

Следующие девять сеансов выводят на сцену *терапевтическую регрессию*, предсказанную тем, что змея вынашивает яйцо: вначале появление хаотичного мира, где через рисунок и пластилин Реми ищет свой дом и свои истоки. Попытки реконструкции, придания вертикального положения, потом гуманизация, с появлением маленьких человеко-обезьян, указывают на улучшение.

В обычной жизни навязчивые демонстрации и ипохондрические заботы постепенно исчезают. Реми более охотно ходит в школу, становится агрессивным с матерью и братьями, начинает любить футбол и, наконец, на четырнадцатом сеансе, задавать вопросы, которые никогда ранее не задавал, в частности, вопрос о сексуальности.

На пятнадцатом сеансе Реми рассказывает сон, который он дополняет рисунком, в его комментариях появляется активное воображение.

«Жил-был мальчик моего возраста, который привел меня лесной дорогой к ямке. Мы собирали маленьких серебряных человечков, пятерых, которых вынули из сумки. Это было не в доисторические времена, а скорее в Средневековье. Мама была сзади, она спустилась в дыру, а еще там был кто-то, кто вернулся. Это был монстр, весь черный. Была ночь, луна и тень. Под луной – город, где родились мои мать и дядя. Возле дороги стояла девочка, которая ждала меня у края дыры. Она дала мне пальто. На дороге стоял слепой и лежал камень в форме яйца. Там есть еще белые палочки и машина, которая поворачивает налево. Вдалеке виден лес, где еще есть волки».

На этом сеансе динамика инициирована мальчиком возраста Реми, которого последний рисует полностью, в глубине дыры, в то время как себя самого он изображает всего лишь как мальчика-туловище. На коленях, друг против друга, они вынимают серебряных человечков из сумки-яйца: кажется, они вынашивают что-то: пять человечков, как пять утят из второго сеанса.

Я часто встречала в переломных снах мальчиков, еще не достигших половой зрелости, некоего второго неизвестного мальчика – второе Я, которое является носителем требований развития. Является ли он тенью позитивного порядка, установленного в переносе, где Я объединилось и консолидировалось, или это представитель уже появляющейся индивидуальной самости? Я не смогла бы ответить. Но как бы то ни было, он ведет Реми к глубине регрессии, туда, где, сопровождаемый «матерью», матерью-аналитиком, но также и собственной матерью, отношения с которой улучшаются, он может, наконец, вступить во владение материнским сокровищем. Серебро – женский металл, сцена происходит при лунном свете в городе, где родились брат и сестра – мать и дядя.

Два значимых элемента в левой части рисунка ограничивают агрессию: это, с одной стороны, стена, ограничивающая «дыру» с левого края, с другой – черный монстр, протягивающий свои когтистые руки, встающий на пути в матриархальный город. Верхняя, правая четверть листа занята прогрессивными

элементами: это «девочка», дающая пальто, чтобы выйти из дыры и продолжить свой путь вправо, к будущему. Это похоже на обряд посвящения в рыцари. Что касается слепого, если следовать традиции, он обладает внутренним видением и более не нуждается в побуждении наблюдающего взгляда. Кажется, он несет яйцо. Реми говорит, что его дом еще далеко, за пределами листа и за лесом, где все еще водятся волки.

Вероятно, что их невидимое присутствие в бессознательном есть ответ психического на упорство черного монстра, негативного ядра комплекса Матери у Реми. Во время активизации архетипических процессов отрочества волк должен снова выйти из леса, чтобы предотвратить очарование архетипом Матери. И, наконец, есть еще один элемент, который подсказывает мне направление дальнейшего движения: Реми – всего лишь ребенок-туловище; сексуальное побуждение еще вызывает сильную тревогу, агрессивность же интегрирована гораздо лучше. Это предвещает появление другого волка, с которым Реми должен будет померяться силами.

Глава вторая

Образ волка

Эти клинические иллюстрации вызывают в нас, также как и в детях, которые нам рассказывали об этом, *память предков*, которая рассказывает о ветре, холоде, ночи, о суровой жизни, голоде: об Ужасной Матери, такой, какой ее описывал Нойманн.

Мне вспоминается теперь уже старый телефильм «La tuile loups» (что-то вроде «Неожиданное нападение волков»), который замечательно это показывает. Я до сих пор слышу завывания ветра под черепичной крышей, которое должно предупредить заснеженную деревушку о грядущем нашествии волков, гонимых голодом. Вожак стаи был *великолепным черным самцом*, полностью соответствующим нашим фантазиям, угрожающе черный зверь, не имеющий ничего общего с наблюдениями ученых.

Представления

Маленькой девочке, упомянутой ранее, только четыре года, поэтому ее волк находится в прямой связи с ее *телесными ощущениями*. Чем младше ребенок, тем сильнее телесная проекция. Мы отлично знаем эти «игры в волка», которые заставляют

трепетать от удовольствия наших дорогих малышек, от двух до восьми лет, это удовольствие от победы над своими страхами. И марионетки, используемые на сеансе, и сказки, прочитанные родителями, служат той же цели.

Волк – это *слово*, обозначение звуком проживаемого телесного опыта, восприятие в целом чего-то неизвестного, что не может быть высказано иначе. Это равновесие, потерянное и найденное, сепарация от матери, видимое снижение материнского интереса, короче, – все, что проникает в закрытый круг отношений с матерью; именно поэтому волк – это также и комната родителей. «Маленькая девочка», Базиль и Даниель нас в этом убеждают и дают понять, что архаическая конституция образа предшествует пластической форме, которую она может принять.

Пластилин показывает нам, что пасть и уши волка более важны, чем лапы и хвост. В рисунке и в живописи он предстает *черным зверем*, вырезая его из бумаги, дети задерживаются на его зубах, языке, хвосте, гениталиях, несомненно, мужских, как в восприятии девочки, так и мальчика. *Завораживающий взгляд* и сходство с *дьяволом* встречаются в представлениях не только Реми. Но какому бы способу ребенок ни отдал предпочтение, все его тело принимает в этом участие, в замирании или в возбуждении, иногда ликующем, настолько этот образ наполнен эмоциями.

Возникает образ, соответствующий данной ситуации. Попытаться предложить какое-то другое животное – это означало бы не признавать конечной цели бессознательного, исказить выражение данного аффекта. Возникает проекция, которая не дает нам выбора.

Опыт меня убедил, что среди воображаемого зверинца волк есть животное, несущее в себе *максимальную пожирающую агрессию*. Он находится на грани между холоднокровными животными: акулами, крокодилами, – которые вызывают в нас страх, что мы можем быть разорваны на кусочки и поглощены водной пучиной (базовое насилие, из области психоза), и теплокровными животными: тиграми и пантерами, – нападающими и разрывающими на части, но земными хищниками. Что касается льва, то он несет в себе, в первую очередь, угрозу королевской власти. Это разные структурные уровни, и волк находится на пороге мира психоза, которому он закрывает доступ. В общем, волк охраняет границу, хотя в зависимости от того, имеет ли он дело с

событиями, которые происходят здесь и сейчас, или с прошлым, он будет принадлежать к *разным структурным уровням*.

Многозначность образа

– Анализ «маленькой девочки» выносит на поверхность эти разные уровни: вначале мы сталкиваемся с пожирающей яростью Ужасной Матери, которой противостоит жизнеутверждающая агрессивность ребенка. Во время рассказа о появлении отца, смотрящего на свою жену, проявляется еще другое измерение, сексуальное, которое мы определили бы как эдипальное. В любом случае, невнимание отца к дочери вызывает в ней чувство одиночества, увы, уже пережитого в столкновении с Ужасной Матерью. Отец не играет своей роли помощника в сепарации; это именно волк ее выполняет, что дает неблагоприятный прогноз отношений женщины с мужчинами. У нее остается страх агрессии и покинутости, который обрекает ее на одиночество, и именно оно привело ее в анализ.

– Волк Базиля более простой и наивный. Он – проекция союза: необходимость и страх автономии, к которой он стремится, и чувствительность к более архаическим тревогам старшего брата, которые, в любом случае, не принадлежат Базилю. Этот волк – случайный контейнер для мимолетного опыта, но это не уменьшает его пожирающей силы, напоминающей о риске остаться пленником очарования Матери.

– Волки у Даниель, так же как и у маленькой девочки, явно *многозначны*, они относятся к абсолютно разным периодам и воплощают как телесный опыт, так и опыт отношений. На первой сессии, посвященной огненному сну, волки представляют раннюю *эротизацию* этого ребенка, который вместе со своей сестрой-близняшкой потрясен семейными ссорами, ведущими к развалу семьи, и это происходит на протяжении двух-трех лет. Волки являются *препятствием* к установлению удовлетворительных отношений с матерью, к *встрече, восстанавливающей истоки* (негативный аспект). Волки в этом случае, самым реальным образом, запрещают вход в комнату матери. И тогда комната матери, так же, как и в случае с маленькой девочкой, начинает восприниматься как родительская комната с ее *эдиповым запретом*; но за всем этим стоит страдание от ухода отца, т. е. ощущение *покинутости*.

Вторая сессия выводит на поверхность *взаимную агрессию*, которая берет свое начало в отношениях мать-дочь, ставших, наконец, доступными. Даниель приближается к некоторой *установке противоположностей*: она является одновременно волком и крольчонком. Что же касается матери, то это «злая рассерженная фея», которая знает, однако, что маленький милый ребенок может иногда быть злым. Ситуация ясна – речь идет об *интеграции безотчетно-побудительной агрессии утверждения Я*.

Этот этап заканчивается смертью волка, важной настолько, что требуются свидетельства матери-аналитика и короля – фигуры отцовской самости, которые не будут лишними, чтобы убедить ребенка в метаморфозах маскулинности. Волк умирает, «странный принц» появляется. Следовательно, *диссоциация, как способ защиты, может сойти на нет*, то есть исчезает то, что составляло архаические автономные ядра, действующие в бессознательном.

Последний сеанс в цикле волка у Даниель характеризуется трансформацией волка в *собако-волка*, который, как я уже говорила раньше, становится *охранником*, и его ребенок забирает с собой. Это превращение кладет конец самому архаическому аспекту волка. Последний изображенный Даниель волк – совершенно другого порядка: это тот, кто является помощником при сепарации и дифференциации в процессе индивидуации. Он не говорит более о прошлом, но выдвигает *требования будущего*: принести в *жертву инфантильные симбиотические привязанности*; в этом случае внутренний конфликт Я уже хорошо структурирован.

Первый волк Реми, в *контексте* плохо пережитой *сепарации*, вызывает тревогу регрессии, проявившейся во сне. Как и у Даниель, он помогает постепенно преодолеть негативное отношение к матери. Здесь он *ставит границу*, которую надо соблюдать.

Я уже довольно долго и много описывала существующее отношение между этим ребенком и волком, взглядом и дьяволом. Я уже отмечала, что если этот волк имеет отношение к *взаимной агрессии*, которая царила во времена Архаической зависимости, то он также выводит на сцену защиты, соответствующие уровню невротической диссоциации, равно как и *требование стать сознательным*, носителем которого является Люцифер.

Мы видели, как изменялся взгляд; но мы не должны забывать, что *очарование*, которое он вызывает, в основе своей – всего лишь выражение *пожирания* психического нуминозностью великих образов коллективного бессознательного. Реми жил в интроверсии тревожащей, граничащей с аутизмом, откуда его и вытащил волк, когда принял гибридный образ волка-коня. Тем не менее, ребенок продолжает рисовать, тщательно отработывая детали, чем он отгораживается от аналитика, и на это надо обратить особое внимание.

Последняя отсылка к «лесу, где еще водятся волки», показывает, что это комплексное психическое ядро еще достаточно далеко от интеграции. Впрочем, в период отрочества Реми сам попросит о психологической помощи.

Участвующие структуры

Разговор о структурном уровне требует ответа на два вопроса. Каково обсуждаемое архетипическое поле, иначе говоря, каков образ человеческих отношений, возникающий там? Какие элементы прожитого опыта определяют структуру, составляющую комплекс вокруг этого архетипического ядра, который актуализировали происходящие события?

Архетипическое поле, где появляется волк

Нойманн, как и Юнг, отмечал, что наиболее нагруженный аффектами и, возможно, самый патогенный опыт это опыт архетипического порядка. Мы должны констатировать, что «девочка» подтверждает наши комментарии 1975 года. Волк появляется даже у взрослого в архетипическом поле *материнского*, относясь к различным уровням гуманизации архетипа Матери: Мать уроборическая, Великая Богиня Мать, или мать человеческая, которые кажутся, впрочем, выходящими одна из другой, как матрешки. Сага о волке в анализе приводит к конкретному моменту в прожитой негативной Архаической зависимости, и не имеет значения, идет ли речь о покинутости или о травматичном телесном опыте у анализируемых, одаренных большой жизненной стойкостью.

Какова здесь роль *отца*? Очевидно, отец не играет здесь свою архетипическую роль Отца, но является частью окружения в архетипе Матери, как я это уже представила выше¹.

История «девочки» рассказана взрослой женщиной; можно ли предположить, что квазиэдипальное появление отца – это фантазия, *позднее* связанная со спальней родителей. Но этот отец не берет на себя свою отцовскую функцию; он не принадлежит к миру архетипа Отца. То же наблюдение может быть сделано в случае Даниель в первом эпизоде с волками.

Я уже отмечала, что *намек на отца* чаще встречаются у девочки, для которой он – одно из главных лиц, естественно, гораздо «привлекательнее» для девочки, чем для мальчика, у которого появление волка более тесно связано с архаической Матерью. Квазигомосексуальное отношение Реми к мужчинам по материнской линии – дополнительное тому подтверждение.

Последний волк Даниель несет другой смысл. Он приходит для того, чтобы положить конец и вывести отца и девочек из области очарования природой и девственностью в мир желания. Мы *на границе матриархального мира*.

С точки зрения «комплекса»

Анализ образа волка, с точки зрения комплекса, приводит, с одной стороны, к интересу к оболочке, одеждам материнского архетипа, с другой – снова возрождает тревогу первичного архетипического опыта.

Случай Базиля выступает здесь как особенный, но не являющийся отклонением от нормы. У него волк приходит только для того, чтобы придать форму его актуальному конфликту, без сомнения, усиленному тем, что переживает сейчас его старший брат: стремление к автономии, необходимое для дальнейшего развития, и сепарационную тревогу в сочетании со страхом Я остаться узником архетипа Матери. Эта фаза взросления ведет его к расцвету, результатом которого будет *комплексная структура, позитивная и прогрессивная*. Мать, которая не ограничивает автономию сына, проявляет качества, относящиеся к позитивному комплексу Матери, и делает возможным доступ к Отцу.

В большинстве случаев, наоборот, волк проявляет *негативный комплекс Матери*, который установился в *более или менее раннем травматическом прожитом опыте*. Мы обратили внимание, таким образом, на переход от болезненного телесного опыта к сепарации, сопровождаемой глобальным чувством покинутости. Упоминание этих элементов в анализе вновь вызывает тревогу,

которую волк контейнирует.

Изменения, которые вводит волк

С появлением образа волка начинается развитие психических структур. *Овладевая регрессией*, вызванной тревогой, в переносе становится возможным возвращение назад и *мобилизация позитивного аспекта архетипа Великой Матери*. Об этом свидетельствуют Даниель, Реми и «девочка» (когда она находит свои куклы, с которыми ведет себя по-матерински). В этой эволюции *архетип* тоже гуманизируется, постепенно приближаясь к матери, и превращается, наконец, в целостный объект. Даниель прекрасно демонстрирует это во втором эпизоде.

Комплекс Матери больше не преграждает дорогу, открывается *доступ к архетипу Отца*. Для этого нужно оставить некоторые диссоциирующие защиты, избегая инкапсуляции архаических содержаний.

Волк и побуждения

Как я уже говорила, образ волка – это образ, который является самым ярким носителем *пожирающей агрессивности* среди фантазийного зверинца. «Девочка» в этом убеждена: «Не ешьте меня, господин Волк», – умоляет она. Реми чувствует ту же тревогу, усиленную зачаровывающим взглядом, который говорит о поглощении коллективными бессознательными содержаниями, что обостряет поиски симбиотических отношений. У Даниель пожирание свирепствует в отношении и к сестре, и к отцу, и к матери.

Конфронтация с образом в переносе дает побуждению возможность развиваться. Базиль, Даниель и Реми, с небольшими различиями, демонстрируют *агрессивность утверждения Я*, в которой ребенок становится волком. Это происходит потому, что достаточно позитивная мать смогла определиться и обеспечить такие условия, когда страх распада больше не будет препятствовать самоутверждению Я. У женщины, которая вспоминает «девочку» в анализе, появление волка, теперь уже в переносе, имело тот же эффект.

Если рассматривать опыт тех, кто столкнулся с волком, мы будем ошеломлены широтой опасностей, которые угрожали их жизни в психическом и биологическом смысле слова, а также

жизненной силой, которая им понадобилась, чтобы выжить. Волк выводит на сцену *жизненную энергию*, направленную на то, чтобы идти своей дорогой любой ценой. Она позволяет найти выход из положения, когда речь идет о жизни или смерти. Итак, он ставит вопрос об экономии жизненных сил и способе дифференциации сексуального побуждения – и то, и другое обычно незаметно, но обязательно взаимосвязано. Образ волка воплощает эту *организацию побуждений*.

Здесь речь идет только о детях, не достигших половой зрелости, однако, мне все еще кажется, и я отмечала это в работе 1975 года, что *мальчики и девочки идут разными дорогами*.

У Реми, например, «бравый парень», совсем как волки в лесу, вызывает сексуальное возбуждение. Но тем не менее кажется, что архаизм «черного монстра» не дает этому побуждению развернуться. Реми пока еще ребенок-туловище.

Хотя агрессивность девочек вовсе не менее архаична, у них сексуальное побуждение выражается появлением волка, но с какой силой! Я уже говорила о трудностях отношения с мужчинами, на которую обрекли «девочку», ставшую женщиной, страх агрессии и брошенности. Первые волки Даниель выводят на поверхность двусмысленность побуждений, адресуемых родителям и сестре. Агрессивность и эротизм тесно связаны, и именно этому ребенок смело противостоит, выбрасывая в окно излишки. Даниель может только тогда отождествиться с агрессивным самоутверждением, когда освободится от первичного насилия, заставив собаку убить волка. Тогда собако-волк становится носителем будущего. Что касается пятого и последнего волка, то он, осуществив разъединение с сестрой, а потом с отцом, выводит на сцену сексуальную дифференциацию и появление желания.

Волк как маскулинная поддержка в процессе сепарации

«Девочка» вежливо и недвусмысленно обращается к «Господину Волку». Реми видит его после атаки мужчин, вооруженных вилами. У Даниель это мужчина в дыре, который его напоминает. О какой маскулинности идет речь?

Самая архаичная и самая угрожающая маскулинность отсылает к *черному фаллосу Ужасной Матери*. В противовес ему появляется маскулинность защищающегося Я ребенка, в котором проявляются его жизненные силы и которое помогает справляться с

трудностями. В действительности, по Нойманну², это «Я-воин» проживается обоими полами, как маскулинное из-за своего характера героя-освободителя. Это один из моментов развития Я и сознания, которое организует самость. Я воина на уровне целостной личности опирается на маскулинную самость, которая обычно проецируется на *отца*, ее воплощающего, – это *третье превращение маскулинности*.

Когда же нет достаточно твердого отца, который мог бы взять на себя эту функцию, волк оказывается на перепутье, запрещая возврат к Матери и стремясь поддержать переход к маскулинности архетипа Отца. Но, тем не менее, чтобы установиться и стать действующим, архетипу необходим элемент из внешнего мира, которым является отец. В анализе эту роль выполняет отношение переноса. Именно так трансформируются волки наших анализируемых. Это может быть прямая встреча с маскулинностью аналитика-мужчины, или хорошо интегрированный Анимус аналитика – женщины. Эти встречи используются для установления отношений с мужской частью самости, которая подготавливает почву для появления героя.

В нашей клинической работе с символами мы заметили, что этот переход происходит по-разному у мальчиков и девочек. Для мальчиков, кажется, это проще. Страх волка запрещает им возврат к Матери и выводит их из поля психоза. Они становятся сыновьями Волка, который раскрывает им секреты природы и охоты. Эта инициация может, впрочем, осуществиться и через Анимус женщины, которая передает культуру мужчин. Для девочек этот путь более трудный. Волк выступает также как фактор сознания и запрещает им регрессию, акцентируя, таким образом, маскулинность. Тем не менее, намек на отца, который всегда кажется скрытым, может их околдовать, оставить узниками, преграждая им доступ к фемининности и к постороннему мужчине. Таковой оказалась судьба «девочки». Нельзя останавливаться на маскулинной идентичности. Необходима встреча с позитивной фемининностью, которую может подготовить Анима отца.

В то же время необходимо отметить отношение образа волка к сепарации.

Здесь я хочу только напомнить о сепарации, которую он вызывает, опираясь на опыт, составляющий ядро негативного комплекса Матери.

«Пока не увидели волка, можно быть вместе», – размышляет Даниель, рисуя своего последнего волка. Эта функция сепарации-индивидуации появляется у нее с первых эпизодов и интегрируется на протяжении всего анализа. Она ведет ребенка к осознанию своей сексуальной индивидуальности по отношению к матери, сестре и отцу. Также она предостерегает от глубокой зачарованности образами бессознательного и воображения. В таких случаях я чувствую необходимость выйти из леса.

«Девочка» должна была покинуть комнату своей матери, которая превратилась в комнату родителей, после того как туда пришел отец. Первое отделение – это попытка разрыва архаической тождественности с матерью, тождественности, ставшей ужасающей. Второе отделение – это пассивный опыт, страдание, дверь, которую супружеская пара закрывает за собой, оставляя ее в одиночестве. Из двойного разрыва рождается осознание существования перед лицом первичной пары благодаря маскулинности, способной противостоять очарованию, притяжению архетипичного мира, о чем бы ни шла речь, – об Уроборосе, Матери или Отце.

Только в анализе девочка смогла обрести собственную фемининность. Фемининность отца не смогла открыть путь фемининности Женщины, так как он был полностью пленен Матерью.

Что касается волка Реми, появившегося из тревоги не пережитой сепарации, он останавливает упрямое возвращение в регрессии к матери, в форме волка-лошади он окончательно прекращает воздействие околдовывающего взгляда и слишком одностороннюю интроверсию, близкую аутистическому уходу в себя. Он не позволяет ему стать жертвой очарованности и склонности к излишней интроверсии, близкой аутистическому уходу в себя. Только тогда Реми посвящает себя исправлению и конструированию мира, а затем его постепенной гуманизации. «Черный монстр» пятнадцатого сеанса имеет ту же функцию, что и первый волк: запрет на возвращение в город материнского. Его выход из дыры и место, которое он оставляет Хорошей Матери, позволяют ребенку двигаться к сокровищу матери, но этого Реми пока не может сделать, он еще только – мальчик-туловище. Волки в лесу заставляют меня предположить о возникновении нового конфликта, со всеми его рисками регрессии, в течение очередной

конфронтации с архетипом Матери, что свидетельствует о вхождении в период отрочества.

В этом комментарии образ волка, как мне кажется, находится в промежуточном состоянии. Он переходит от матриархата, где архетип Матери является главным, к патриархату, структурированному архетипом Отца. Этот переход является прототипом всего развития, где материнское в целом ставится под вопрос. Волк оказывается на пороге индивидуации, жизненных планов психического, но мы не должны забывать, что все еще возможен риск возвращения деструктивности. Те, кто пользуется поддержкой образа волка, – это люди, одаренные крепкой психической структурой, но жизнь подвергает их особенно опасным физическим и психическим испытаниям.

Гумберт, при окончании нашей исследовательской работы, опасался, что образ волка может лишиться своей нуминозности посредством его осознания. Но это животное, «стоящее на опушке в сумерках», является, если перефразировать Мишеля Деги³, «неуловимым животным», которое содержит в своем животе столько неназванных ощущений и немислимых энергий, что мы никогда не раскроем всей его тайны.

Глава третья

Работа с образом

В 1912 году в работе «Метаморфозы и символы либидо» Юнг выделяет два способа человеческого мышления. Один выражается при помощи слов и как будто предназначен для беседы с партнером – это акт речи, который требует концентрации и утомляет. Другой – это образное мышление.

«(...) образ теснится к образу, чувство к чувству, все явственнее и смелее выступает тенденция, которая претворяет все в нечто, что происходит согласно не с действительностью, а с желательностью»¹.

Все-таки Юнг очень сдержанно относится к этой тенденции, мысль в образах не всегда получается выразить словами, он рассматривает ее как некий побег от реальности, разделяя в этом предубеждения Фрейда.

Нужно было вступить в осознанную конфронтацию с образами бессознательного, где он «предоставил все на волю случая»² с 1912

по 1919 годы, чтобы увидеть в образах динамику психического и подвергнуть ее испытанию, что станет особенностью его клинической практики. Давление бессознательного заставляло его каждый день представлять и описывать собственный психический опыт в рисунках и особенно в *мандалах* — символических фигурах, организованных по схеме, в которой квадрат вписывается в круг. Тщательное наблюдение их трансформации привело его к гипотезе самодостаточности и саморегуляции психического. Он находит там покой и смысл, убеждается, что идет по верному пути («*Воспоминания, сновидения, размышления*»)³.

Однако Юнг установил себе строгий порядок, который соблюдал: тщательно записывал в «черную книгу», а затем в «красную книгу» свои сны и фантазии, а потом также упорно записывал свое понимание, которое не позволило ему затеряться в этом мире образов. Его повседневная жизнь — семья и пятеро детей, пациенты, которые ждут его помощи, — все это привязывало его к реальной жизни с ее радостями и горестями. Эти записи являются для нас по-прежнему поучительными.

Клинические случаи, о которых я рассказывала, показывают значение работы с образами в аналитической психотерапии детей. Что касается подростков, то они заняты переоценкой уже имеющихся ценностей, семейных и социальных, а также своим положением в группе сверстников, своей эмоциональной и профессиональной жизнью. Они требуют специфического подхода, который не имеет ничего общего ни с анализом взрослого, ни с анализом ребенка. Сейчас я не буду развивать эту мысль. Анализ Рене, близкий к анализу взрослого, — это исключение, которое я привожу, потому что этот случай представляет нам архетипический процесс в действии, иллюстрирует архетипическое движение от ребенка к взрослому. Этот анализ не типичен в терапии подростков, которые питают лишь относительный интерес к возникающим у них образам.

Но опыт показывает важность «функции воображения» в трансформации, в процессе возвращения к умственному и психическому здоровью. Посредник и организатор либидо — представление в образах — помогает психической энергии не остаться узницей тела, не способствовать соматизации или переходу к разрушительным действиям. Преображая энергию,

представление позволяет либидо менять направление на структуральном уровне.

С одной стороны, образ является королевской дорогой в бессознательное и к целостности психического, но, с другой стороны, он может быть ахиллесовой пятой поиска индивидуации, в силу своей способности околдовывать; даже аналитик не защищен от нуминозного воздействия архетипов. Работа с образом требует от двух главных действующих лиц этической позиции.

Функция образа

Изабель, Рене, Реми и Даниель проявили эту способность представлять, которая опирается на игру, на телесный опыт, на глобальное восприятие неизвестного. Эмоциональная окраска ситуации, как и пластическая форма, которая появится, являются вторичными по отношению к конкретному, уже имеющемуся, опыту. Я могу лишь напомнить, что есть два аспекта архетипа: биологическая, телесная составляющая архетипа, как фактор поведения, и его способность представлять в образах, при условии необходимого присутствия в окружающей среде элемента мира, которому соответствует этот образ и который его составляет.

Нужно ли говорить, что за всяким живым образом на заднем плане стоит архетипическое? В самом деле, даже когда аналитическая работа признает личный характер образа, все-таки этот образ имеет и более общее значение, не обязательно архаические, но связанное с общечеловеческими способами справляться с ситуацией, с человеческими возможностями выживания. То есть образ относится к коллективному фактору⁴. Рядом с освобождающим катарсическим аспектом этот задний план ответственен за организующую функцию, придающую смысл, а значит – терапевтическую, лечащую с помощью образа, отталкиваясь от которой, Юнг выработал понятие самости.

Мы смогли увидеть у Изабель, Даниель и «девочки», как образ сгущает телесное прожитое, упорядочивает его и возводит мост между этими чувственными данными и мыслью, выраженной словами. Необходимо рассматривать все составляющие, так как они обладают оттенками смысла, и продолжать анализ до тех пор, пока не будут расшифрованы все оттенки. В этом процессе образ помогает дифференцировать первую инстинктивную реакцию в

ответ на стимул, сделать более сознательный выбор во время паузы и заменить необдуманый поступок более ответственным.

Аналитик опирается на воображение, черпая материал в опыте человечества, когда в истории субъекта появляются пробелы и недостатки на различных уровнях функционирования. Аналитик полагается на самость, которая рано или поздно найдет решение, но не проявляет пассивной безмятежности. Работа с образом требует от него точности и личной вовлеченности.

Связь с символом

Образ тесно связан с символом, но это не синонимы. Образ – это спонтанный продукт творческого воображения, стремящийся учесть прожитое индивидуума в его сомато-психической целостности, когда бессознательные содержания возникают в сознании без того, чтобы сознание было бы взломано, а бессознательное было бы подавлено, уточняет Юнг⁵. Образ создает связь, мост между сознанием и бессознательным, становясь символом.

Образ представляет матрицу, контекст, в котором появляется символ. В богатстве своей многозначности образ берет на себя описание того, что составляет общую ситуацию. Образ позволяет одинаково хорошо расшифровывать как природу, так и динамику, и возможности интеграции протекающего процесса⁶.

Возьмем, к примеру, рисунок Даниель, рассказывающий ее ночной сон. Она проживает интрапсихический конфликт архетипического порядка сепарации-дифференциации, что вызывает аффект, который представлен в образе волка. Когда волк обращает в бегство сестру-близнеца, он прерывает невинную, само собой разумеется, прогулку отца и дочери по краю леса, на грани сознания и бессознательного.

Описание Даниель и ее эмоции – это выраженные в мягкой форме требования индивидуации. Однако, когда ребенок сам излагает смысл и цель своего сна: «Пока мы не видели волка, мы можем быть вместе», – образ становится символом, кратко очерчивающим направления движения. Без этого осознания сон был бы только случайностью, нечаянным событием.

Конечно, символ действует уже своей нуминозностью. Мы констатировали это, рассматривая вместе с ребенком рисунок богини-коровки. Юнг пишет, что

«это символическое отношение Я, которое превращает образ в символ»⁷.

Значение образа, которое я вижу и показываю ребенку, передает ему всю силу действующего символа. Аналитик играет роль заместителя Я, который придает образам символическое значение.

Облечение в слова

Когда мы облачаем в слова этот опыт, запечатленный в образе, для самих себя во внутреннем диалоге или для того, чтобы поделиться им с собеседником, мы, в некотором роде, сталкиваемся с ним лицом к лицу.

Мы выходим из состояния идентичности, где простое созерцание подвергло нас риску быть очарованными.

Интуитивное понимание смысла – немедленное и действенное, но выразить мысль словами необходимо для того, чтобы сохранить психическое значение и возможность передачи опыта. Юнг пишет, что

«мысль, выраженная словами, – это, очевидно, инструмент культуры»⁸.

В то же время «жить в образе», имея доступ к символическому процессу, необходимо тогда, когда он представлен сознательным Я. Это необходимо для того, чтобы достичь индивидуации. Таковы два аспекта отношения сознание-бессознательное.

Образ по сути контейнирует переживаемый опыт; это то, что роднит его с телом матери. Облечение в слова выступает в роли отцовского логоса. Так образуется пространство, где Я формируется и развивается благодаря этим последовательным интеракциям.

Поиск смысла

Расшифровка образа все больше раскрывает различные аспекты психического содержания, которое в нем представлено. Первый этап работы описывает конфигурацию всего ансамбля, а затем проявляются составляющие детали и элементы. «Играть» с этими элементами, с их многозначностью, позволяет проведение постоянного различения, чтобы «почувствовать», наконец, конечную цель. Оценка значения есть единственный действенный критерий, инструмент для понимания, создающий смысл для того, кто работает с образом. Здесь открываются многочисленные

оттенки смысла, которые смешиваются, часто перекрывая друг друга, но их дифференциация позволяет не только прожить образ, но и осознать и интегрировать опыт.

Ни один сон, ни один рисунок на аналитическом сеансе не могут появиться просто так. Они более или менее сознательно, хотя и не всегда полностью, предназначены аналитику, «одетому» проекциями, значение которых он пытается понять. Выведение на свет человеческих отношений, которые скрыты в проекциях, кажется мне самой первой эффективной задачей. Как я уже говорила, отношение надо рассматривать, во-первых, в его каждодневном взаимодействии с объектом, и, во-вторых, с точки зрения архетипических задних планов, его поддерживающих. Рассмотрение повседневного опыта позволяет обнаружить различные эмоции, которые сопровождают этот опыт и продолжают свою деятельность, более или менее деструктивно. Действия более глубоких архетипических форм можно анализировать с противоположных точек зрения. Каким образом они будут усиливать своей нуминозностью конкретную ситуацию, в которую вовлечен субъект? И какие новые повороты примет эта архетипическая ситуация, чисто человеческая, при проживании актуального конфликта, открывающего новый диалектический цикл?

Другая задача – это необходимость оценить силу импульсов и ту форму, которую придает инстинкту образ, появляющийся в сознании. Эта работа – прекрасный инструмент, чтобы избежать очарования и риска быть полностью поглощенным фантазиями. Здесь уместна работа над Тенью, с различными противниками-соперниками, равно как и с сопротивлениями. Например, Рене не любил мои намеки на его агрессивные и сексуальные побуждения, которые слишком напоминали ему обезьяну из его первых снов. Однако эти напоминания помогли ему избежать участи узника его первых снов или его воображения.

Ориентируясь на опыт своего собственного анализа, на свое понимание произведений Юнга, на свою собственную культуру, на достижения своего опыта, каждый аналитик выковывает себе свой собственный инструментарий, который служит ему точками опоры, дает возможность амплифицировать образы анализанда. Мифы, сказки и легенды оказывают большую помощь в анализе, об этом свидетельствуют работы М.Л. Фон Франц⁹ или П. Солье¹⁰. Модель

Нойманна, которой я охотно пользуюсь, играет для меня роль объяснительного мифа. Фордхам внес несколько иной вклад.

Тем не менее, было бы самоуверенностью считать, что мы полностью понимаем смысл образа, несмотря на то, что перенос анализируемого охотно принимает наше бессознательное желание всемогущества. Каким бы очевидным ни казался образ, дать ему слово означает получить доступ к неожиданному. Проработать его с анализируемым, «поиграть» с ним значит сохранить всю его жизненность и творческую подвижность.

У аналитика есть свои особенности, которые влияют на результаты анализируемого, – возникает некий сговор, но и психическое анализанда имеет также свой образный словарь: тональности чувства, отрезки работы, представляющиеся под различными углами. Так между двумя главными действующими лицами устанавливается язык образов, позволяющий им понимать друг друга, конечной целью которого является ответ на двойной вопрос: что это означает и что я с этим делаю здесь и теперь?

Было бы бесполезно, если не предосудительно, ограничиться только созерцанием этого, или даже простым пониманием, упрочивая тем самым диссоциацию, которой подверглись эти содержания. Образ – это всего лишь предложение психического, требующее вовлечения, где Я должно занять определенную позицию, в которой оно выстраивается и укрепляется как субъект.

Когда дети чувствуют себя на короткой ноге с образами, они делают кучу вещей: проживают, драматизируют, проговаривают, но они не имеют этого символического отношения, которое придает образам характер индивидуального опыта. Конечно, образ эффективен по самому факту своей нуминозности. Но его интеграция в сознание требует активного участия Я. Проживаемое на сеансе является действенным благодаря позиции аналитика, присутствующего при этом. Его собственная способность символизировать позволяет ему получать материал, контейнировать его, избежав как энергетических потерь, так и деструктивного очарования. Тональность его аффектов, отвечающих на аффекты ребенка, определяет то, что придает смысл и позволяет сделать интерпретацию.

Интерпретация может быть описательным сопровождением образа и возникающих содержаний. Она может также

формулировать аналитическое определение места сопротивлений или анализируемых структур: комплексов, имаго, архетипов. Как бы то ни было, она создает необходимое пространство конфронтации, где восстанавливается или строится ось Я-Самость.

В этом общении с символизирующей функцией аналитика ребенок создает свою собственную символическую способность, и рождается то, что Юнг называет «трансцендентной функцией», функцией регуляции связи между сознанием и бессознательным, которая лежит в основе здорового психического.

Примечания

Введение

1. C.G.Jung, *Ma vie*, Paris, Gallimard, 1966.
2. S. Freud, C.G. Jung, *Correspondance*, 2 t., Paris, Gallimard, 1975.
3. C.G. Jung, *La Psychologie du transfert*, Paris, Albin Michel, 1980.
4. M. Fordham, *Children as Individuals*, Londres, Hodder & Stoughton, 1969.
5. E. Neumann, *The Origins and History of Consciousness*, Princeton, N.J., Princeton University Press, 1969.
6. E. Neumann, *The Great Mother*, Londres, Routledge & Kegan Paul, 1970.
7. E. Neumann, *Amor and Psyche*, New York, Princeton University Press, 1973.
8. E. Neumann, *The Fear of the Feminine*, Princeton, N.J., Princeton University Press, 1994.
9. E. Neumann, *The Child*, Londres, Hodder and Stoughton, 1973.

Часть первая

К.Г. Юнг и ребенок

Глава первая. Диалог с Фрейдом

1. P Gay, *Freud, une vie*, Paris, Hachette, 1991.
2. E.G. Humbert, *Jung*, Paris, Ed. universitaires, 1983.
3. C. G. Jung, «Studies in word association», *Experimental Researches*, C.W., vol. 2. Londres, Routledge & Kegan Paul, 1973.
4. C.G. Jung, «The Psychology of Dementia Praecox», *The Psychogenesis of Mental Disease*, C.W., vol. 3, Londres, 1960.
5. C.G. Jung, «The Family Constellation», *Experimental Researches*, *op. cit.*

6. *Ibid.*, § 1007.
7. *Ibid.*
8. *Ibid.*, § 1013.
9. *Ibid.*, § 1014.
10. C.G. Jung, «De l'importance du pere pour la destinee de l'individu», *Psychologie et education*, Paris, Buchet-Chastel, 1963, p. 205–240.
11. C.G. Jung, in *Jahrbuch fur psycho-analytische und psychopathologische Forschungen*, vol. 1, Leipzig et Vienne, 1910.
12. «De l'importance du pere...», p. 207.
13. *Ibid*, p. 208.
14. *Ibid*, p. 211–212.
15. *Ibid.*, p. 212.
16. *Ibid.*, p. 216.
17. *Ibid.*, p. 217.
18. *Ibid.*, p. 236.
19. *Ibid.*, p. 237.
20. C.G. Jung, «Conflits de l'ame enfantine», *Psychologie et education*, *op. cit.*, p. 119–177.
21. *Ibid*, p. 129.
22. *Ibid*, p. 133.
23. *Ibid*, p. 134.
24. *Ibid*, p. 135.
25. *Ibid*, p. 138.
26. *Ibid*, p. 140.
27. *Ibid*, p. 141.
28. *Ibid*, p. 138–139.
29. C.G. Jung, *Metamorphoses et symboles de la libido*, Paris, Montaigne, 1927.
30. C.G. Jung, «Conflits de l'ame enfantine», *op. cit.*, p. 141.
31. *Ibid*, p. 142.
32. *Ibid*, p. 144–145.
33. *Ibid*, p. 146.
34. *Ibid*, p. 148–149.
35. *Ibid*, p. 151.
36. *Ibid*, p. 152.
37. *Ibid*, p. 153–154.
38. *Ibid*, p. 154.
39. *Ibid*, p. 154–155.

40. *Ibid*, p. 153.
41. *Ibid*, p. 156.
42. *Ibid*, p. 157–158.
43. *Ibid*, p. 158.
44. *Ibid*, p. 159.
45. *Ibid*.
46. *Ibid*, p. 159–160.
47. *Ibid*, p. 161.
48. *Ibid*.
49. *Ibid*, p. 163.
50. *Ibid.*, p. 164.
51. *Ibid.*, p. 165–166.
52. *Ibid.*, p. 166–167.
53. *Ibid.*, p. 167.
54. *Ibid.*, p. 168.
55. *Ibid.*, p. 171.
56. *Ibid.*, p. 172–173.
57. *Ibid.*, p. 171.
58. *Ibid.*, p. 173.
59. *Ibid*.
60. *Ibid.*, p. 174.
61. *Ibid.*, p. 175.
62. *Ibid.*, p. 176.
63. *Ibid.*, p. 177.
64. C.G. Jung, «La rumeur», *Psychologie et education*, *op. cit.*, p. 179–204.
65. *Ibid*, p. 181–182.
66. *Ibid*, p. 185.
67. C.G. Jung, «Uber Psychoanalyse beim Kinde», *I Congres international depedagogie*, Bruxelles, 1912; «A case of neurosis in a child», «The theory of psychoanalysis», *Freud and Psychoanalysis*, C.W., vol. 4, § 458–522.
68. *Ibid.*, § 461–465.
69. *Ibid.*, § 458.
70. *Ibid.*, § 459.
71. *Ibid.*, § 469.
72. *Ibid.*, § 470.
73. *Ibid*.
74. *Ibid.*, § 474.

75. *Ibid.*
76. *Ibid.*, § 486.
77. C.G. Jung, «On psychological understanding», *The Psychogenesis of Mental Disease*, *op. cit.*, p. 179 sq.
78. C.G. Jung, «A case of neurosis in a child», *op. cit.*, § 490.
79. *Ibid.*, § 510.
80. *Ibid.*, § 520.

Глава вторая. Разрыв

1. C.G. Jung, *Metamorphoses et symboles de la libido*, *op. cit.*
2. G.G. Jung, *Metamorphoses de l'ame et ses symboles*, Geneve, Georg & Cie, 1967, p. 33.
3. *Ibid.*, p. 34.
4. *Ibid.*
5. *Ibid.*, p. 35.
6. *Ibid.*
7. C.G. Jung, *Ma vie*, *op. cit.*, p. 19.
8. C.G. Jung, «The theory of psychoanalysis», *Freud and Psychoanalysis*, C.W., vol. 4, § 203–522.
9. *Ibid.*, § 234.
10. *Ibid.*, § 237.
11. *Ibid.*, § 241.
12. *Ibid.*, § 282.
13. *Ibid.*, § 290.
14. *Ibid.*, § 293.
15. *Ibid.*, § 295.
16. *Ibid.*, § 304.
17. *Ibid.*, § 306.
18. *Ibid.*, § 305.
19. *Ibid.*, § 306.
20. *Ibid.*, § 344.
21. *Ibid.*, § 345.
22. *Ibid.*, § 349.
23. *Ibid.*, § 350.
24. *Ibid.*, § 520.

Глава третья. Юнг таков, каков он есть

1. E.G. Humbert, *Jung*, *op. cit.*, p. 35.
2. C.G. Jung, «On psychological understanding», *op. cit.*

3. C.G. Jung, «Instinct et Inconscient», *Energetiquepsychique*, Geneve, Georg et Cie, 1956.
4. C.G. Jung, «Child Development and Education», *The Development of Personality, C.W.*, vol. 17, § 98-126.
5. *Ibid.*, § 100 *sq.*
6. *Ibid.*, § 102.
7. *Ibid.*, § 103–107.
8. *Ibid.*, § 106.
9. C.G. Jung, «Psychologie analytique et education», *Psychologie et education, op. cit.*, p. 7-117.
10. *Ibid.*, p. 96.
11. *Ibid.*
12. C.G. Jung, «The significance of the Unconscious in individual education», *C.W.*, vol. 17, § 253–283.
13. *Ibid.*, § 256.
14. C.G. Jung, «Introduction to Wickes's Analyse der Kinderseele», *C.W.*, vol. 17, § 80–97.
15. *Ibid.*, § 87.
16. *Ibid.*, § 85.
17. *Ibid.*, § 90.
18. *Ibid.*, § 94.
19. *Ibid.*, § 97.
20. «A seminar with C.G. Jung: Comments on a child's dream (1936–1937)», *Spring 1974*, New York, Spring Publications, 1974, p. 200–223.
21. *Ibid.*, p. 222.
22. C.G. Jung, «L'enfant doue», *Psychologie et education, op. cit.*, p. 241–259.
23. C.G. Jung, «Les aspects psychologiques de l'archetype de la mere», *Les Racines de la conscience*, Paris, Buchet-Chastel, 1971, p. 87–131.
24. C.G. Jung, «Contribution a l'aspect psychologique de la figure de Kore», *Introduction a l'essence de la mythologie*, Paris, Petite Bibliotheque Payot, 1958, p. 215–242.
25. *Op. cit.*
26. *Op. cit.*
27. *Metamorphoses...*, p. 439 *sq.*
28. «De l'importance du pere...», p. 235–236.
29. *Ibid.*, p. 236.

30. C.G. Jung, «Contribution a la psychologie de l'archetype de l'enfant», *Introduction a l'essence de la mythologie*, *op. cit.*, p. 105–144.

Часть вторая

Детский юнгианский анализ

Глава первая. Существует ли детский юнгианский анализ?

1. E.G. Humbert, in A. Virel, *Vocabulaire des psychotherapies*, Paris, Fayard, 1977, p. 304.
2. M. Fordham, *Children as Individuals*, *op. cit.*, p. 98.
3. N. Tinbergen, *The Study of Instinct*, Londres, O.U.P., 1951.
4. E. Neumann, *The Child*, *op. cit.*, p. 9.
5. E. Neumann, *ibid.*, p. 153.
6. E.G. Humbert, *Jung*, *op. cit.*, p. 107.
7. *Ibid*, p. 107.
8. J. Cosmer, «L'observation directe des interactions precoces», *Psychiatrie de l'enfant*, Paris, P.U.F., n° 27.
9. E. Neumann, *The Origins and History of Consciousness*, *op. cit.*, p. 288.
10. E. Neumann, *The Child*, *op. cit.*, p. 27.
11. *Ibid*, p. 8.
12. *Ibid*, p. 48.
13. C.G. Jung, *op. cit.*
14. M. Fordham, *Children as Individuals*, *op. cit.*, p. 93 sq.
15. M. Fordham, *The Self and Autism*, Londres, Heinemann, 1976.
16. K. Lambert, *Analysis, Repair and Individuation*, Londres, Academic Press, 1981, p. 96.
17. K. Lambert, *ibid.*, p. 96.
18. E.G. Humbert, *Jung*, *op. cit.*, p. 106–107.
19. E. Neumann, *The Child*, *op. cit.*, p. 82.
20. K. et M. Papousek, «Intuitive parenting: a dialectic counterpart to the infant integrative competence» in J.D. Osofsky, *Handbook of Infant Development*, New York, 1987.
21. E. Neumann, *The Child*, *op. cit.*, p. 96–102.
22. D.W. Winnicott, *De la pediatrie a la psychanalyse*, Paris, P.B. Payot, 1969.
23. C.G. Jung, «Contribution a l'aspect psychologique de la figure de Kore», *op. cit.*, p. 215–242.
24. A. Green, «La mere morte», *Narcissisme de vie, narcissisme de mort*, Paris, Les Ed. de Minuit, 1983.

25. C.G. Jung, *Ma vie, op. cit.*, p. 203.
26. *Ibid.*, p. 206.
27. C.G. Jung, *Psychologie et education, op. cit.*, p. 159.
28. Dora M. Kalff, *Le Jeu de sable, methode depsychotherapie*, Paris, Epi, 1973.
29. F. Montecchi, *Giocando con la sabbia, la psicoterapia con bambini e adolescenti e la «sandplaytherapy»*, Milan, Franco Angeli ed., 1993.

Глава вторая. Некоторые концептуальные понятия

1. C.G.Jung, *Dialectique du moi et de l'inconscient*, Paris, Gallimard, 1964, p. 294.
2. C.G.Jung, *Introduction a l'etude de la mythologie, op. cit.*, p. 122.
3. C.G.Jung, «Freud and Jung: contrasts», *C.W.*, vol. 4, p. 339.
4. C.G. Jung, *Typespsychologiques*, Geneve, Georg et Cie, 1950, p. 269.
5. C.G.Jung, *Metamorphoses et symboles de la libido, op. cit.*, p. 44.
6. C.G. Jung, *D'Homme a la decouverte de son dme*, Geneve, Mont-Blanc, 1970, p. 235 sq.
7. *Ibid*, p. 240.
8. C.G. Jung, *Un mythe moderne*, Paris, Gallimard, 1961, p. 86.
9. C.G. Jung, *Dialectique du moi et de l'inconscient, op. cit.*, p. 96.
10. C.G. Jung, *Aion*, Paris, Albin Michel, 1983, p. 20 sq.
11. C.G. Jung, *Les Racines de la conscience, op. cit.*, p. 483 sq.
12. C.G. Jung, *Aion, op. cit.*, p. 15.
13. C.G. Jung, *Les Racines de la conscience, op. cit.*, p. 485 sq.
14. C.G. Jung, *La Psychologie du transfert, op. cit.*, p. 26.
15. C.G. Jung, *Typespsychologiques, op. cit.*, p. 423–424.
16. C.G. Jung, *Dialectique du moi et de l'inconscient, op. cit.*, p. 216.
17. C.G. Jung, *Problemes de l'dme moderne*, Paris, Buchet-Chastel, 1960, p. 13.
18. C.G. Jung, *L' Homme a la decouverte de son dme, op. cit.*, p. 259.
19. C.G. Jung, *Typespsychologiques, op. cit.*, p. 412 sq.
20. C.G. Jung, *L' Homme a la decouverte de son dme, op. cit.*, p. 374.
21. C.G. Jung, *Typespsychologiques, op. cit.*, p. 450.

22. C.G. Jung, *Dialectique du moi et de l'inconscient*, *op. cit.*, p. 131.
23. C.G. Jung, *Les Racines de la conscience*, *op. cit.*, p. 287.
24. *Ibid.*, p. 287.
25. C.G. Jung, *Aion*, *op. cit.*, p. 78.
26. C.G. Jung, *Les Racines de la conscience*, *op. cit.*, p. 554.
27. C.G. Jung, *LI Energetique psychique*, *op. cit.*, p. 554.
28. C.G. Jung, *Reponse a Job*, Paris, Buchet-Chastel, 1971, p. 219.
29. C.G. Jung, *Les Racines de la conscience*, *op. cit.*, p. 201.
30. M. Fordham, *Children as Individuals*, *op. cit.*
31. M. Fordham, *The Self and Autism*, *op. cit.*
32. E. Neumann, *The Child*, *op. cit.*, p. 9, 20, 68, 182.
33. *Ibid*, p. 8–10, 27–43, 68.
34. E. Neumann, *The Origins and History of Consciousness*, *op. cit.*, p. XXII, n° 7.
35. *Ibid.*, p. 42.
36. E. Neumann, *The Child*, *op. cit.*, p. 54.
37. E. Neumann, *The Origins and History of Consciousness*, *op. cit.*, p. 147.
38. E. Neumann, *The Child*, *op. cit.*, p. 53.
39. *Ibid*, p. 162.
40. E. Neumann, «The moon and matriarcal consciouness», *The Fear of the Feminine*, *op. cit.*, p. 66.
41. *Ibid.*, p. 65.
42. E. Neumann, *The Child*, *op. cit.*, p. 199.
43. *Ibid*, p. 88–91.
44. *Ibid*, p. 91.
45. *Ibid.*, p. 86–87.
46. *Ibid*, p. 129–134.
47. *Ibid.*, p. 29.
48. *Ibid.*, p. 32 *sq.*
49. Antonio R. Damasio, *LI Erreur de Descartes, la raison des emotions*, Paris, Odile Jacob, 1995.

Часть третья

Большие архетипические последовательности

Глава первая. Архаическая зависимость

1. W. Giegerich, «Ontogeny = Phylogeny? A fundamental critique of Erich Neumann's Analytical Psychology», *Spring 1975*, New York, Spring Publications, 1975.
2. E. Neumann, *The Child*, *op. cit.*, p. 24.
3. *Ibid.*, p. 24.
4. *Ibid.*
5. *Ibid.*, p. 23.
6. *Ibid.*, p. 10.
7. *Ibid.*
8. E. Neumann, «The experience of the Unitary Reality», *The Place of Creation*, Princeton, N.J., Princeton University Press, 1989.
9. E. Neumann, «The Psyche and the Transformation of the Reality planes: A Meta-psychological Essay», *The Place of Creation*, *op. cit.*
10. C.G. Jung, *Synchronicite et Paracelsica*, Paris, Albin Michel, 1988.
11. E. Neumann, *The Place of Creation*, *op. cit.*, p. 68.
12. E. Neumann, *The Child*, *op. cit.*, p. 11–12.
13. *Ibid*, p. 16–17.
14. *Ibid*, p. 31.
15. C.G. Jung, *The Psychogenesis of Mental Disease*, *op. cit.*, p. 40, § 82.
16. E. Neumann, *The Child*, *op. cit.*, p. 38.
17. *Ibid.*, p. 20.
18. *Ibid.*, p. 58–59.
19. E. Neumann, *The Origins and History of Consciousness*, *op. cit.*, p. 5–38.
20. *Ibid.*, p. XXII, n. 7.
21. E. Neumann, *The Child*, *op. cit.*, p. 96.
22. *Ibid.*, p. 96 *sq.*
23. *Ibid*, p. 104.
24. *Ibid.*
25. «Le loup», *Cahiers de psychologie jungienne*, n° 7, 1975.
26. E. Neumann, *The Child*, *op. cit.*, p. 106.
27. *Ibid*, p. 107.
28. *Ibid.*, p. 108.
29. *Ibid*, p. 182.
30. *Ibid*, p. 168–169.
31. *Ibid.*, p. 182.

32. L. Kreisler, *l'Enfant du desordre psychosomatique*, Paris, Privat, 1981.

33. A. Green, «La mere morte», *op. cit.*

34. C.G. Jung, *Introduction a l'essence de la mythologie*, *op. cit.*, p. 215–242.

Глава вторая. «Архетипические волны» отрочества

1. E.G. Humbert, *Jung*, *op. cit.*, p. 107.

2. C.G. Jung, *Metamorphoses de l'ame et ses symboles*, *op. cit.*, p. 437.

3. *Ibid.*, p. 438–439.

4. E. Neumann, *The Origins and History of Consciousness*, *op. cit.*, p. 113–114.

5. E. Neumann, *The Child*, *op. cit.*, p. 182.

6. C.G. Jung, *Metamorphoses de l'ame et ses symboles*, *op. cit.*, p. 438–439.

7. E. Neumann, *The Origins and History of Consciousness*, *op. cit.*, p. 407–408.

Часть четвертая

Образ

Глава первая. О некоторых волках

1. C.G. Jung, *L'Homme, a la decouverte de son ame*, *op. cit.*, p. 329.

2. A. Green, «La mere morte», *op. cit.*

3. «Le loup», *Cahiers de psychologie jungienne*, n° 7, 1975.

4. E. Neumann, *The Child*, *op. cit.*, p. 157 sq.

Глава вторая. Образ волка

1. Cf. ci-dessus «La Relation Archaïque».

2. E. Neumann, *The Child*, *op. cit.*, p. 136 sq.

3. M. Deguy, *Actes*, Paris, Gallimard, 1966.

Глава третья. Работа с образом

1. C.G. Jung, *Metamorphoses et symboles de la libido*, *op. cit.*, p. 15.

2. C.G. Jung, *Ma vie*, *op. cit.*, p. 208.

3. *Ibid.*, p. 208 sq.

4. C.G. Jung, *Metamorphoses de l'ame et ses symboles*, *op. cit.*, p. 82.

5. C.G. Jung, *Les Racines de la conscience*, *op. cit.*, p. 330.

6. E.G. Humbert, *Jung, op. cit.*, p. 55.
7. C.G. Jung, *Typespsychologiques, op. cit.*, def. 55.
8. C.G. Jung, *Metamorphoses de l'ame et ses symboles, op. cit.*, p. 64.
9. M.L. von Franz, *La Voie de l'individuation dans les contes de fees*, Paris, La Fontaine de Pierre, 1978.
10. P Solie, *Psychanalyse et imaginai*, Paris, Imago, 1980; *Mythanalyse jungienne*, Paris, Les Editions ESF, 1981.

Литература

- Грин А. Мертвая мать. СПб.: Французская психоаналитическая школа, 2005.
- Ламберт К. Анализ, выздоровление и индивидуация. СПб.: ИЦПК, 2004.
- Нойманн Э. «Происхождение и развитие сознания». М.: «Релф-бук», «Ваклер» 1998.
- Франц фон М.-Л. Психология сказки. Толкование волшебных сказок. СПб.: Б.С.К., 1998.
- Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления. Львов: Инициатива, 1998.
- Юнг К.Г. Психология переноса. М.: «Релф-бук», «Ваклер», 1997.
- Юнг К.Г. «Психология Dementia praecox». Минск: Харвест, 2003.
- Юнг К.Г. Значение отца в судьбе отдельного человека. Психоанализ детской сексуальности. СПб.: Союз, 1997.
- Юнг К.Г. Конфликты детской души. Москва: Канон, 2004.
- Юнг К.Г. Либи́до, его метаморфозы и символы. СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 1994.
- Юнг К.Г. Алхимия снов. СПб.: «Timothy», 1997.
- Юнг К.Г. Психологические аспекты Кору // Душа и миф. Шесть архетипов. Киев-Москва: Порт-Рояль, Совершенство, 1997.
- Юнг К.Г., Кереньи К. Введение в сущность мифологии // Душа и миф. Шесть архетипов. Киев-Москва: Порт-Рояль, Совершенство, 1997.
- Юнг К.Г. Избранное. Минск: Попурри, 1998.
- Cahiers de psychologie jungienne*, «Le loup», n° 7, 1975.
- Cosmer J., «L'observation directe des interactions precoces», *Psychiatrie de l'enfant*, Paris, P.U.F., n° 27.

- Damasio Antonio R., *L Erreur de Descartes, la raison des emotions*, Paris, Odile Jacob, 1995.
- Deguy M., *Actes*, Paris, Gallimard, 1966.
- Fordham M., *Children as Individuals*, Londres, Hodder & Stoughton, 1969.
- Fordham M., *The Self and Autism*, Londres, Heinemann, 1976.
- Franz M.L. von, *La Voie de l'individuation dans les contes de fees*, Paris, La Fontaine de Pierre, 1978, et autres...
- Freud S., Jung C.G., *Correspondance*, 2 t., Paris, Gallimard, 1975.
- Gay P., *Freud, une vie*, Paris, Hachette, 1991.
- Giegerich W., «Ontogeny = Phylogeny? A fundamental critique of Erich Neumann's Analytical Psychology», *Spring 1975*, New York, Spring Publications, 1975.
- Green A., «La mere morte», *Narcissisme de vie, narcissisme de mort*, Paris, Les Ed. de Minuit, 1983.
- Humbert E.G., *Jung*, Paris, Ed. universitaires, 1983.
- Humbert E.G., in A. Virel, *Vocabulaire des psychotherapies*, Paris, Fayard, 1977.
- Jung C.G., «A seminar with C.G. Jung: comments on a child's dream (1936–1937)», *Spring 1974*, New York, Spring Publications, 1974.
- Jung C.G., *Aion*, Paris, Albin Michel, 1983.
- Jung C.G., «Child Development and Education», *The Development of Personality*, C.W., vol. 17.
- Jung C.G., «Contribution a l'aspect psychologique de la figure de Kore», *Introduction a l'essence de la mythologie*, Paris, Petite Bibliotheque Payot, 1958.
- Jung C.G., «De l'importance du pere pour la destinee de l'individu», *Psychologie et education*, Paris, Buchet-Chastel, 1963.
- Jung C.G., *Dialectique du moi et de l'inconscient*, Paris, Gallimard, 1964.
- Jung C.G., «Freud and Jung: contrasts», C.W., vol. 4.
- Jung C.G., in *Jahrbuch fur psycho-analytische und psychopathologische Forschungen*, vol. 1, Leipzig et Vienne, 1910.
- Jung C.G., «Instinct et Inconscient», *Energetique psychique*, Geneve, Georg et Cie, 1956.
- Jung C.G., *Il Homme a la decouverte de son dme*, Geneve, Mont-Blanc, 1970.
- Jung C.G., *la Psychologie du transfert*, Paris, Albin Michel, 1980.

- Jung C.G., «Les aspects psychologiques de l'archetype de la mere», *les Racines de la conscience*, Paris, Buchet-Chastel, 1971.
- Jung C.G., *Ma vie*, Paris, Gallimard, 1966.
- Jung C.G., *Metamorphoses de l'dme et ses symboles*, Geneve, Georg & Cie, 1967.
- Jung C.G., *Metamorphoses et symboles de la libido*, Paris, Montaigne, 1927.
- Jung C.G., *Problemes de l'dme moderne*, Paris, Buchet-Chastel, 1960.
- Jung C.G., *Reponse a Job*, Paris, Buchet-Chastel, 1971.
- Jung C.G., «Studies in word association», *Experimental Researches*, C.W., vol. 2, Londres, Routledge & Kegan Paul, 1973.
- Jung C.G., *Synchronicite et Paracelsica*, Paris, Albin Michel, 1988.
- Jung C.G., «The Psychology of Dementia Praecox», *The Psychogenesis of Mental Disease*, C.W., vol. 3, Londres, 1960.
- Jung C.G., «The Theory of Psychoanalysis», *Freud and Psychoanalysis*, C.W., vol. 4.
- Jung C.G., *Types psychologiques*, Geneve, Georg et Cie, 1950.
- Jung C.G., «Uber Psychoanalyse beim Kinde», *I Congres international de pedagogic*, Bruxelles, 1912; «A case of neurosis in a child», «The theory of psychoanalysis», *Freud and Psychoanalysis*, C.W., vol. 4.
- Jung C.G., *Un mythe moderne*, Paris, Gallimard, 1961.
- Kalff Dora M., *le Jeu de sable, methode de psychotherapie*, Paris, Epi, 1973.
- Kreisler L., *I Enfant du desordre psychosomatique*, Paris, Privat, 1981.
- Lambert K., *Analysis, Repair and Individuation*, Londres, Academic Press, 1981.
- Montecchi F., *Giocando con la sabbia, lapsicoterapia con bambini e adolescenti e la «sandplaytherapy»*, Milan, Franco Angeli ed., 1993.
- Neumann E., *Amor and Psyche*, New York, Princeton University Press, 1973.
- Neumann E., *The Child*, Londres, Hodder and Stoughton, 1973.
- Neumann E., «The experience of the Unitary Reality», *The Place of Creation*, Princeton, N.J., Princeton University Press, 1989.
- Neumann E., *The Fear of the Feminine*, Princeton, N.J., Princeton University Press, 1994.
- Neumann E., *The Great Mother*, Londres, Routledge & Kegan Paul, 1970.

Neumann E., *The Origins and History of Consciousness*, Princeton, N.J., Princeton University Press, 1969.

Papousek K. et M., «Intuitive parenting: a dialectic counterpart to the infant integrative competence», in J.D. Osofsky, *Handbook of Infant Development*, New York, 1987.

Solie P, *Mythanalysejungienne*, Paris, Les Editions ESF, 1981.

Solie P, *Psychanalyse et imaginai*, Paris, Imago, 1980.

Tinbergen N., *The Study of Instinct*, Londres, O.U.P., 1951.

Winnicott D.W., *De la pediatrie a la psychanalyse*, Paris, Petite Bibliotheque Payot, 1969.

Примечания

1

Парижское издательство Albin Michel приступило к изданию на французском языке (*Кристиан Гайар*. Карл Густав Юнг. М.: АСТ; Астрель, 2004, с. 156)

2

В книге Эриха Ноймана «Происхождение и развитие сознания» («Релф-бук», «Ваклер», 1998) этот термин переведен как «целостность тело-психика». – *Примеч. ред.*

3

В книге Эриха Нойманна «Происхождение и развитие сознания» («Релф-бук», «Ваклер», 1998) это выражение переведено как «первоначальное единство», но Дениз Лиар настаивает на прилагательном «архаическое», поэтому мы употребляем выражение «архаическое единство» и, как следствие, Архаическая зависимость. – *Примеч. ред.*

4

В нашей психоаналитической литературе принято название ось Эго-Самость, но автор употребляет выражение «L'axe moi-soi», без латинского ego, поэтому в данной книге мы делаем перевод «ось Я-Самость».

Инцистирование – процесс образования плотной оболочки цисты – у одноклеточных организмов, наблюдается при неблагоприятных условиях жизни (например, при высыхании) или в определенные периоды жизненного цикла. (Словарь иностранных слов. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1954).